

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА
ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

М.А. КАРАУЛОВ

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

М.А. КАРАУЛОВ

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

М.А. КАРАУЛОВ

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2008

ББК 63.3(2)

К21

Караулов М.А.

К21 Терское казачество / Михаил Караулов. — М. : Вече, 2008. — 320 с. : ил. — (История казачества).

ISBN 978-5-9533-3093-0

Первое упоминание о терских казаках относится к XVI веку. Их отдаленными предками были гребенские казаки, поселившиеся на реке Сунже в конце XV — первой половине XVI века и присоединившиеся к ним в XVI веке переселенцы с Дона. Официальной датой основания Терского казачьего войска считался 1577 год, когда гребенцы успешно оборонялись от крымских татар в Терском городке близ устья реки Сунжи.

Книга атамана Терского казачьего войска генерал-майора Михаила Александровича Караулова, впервые изданная в 1912 году под названием «Терское казачество в прошлом и настоящем», рассказывает об истории терского казачества и ратных подвигах русского воинства во славу Отечества.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-3093-0

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

«Если казаки могут быть названы привилегированным сословием, то привилегия их заключается в том, что они стоят в первом ряду Государевых слуг...

Гр. Д.А. Милютин. «Объяснения Военного Министра и замечания Министра Внутренних Дел». В 1873 году

Дам тебе я на дорогу
Образок святой...

*М.Ю. Лермонтов. Казачья
колыбельная песня*

Его Императорскому Высочеству, наследнику цесаревичу и Великому Князю Алексию Николаевичу, августейшему атаману всех казачьих войск, в знак искренней и беспредельной преданности посвящает свой труд Автор

ВСТУПЛЕНИЕ

Почти четыре века миновало с того времени, как впервые появилось на Тереке казачество. Много с той поры утекло воды, много пролилось и крови... Три с лишком столетия понадобилось для того, чтобы из малой горсти первых удальцов — Гребенских казаков выросло совре-

менное Терское Войско, единое в своей множественности. Гребенцы, Низовые Терцы, Аграханцы, Терцы-Семейцы, Кизлярцы, Волгцы, Моздокцы, Горцы, Владикавказцы, Сунженцы — все это отдельные цветы в ярком венке славного Терского Войска, являющегося наследником лихого Кавказского Линейного Войска; все это одна семья, крепнувшая и развивавшаяся из поколения в поколение.

Проникнутые пламенной верой в Бога и Его всемогущее покровительство, беззаветно преданные Престолу Самодержавных Царей Русских, горящие самоотверженной любовью к великому Отечеству нашему, сильные столько же духом, сколько и телом, наши прадеды и деды «с громом битвы и победы шли вперед за шагом шаг», неудержимо стремясь «двинуть далеко предел порубежный и твердою грудью заслонить своей»... «Смерть и раны презирая, деды в смертный час и нам свой завет передавали, чтоб идти по их следам», «храбро, весело, отважно чтоб Царям всегда служить и чтоб прадедовской славы нам во веки не забыть»...

Напомнить наше славное боевое прошлое, указать на непрерывную тесную историческую связь, на общность духа, работы и целей всего Российского Казачества «до Урала, до Алтая, до Амура... от Днепра», разбудить задремавшую казачью мысль, раздуть в сердцах казачьего юношества и взрослых поколений тлеющие под пеплом исторических наслоений искры священного огня, искры казачьего духа, — ставил своей задачей автор, глубоко убежденный, что жив еще этот казачий дух, еще не умерла казацкая доблесть, еще не погибло казачество, еще не сказало оно своею последнего слова...

И наша громкая прадедовская слава, добытая дорогою ценою беспримерных трудов и лишений, омытая целыми потоками своей и вражьей крови, пусть ярко

сияет путеводной звездой и для подрастающих наших поколений, пусть знают они и чтут ее, пусть будут ее достойны!..

Пусть свет прошлого озарит нам настоящее!.. Пусть пробудившаяся казачья мысль, как и в былое время, соберет нас во единый казачий круг и укажет нам путь к исполнению до последнего конца лежащей на Казачестве исторической задачи!..

И пусть знают наши друзья и недруги, что есть еще порох в наших пороховницах, еще не притупились казачьи сабли, не ослабела еще казацкая сила, еще не гнутся казаки!..

А сами мы, видя яркий свет у себя в прошлом, будем, не смущаясь настоящими невзгодами, смело и бодро, с сознанием своей силы и святости своего великого дела, смотреть вперед, памятуя всегда, что с нами — Бог, над нами — Царь, а за нами — Русь Святая!..

Подъесаул М.А. Караулов 2-й

Часть I

КАЗАЧЕСТВО

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой...

I. Значение слова «Казак»*

Происхождение слова. Его первоначальное общее значение. Особые значения: казаки-батраки и казаки-воины. Казаки татарские и русские

Слово «казак» несомненно не русского происхождения. Надо думать, что на Русь занесено оно татарами, так как ни в каких документах и книгах мы не находим его в первые века русской истории, до татарского нашествия.

Слово это давало повод различным ученым и исследователям строить самые разнообразные догадки для выяснения его происхождения и первоначального значения. Некоторые пытались сопоставить его с названием племени Касогов, живших в IX—XI веков в предгорьях

* При подготовке книги М.А. Караулова к переизданию редакция в большей части текста сохранила орфографию и пунктуацию начала XX века.

ях Северного Кавказа, и с Казахией¹, пограничной грузинской областью, упоминаемой еще византийским историком X века Императором Константином VII Багрянородным, и с Казарами, жившими на низовьях Дона и Волги в VIII—X веках. Производили это слово и от турко-татарского слова «коз», что значит «гусь», и от монгольских слов «ко» (т.е. броня, латы, защита) и «зах» (т.е. межа, граница, рубеж), откуда «козах» должно бы означать — «защитник границы». Историк Голубовский считает это слово половецким, и по его предположению оно означает «страж», почему казаками должны были называться передовые бойцы. Однако же, несмотря на все старания ученых, вопрос о происхождении слова «казак» остается все еще спорным и неясным.

Оставляя в стороне то значение, которое имело и имеет² интересующее нас слово в языках различных азиатских народов, мы рассмотрим случаи употребления его в русских исторических памятниках и постараемся выяснить, с каким значением это слово перешло в русский язык.

Нетрудно при этом заметить, что уже на первых порах слово «казак» в русском языке употребляется то в общем смысле «бездомника» (даже иногда изгнанника), то в более узком значении «одинокого вольного человека», служащего по доброй охоте государству или отдельным его членам.

Когда в 1476 году Крымский хан Менгли-Гирей был изгнан из Крыма Ахметом и место его получил хан Зенебек, который, видимо, не считая свое положение вполне прочным, обратился к Московскому Великому Кня-

¹ Ныне татарское сел. Казах, Елисаветпольской губ., в Закавказье.

² Так, в Туркестане «казак» означает вообще всякого кочевника, а киргизы сами себя называют не иначе, как только «казаками», причем также их называют хивинцы и бухарцы; у осетин и балкар (горных татар) казаками назывались пленные рабы, и т. д.

зю Иоанну III с просьбой дать ему в Москве убежище в случае изгнания из Крыма, то Иоанн отвечал: «Прислал ты ко мне своего человека, который говорил, что если, по грехам, придет на тебя истома, то мне бы дать тебе опочив в своей земле. Я и прежде твоего добра смотрел, когда еще ты был казаком¹; ты и тогда также ко мне приказывал, что если конь твой будет потен, то мне бы тебе в своей земле опочив дать. Я и тогда опочив в своей земле давал тебе и нынче добру твоему рад везде; каковы твои дела будут после, и захочешь у меня опочива, то я тебе опочив в своей земле дам, и истому твою подниму». В 1591 году Крым требовал от Москвы выдачи поступившего на московскую службу крымского царевича Пашаймурзы, бежавшего из Крыма «в нужде казачеством». Тоже значение бездомника, бесприютного бродяги-кочевника, лишённого своего крова и прав, человека без роду без племени, находим мы в грамоте царя Феодора, посланной бывшему Сибирскому царю Кучуму в 1597 году: «...Мы, Великий Государь, хотели тебя пожаловать: устроить на Сибирской земле царем, а племянник твой Магомет-Кули устроен в нашем государстве, пожалован городами и волостями по его достоинству, и служит нашему Царскому Величеству. А как ты казаком кочуешь на поле с немногими людьми, то нам известно. Ногайские улусы, которые кочевали с тобою, на которых была тебе большая надежда, от тебя отстали; Чин-Мурза отъехал к Нашему Царскому Величеству, остальные твои люди от тебя пошли прочь с двумя царевичами, а иные пошли в Бухары, Ногаи и в Казацкую Орду²; с тобою теперь людей немного, — это нам подлинно известно; да хотя б с тобою было и много людей, то тебе по своей

¹ Т. е. в данном случае, лишённым «дома», трона, законных прав.

² См. выше примечание 2-е.

неправде против нашей рати как стоять! Знаешь и сам, какие были великие мусульманские государства Казань и Астрахань: и те отец Наш, пришедши своею Царскою персоною, взял; а тебе, будучи на поле и живучи казаком, от нашей рати и огненного боя как избыть...»

Наряду с приведенным выше общим значением, мы встречаем слово «казак» и в другом, более узком смысле. В этих случаях казаками называются вольные служилые люди, наймиты, батраки, стражники, отнюдь не холопы, не рабы или крепостные; люди, служащее по собственной доброй воле, а не по принуждению. Во время борьбы Царя Ивана IV с Казанью ногайский хан писал ему (по получении богатых подарков): «Я твой казак и твоих ворот человек; братству моему знамя (доказательство) то: захотят младшие мои братья или дети в вашу сторону войною идти, то я, если смогу их унять, уйму, а если же не смогу их унять, то к тебе весть пошлю».

Еще и в наши дни в Северо-Восточной Руси словом «казак» обозначается работник, человек, смотрящий за хозяйством другого и не имеющий своего. Такое же значение мы находим и во многих документах XVI века: так, в уставной грамоте великого князя Василия крестьянам Моревской слободы: «Плавити им дрова и хоромной лес реками, и им и козаком их мыта и явки не давати». В жалованной грамоте Троицкому Сергиеву монастырю 1534 года говорится: «Кто у них станет жить у соли у варницы и в дворах, повара и водоливы и всякие козаки, наместники наши, и волостели, и тиуны их тех людей не судят; а которые козаки приходцы порядятся жить за монастырем в варницы, в повара, водоливы, дрова рубить и возить и всякое дело делать, — таким являться к нашим наместникам».

В 1582 году какой-то Тереха Ситников подрядился доставлять из Нижнего в Астрахань хлебный запас в

2500 четвертей муки и толокна; ему дана была грамота, по которой его всюду пропускали беспошлинно и без задержек, а потому, если кто-либо на запасчика (подрядчика) или на людей его попросит пристава или казаки его, не желая идти у него на судах, станут на нем или на людях его чего искать или чем его клепать, то бояре и воеводы не должны давать на него и на его людей пристава и суда, а судиться им в Москве в Боярской Думе; вместе с тем боярам, воеводам и дьякам воспрещалось Терехиных казаков верстать в стрельцы и в казаки. Царю Борису Годунову Верхотурские стрельцы, казаки, пашенные крестьяне и ямские охотники жаловались на своеволие начальства: держат-де они по найму для своей нужды, для пашни и для гоньбы ярыжных казаков, дают им найму по три рубля с полтиною и по четыре рубля на лето, кроме того, что они едят и пьют у них; но этих казаков берут у них воевода и голова на царские изделия (работы); кроме того, воевода и голова нанимают к казенным баням ярыжных казаков, дают им найму по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, а также и деньги на банную поделку велят собирать с их ярыжных казаков.

В двух последних примерах мы уже видим различие казаков-батраков (ярыжных, торговых) от казаков-воинов, служилого военного сословия, возникшего на Руси по примеру и образцу татарских казаков.

Татарские орды, окружавшие Русь с юга и востока в XV—XVI веках, не представляли собой однородной массы. В зависимости от происхождения, знатности и богатства они делились на три различных класса: мурзкнязей, из рядов которых выходили и ордынские цари, уланов среднего сословия и казаков низшего сословия, наименее обеспеченного и соответствовавшего пролетариям древнего Рима, которые оценивались по своему имущественному положению только в одну «голову»

(*capite censi*), за отсутствием другого ценного имущества. В то время, как мурзы предводительствовали огромными отрядами, доходившими до нескольких десятков тысяч человек, а уланы выходили на войну в сопровождении целой толпы слуг и рабов, — казак вылетал в поле «гол как сокол». Много добра сулила ему битва и война, а терять было нечего, так как ничего у него не было за душой, кроме коня, оружия да «удалой башки»... да и та непрочно сидела на буйных плечах в то суровое и ненадежное время, когда жизнь человеческая шла ни во что...

Татарские казаки неоднократно упоминаются в наших летописях и других исторических документах. Так, мы знаем, что Великий Князь Василий Иоаннович пожаловал татарскому царевичу Абдыл-Летифу поместье в Юрьеве, причем взял с него присягу на верность службы и обязательство «не принимать от других царей и царевичей, которые будут в Московском государстве, уланов, князей и казаков, хотя бы они прежде ушли от них в Орду или Казань, и оттуда их не принимать». В 1535 году в Москву приехали с Волги казаки, городецкие татары, и сказывали, что к ним на остров приезжали казанские князья, мурзы и казаки, человек шестьдесят, и объявили об убийстве казанского царя Еналея. В 1550 году в Москву стали ездить, человек по пяти, по шести сот, горные татары, только что признавшие над собой власть Московского царя; Государь их жаловал, князей, мурз и сотенных казаков кормил и поил у себя за столом, дарил шубами, доспехами, конями, деньгами. В 1552 году казанские послы говорят царю Ивану Грозному: «теперь здесь в Москве уланов, князей, мурз и казаков человек с триста». В том же году бояре велели перехватить пришедших в Москву из Казани с Шиг-Алеем татар: Кудай-Кула, Лимана и всех князей и казаков.

И чем менее грозными для Русской земли становились татарские ханы и беки, все более и более терявшие свою силу, тем опаснее и страшнее становились вездесущие и неуловимые татарские казаки, причинявшие немало хлопот и бед жителям русских порубежных сел и городов, купцам, послам и иным людям, имевшим надобность бывать в степной Украине.

Понятно, что правительство московское обращалось с жалобами на их разбои и к Крымским ханам и к Турецким султанам. Жалобы эти начинаются уже с Иоанна III, который особенно просил унять разбойничавших в Придонских степях Азовских (татарских) казаков. Сын его, Василий Иоаннович, требовал от султана, чтобы тот запретил Азовским и Белгородским (Аккерманским) казакам подавать помощь Литве против Руси. В грамоте Крымского хана Менгли-Гирея к Иоанну III мы видим обещание унимать крымских казаков: «Вышнего Бога волею я, Менгли-Гирей-Царь, пожаловал: с братом своим, великим князем Иваном, взял любовь, братство и вечный мир от детей на внучат. Быть нам везде заодно, другу другом быть, а недругу недругом. Мне, Менгли-Гирею-Царю, не воевать, ни моим ханам, ни князьям, ни казакам; если же без нашего ведома люди наши твоих людей повоюют и придут к нам, то нам их казнить, и взятое отдать, а головы людские без окупа выдать»...

Само собой разумеется, что все такие обещания были безрезультатны, так как и крымцы, и ногайцы, и другие кочевые обитатели южно-русских степей жили, по преимуществу, грабежом, разбоем и продажей пленных в рабы, а потому никакие усилия ханов, если бы даже и можно было верить их искренности, не приводили ни к чему. Русь могла спастись от вечной грозы, только противопоставив силе такую же силу. И вот против татар-

ских хищников, с одной стороны, выдвигаются украинские крепости, города, «остроги» (сторожевые укрепления, посты), населенные служилым воинским людом — стрельцами, городскими казаками и т.д., а с другой стороны, степные речки и овраги заселяются охотниками-воинами, вольными казаками, собирающимися в большие дружины, военные общины — казачьи войска. Таким образом, навстречу татарским ордам Русь выставила верного стража и защитника — казачество служилое и вольное.

И вот к истории возникновения этого казачества, его постепенного развития и более чем четырехвековой беззаветной и верной его службы земле Русской мы переходим в следующих главах.

II. Начало казачества

Борьба Руси со степью. Богатыри Святорусские. Татарское иго. «Дикое поле» и его обитатели. Появление казаков. Их служба государству

Широко раскинулось по земле Русское государство. Включив в границы свои половину Европы и почти половину Азии, тянется оно от Балтийского моря до Великого океана, от северных льдов с полугодовыми ночами до жарких краев Туркестана и Персии.

Таким мы знаем наше отечество ныне. Но не всегда была могуча и велика Русь. Было время, когда она представляла собой небольшое государство, приютившееся в лесистых дебрях верховьев Днепра, Волги и Дона. Это было тысячу лет тому назад. Тогда только еще начинала строиться Русская земля, только еще нарождалось Русское государство. Разбросанные там и сям по широкой

лесистой равнине Восточной Европы русские племена кривичей, вятичей, радимичей, северян, древлян, тиверцев, угличей и других жили без всякой связи друг с другом, без взаимной выручки и поддержки. Окруженные повсюду врагами, они еще не сознавали своего племенного единства, и за то жестоко платились: соседи жили за их счет, грабили и убивали их, уводили в плен, продавали в рабство, собирали с них тяжкую дань.

Когда, к концу IX века, в Киеве — «Матери городов русских», появляются впервые пришедшие из Новгорода князья Рюриковичи, в то время к востоку от Русской земли в придонских и приволжских степях находилось сильное, могучее и богатое государство Хозарское. К северу от Хозар жили воинственные черемисские племена Буртас. В нижнем течении многоводной Камы лежал великий и населенный торговый город — столица Камских Болгар. В приуральских степях кочевали печенеги и гузы (торки). Предгорья Северного Кавказа заняты были предками нынешних осетин и кабардинцев — ясами и касогами. По берегам Черного моря и на Крымском полуострове раскинуты были богатые византийские поселения. В степях между Доном и Днепром бродили дикие угрские (венгерские) орды. Большинство этих племен платило дань Хозарскому Кагану (царю).

И вот Киевским князьям пришлось прежде всего начать борьбу с Хозарами и с Византией. Олег, Игорь, Святослав предпринимая смелые, решительные и славные походы. Не останавливают их ни дремучие леса, ни высокие горы, ни бесчисленные реки, болота и топи, ни широкие безводные степи, ни бурные волны синего моря. Болгары, хозары, касоги, венгры, литовцы, даже далекая Персия и царственная Византия склоняются пред русским оружием, слава которого скоро облетала полмира..

В знак своей победы над Византийской империей Олег прибывает свой щит на вратах столицы ее — Царьграда (ныне Константинополь). Игорь на своих быстрокрылых ладьях рыщет не только по Черному, но даже и по Каспийскому морю, куда идет с ним (в 913 и в 943 гг.) огромная русская рать на 500 кораблях; он опустошает цветущие греческие поселения по анатолийскому берегу и богатую добычу собирает в городах Закавказья и Северной Персии. Святослав, окончательно разгромив хозарское царство, доходит до стен Семендера (близ нынешнего Петровска), завоевывает Тмутараканское княжество в низовьях Кубани и присоединяет к обширным владениям своим богатое Болгарское царство по нижнему Дунаю.

Но вот, со второй половины X века, из среднеазиатских степей чрез равнины Приуралья, чрез так называемые «ворота народов», все новые и новые толпы хищных кочевников начинают наводнять юго-восточный угол Европы. Идут друг за другом бесконечной вереницей полчища печенегов, гузов, торков, берендеев, половцев и т.д., разнося за собою смерть, пожары и разрушения. Одно за другим гибнут русские поселения на южной Украине. Опустошенное Подонье (часть Руси, лежащая по верхнему течению Дона и его притоков) надолго попадает в руки кочевых орд. Гибнет в волнах степного нашествия оторванная от общей связи с Русью отдаленная Тмутаракань. Самому Киеву грозит непрерывная опасность от ярости и кровожадности хищных половцев.

Приходится Руси, оставив мысль о дальнейших завоеваниях, подумать о собственной защите. Начинают князья земли Русской строить по южной границе города, «остроги» (сторожевые укрепления), делать засеки, проводить на целые десятки верст огромные валы, усаженные крепким частоколом. Уже сын Святослава Киевский

князь Владимир Святой Красное Солнышко, как называется он в старинных народных песнях, начинает эту работу: ставит он «городы» по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. Эти города получают исключительно военное значение и для заселения их вызываются из внутренних областей «мужи лучшие», т.е. храбрые, воинственные люди, горящие непреклонным желанием постоять за Святую Русь, готовые за сирот, за вдовиц убогих биться до последней капли крови со всякою «нечистью поганую», которою кишела степь.

И вот, наряду с княжами дружинами, пирующими за княжой счет в стольном городе Киеве, возникает новый род воинства — богатыри свято-русские. На степной границе собираются представители всех сословий, всех состояний: и знатные, и простые, и богачи, и бедняки — голь перекатная. И боярин Добрыня Никитич, и подьячий Васька Долгополый, и молодой Алеша Попович, и служилый человек Гришка Боярский Сын, — все они стоят на заставе богатырской, имея во главе у себя — «в атаманах» — старого бобьяля, «матерого казака» Илью Муромца, крестьянского сына. Здесь уже обнаруживаются зачатки нового порядка и строя: не знатностью, не богатством, а исключительно только личными достоинствами и заслугами создается положение среди этих «лучших мужей» своего времени. И все, что было в ту пору на Руси сильного, бодрого, храброго, смелого, все стекалось на эти заставы богатырские для «береговой» (охранной) и «станичной» (разъездной) службы. Зорко смотрели они с высоты сторожевых курганов на широкий простор грозно молчащей степи, ежеминутно готовой изрыгнуть из своей глубины толпы жадных хищников. И завидев врага, устремлялись на него, и яростно бились, пока одна из сторон не падала на месте мертвой...

А иным удальцам не сиделось и на заставе: собирались тогда «резвых» людей легкие «станицы» (летучие отряды), и вылетали молодцы в широкий степной простор «казаковать».

В чистом поле погулять,
Серых уток пострелять.
Руку правую потешить:
Сарацина в поле спешить.
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса¹.

Всех их принимала в свои объятия широкая степь, но немногие выносили обратно свои удалые головушки. И только белый ковыль, — то *былье*, которым порастало русское былое, — прикрывал их буйные кости, рассеянные по необъятному степному простору, обильно политому русской и вражьей кровью.

Не жалели богатыри ни голов своих, ни трудов, ни крови... Бескорыстно берегли они многострадальную Русскую землю от чужеземного ига, но напрасны были все их труды и лишения, ни к чему ни привели все их нечеловеческие усилия...

Пока на далекой границе они отбивались от внешних врагов, внутри отечества встала более грозная опасность: поднялась беспощадная братоубийственная борьба за власть... В усобицах потоками, без жалости и меры, лилась братская кровь... В пламени пожаров гибли села и нивы... на поток и разграбление отдавались озверевшими, опьяненными борьбой победителями цветущие го-

¹ А. С. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

рода... С бессмысленной жестокостью предавались уничтожению богатства, накопленные долгими годами труда, пота и лишений.

«Тогда», говорится в Слове о полку Игореве, «сеялись и вырастали усобицы; погибала жизнь Даж-божья внука; в княжеских крамолах сократился род человеческий. Тогда по Русской земле редко покрикивали пахари, зато часто каркали вороны, деля между собою трупы, а галки свою речь говорили, собираясь лететь на добычу. Княжеские усобицы были на руку поганым. Брат сказал брату: “Это мое, да и то мое же!”... и начали князья о малом говорить, словно о великом и сами на себя ковать крамолу, а поганые стали со всех сторон с победами приходить на Русскую землю»... В пылу междоусобной борьбы казалась пустячной затеей охрана дальних восточных границ. Защитники окраин, не видя себе поддержки, становились все более и более нерешительными; слабели их и без того недостаточные силы; все дальше и дальше отступали они на север и запад.

«В поле не работа, коль в хате пожар»...

В поднявшейся смуте уже никто не знал, за что стоять и чему служить. Не видели русские люди, что от розни и великие дела рассыпаются в прах... Рвали и терзали на части Матушку Русь ее собственные сыны.

И свершилось... Перевелись богатыри на Святой Руси. Попала она под чужеземное иго.

В 1232—1241 годах татарские орды залили кровью и огнем всю Русскую землю, смели прочь жалких властителей раздробленного государства и заглушили разрозненные жалкие крики «мое!» одним, поглощающим все кличем — «наше!» И затихли на время усобицы в разоренной земле Русской, пока не подросли новые поколения.

Двести с лишком лет распоряжались татарские ханы Русью. И в течение этих лет повсюду в широком степ-

ном просторе, как и прежде, слышна была русская речь, но звучала уже не по-прежнему. Не гордыми кликами победителей разносилась она по степному ковылю, а жалкими стонами побежденных, влекомых толпами в рабство, в неволю, униженными мольбами холопов, за счастье считающих лобызать руку бьющего Русь «поганца», заискивающих нечистых милостей ханских приближенных.

Тяжело было иго татарское, не скоро еще смоеет время следы его с Русского народа. «Но в искушеньях долгой кары, перетерпев судьбы удары, окрепла Русь. Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

Начали сознавать русские люди, что только в единении сила, и начали собирать землю русскую Московские Князья. Собравшись с духом, попыталась Русь сбросить с себя чужеземное иго, и успела в этом. В 1380 году в первый раз дерзнули русские стать против татар с открытой силой, и 8 сентября, на Куликовом поле, при впадении р. Непрядвы в Дон, великий князь Дмитрий Донской разбил наголову полчища татарского хана Мамай. Много пролито было в этой битве крови русской, но все еще не купила этой ценой Русь своей свободы, потому что еще не все заодно встали: одни подняли оружие за права и свободу русского народа, а другие или прямо стали на сторону врагов народных, или косвенно помогали им, продолжая прежние распри и споры за власть. И опять надолго стало народное дело, потому что один другому не давал за него взяться как следует. И если бы партийные распри не расшатали бы сильную когда-то власть Золотой Орды, если бы сама Орда не распалась на части, то долго бы еще пришлось Руси ожидать наступления полного рассвета своей свободы.

К началу XVI века на месте Золотой Орды мы находим уже несколько отдельных татарских царств. Сред-

нее и Нижнее Поволжье заняты сильными и богатыми царствами — Казанским и Астраханским. В степях приуральских кочуют Большие Ногаи, а Малые бродят между Астраханью и Доном. Крымская Орда то кочует по самому Крымскому полуострову, то рассыпается со своими стадами по приазовским степям от Днепра до самого Дона, берега которого еще надолго сохраняют названия Крымской (правый) и Нагайской (левый) сторон. По низовьям Буга и Днестра основались Белгородские (Аккерманские) татары — Едиссанская орда.

Южно-русская граница отодвинулась значительно к северо-западу: в пустыню превратились когда-то цветущие русские поселения Переяславской земли, почти вся Курская область и «польская украйна»¹ княжеств Северского, Черниговского и Рязанского.

Эта пустыня протянулась вдоль всей юго-восточной границы более чем на 1000 верст длины и до 500 верст ширины. «Дикое Поле» называется она...

Еще хозяйничают по Дикому Полю татарские орды, но уже вновь начинает наступать Русь по всему фронту: выдвигается вперед левый фланг, — с Оки и Унжи восточная граница перенесена уже на Ветлугу и Суру. По всей «украине», как и в былое время Владимира Красна Солнышка, начинают строиться города, рубятся засеки, ставятся «остроги», населяется служилый военный люд: «дети боярские»², стрельцы, пушкари, городовые казаки...

Русь готовится к новой борьбе со степью. По равнинам, оврагам и перелескам Дикого Поля закипает вновь жестокая война не на живот, а на смерть.

¹ Т. е. окраина, граничащая со степью, с «полем», как говорилось тогда.

² Дворяне; слово, вероятно, в связи с татарскими «уланами» (см. гл. I), так как «улан», или «оглан», по-татарски значит «сын».

Но на этот раз победа остается за Русью. Широкой могучей волной разливается она по безбрежному степному простору... А впереди Руси, как соколы, вырвавшись на волю, летят ближайшие наследники и прямые потомки славных когда-то великих могучих богатырей Святорусских — казаки...

Еще осторожно и робко шагает вперед молодое Московское государство, все еще не веря в свои силы, не смея действовать решительнее из боязни потерять добытое положение и вновь почувствовать на себе тяжкое иго чужеземцев; еще воеводы царские только учатся бить татар, — а уже далеко отбита татарская волна заставами богатырскими. Уже рыскают по всему Дикому Полю удалые казаки, и как в былое время про Курян говорил князь Всеволод (в «Слове о полку Игореве»), что они удалые наездники, пути им ведомы, степные яруги (овраги, балки) знакомы, так теперь казаки уже свои в Диком Поле, и Дикое Поле для них уже свое: знают они там все пути-дороженьки.

В 1521 году надобно было назначить место, удобное для съезда московских и турецких послов. Московское правительство обратилось за справками к Рязанским казакам, а те дали сведения, что на полдороге от Азова к Московским границам находится «переволока»¹, на этой переволоке прибой (пристанище) людям Астраханским, и тут посольским провожатым сходиться нельзя, — надобно быть съезду на Медведице, которая ближе к Великого Князя уkraine, но лучше всего назначить съезд на Хопре. Впрочем, рязанские казаки несут разведывательную службу не только по Дикому Полю, они получают и дальние командировки в Крым и Турцию. В 1522 году с

¹ Место, где Волга и Дон близко сходятся, и где суда переволокивались из одной реки в другую.

Иваном Морозовым посланы казаки Рязанцы в числе десяти станиц (разъездов, отрядов) и список ему дан именной, где кого из них оставить: в Азове 4 станицы, в Кафе (ныне Феодосия) 4 станицы, в Царь-город взять 2 станицы; которых казаков оставить в Азове и Кафе и ему тем казакам приказать: если Крымский царь захочет идти на Великого Князя украину, то станица ехала бы к Великому Князю, а другие бы оставались и ждали новых вестей, и какие еще вести будут, ехали бы к Великому Князю по станицам же, чтобы Великий Князь без вести не был.

Исполняли казаки и самостоятельные поручения к соседним восточным державам, ездили послами, вели переговоры. Так, в 1517 году Великий Князь созвал на думу братьев и бояр и спросил их, следует ли после бывшего только что коварного нападения крымцев на Русь продолжать мирные сношения с Крымом, «посылать ли к хану казаков с грамотами». Дума приговорила, что нужно посылать, чтобы хан прямо не отстал от Москвы. А посольское дело было в те времена нелегкое и опасное. Приходилось казакам и холоду и голоду натерпеться в пути, отбиваться от нападений придорожных грабителей, да и при дворе восточных властителей не всегда жилось спокойно: били их там, оскорбляли всячески, грабили, отнимали даже одежду, продавали в рабство в далекие мусульманские края.

Но смело и спокойно выносил богатырский дух казакий все эти тягости и невзгоды. Не зная страха пред врагом, наводившим ужас на мирное население Русской земли, казаки сами шли навстречу опасности, перенимая от врагов систему войны, их боевые уловки, оружие и снаряжение. И скоро ученики превзошли своих учителей. Уже и в отдаленнейших углах степного простора не чувствуют себя спокойными и безопасными татарские улу-

сы, — казаки всюду находят своих врагов. Вновь загорается заря Русской славы. Станицы удалых соколов-казачков не только шныряют по Дикому Полю, но залетают и в самое сердце татарщины — в Крым. Начинаются казачьи походы, повторившие славные набеги Олега, Игоря, Святослава, Владимира Мономаха и их богатырских дружин.

Когда, собственно, появилось казачество на Руси, с точностью определить невозможно. До нас дошло предание, что еще в 1380 году, когда Димитрий Донской шел с Куликова поля после Мамаева побоища, то первыми встретили его на Русской границе, близ города Гребени, «народ христианский воинского чина живущий, зовоми казацы, в радости стретающе его со святыми иконами и со кресты поздравляюще о избавлении своем от супостатов и приносяще ему дары от своих сокровищ, яже имеху у себя чудотворные иконы во церквах своих. Великий Князь с великою верою и любовию прием и их воинство вельми телесными дары обогатив и почтив, и по вся лета устави им казакам свое жалование за почесть их и сильную храбрость противу супостат агарянска языка».

С XV века известия о казаках принимают совершенно несомненный характер, а с начала XVI века, после объединения под властью Московского Великого Князя всей Северо-Восточной Руси вплоть до самой границы со степью, казаки уже постоянно упоминаются в составе Московских вооруженных сил, принимая деятельное участие в государственном строительстве в обороне городов, в наблюдении за набегами диких кочевников, в отражении их орд, в преследовании хищников, в отбивании у них русского «полона» и во всех походах, направляемых государями Земли Русской в глубь степей.

Выше мы видели, что казачество является по духу и целям своим прямым продолжением богатырства свя-

торусского, а потому его нужно считать столь же древним, как и самое Русское государство. Походы Игоря, Олега, Святослава — те же казачьи походы. Самый Святослав — типичный казачий атаман, ставящий выше всего свое товарищество, дружину свою хоробрую, готовый за нее положить свою буйную голову и жертвующий для воинской потехи своими лучшими привязанностями, семьей, женой, детьми.

Можно смело сказать, что казачество это — Русь, но не безвольная холопская Русь, стонущая под чужеземным игом и бессильно тонущая в междоусобной борьбе, а Русь свободная, победоносная, широко распространяющая свои орлиные крылья по степному простору и смело смотрящая в очи соседям врагам.

III. Казаки восточные — городовые и вольные

Различие между городовыми и вольными казаками. Казачье общественное устройство. Войсковой круг. Его права и деятельность. Казаки и Московское правительство XVI—XVII веков. Воры ли казаки? Идея казачества

В половине XVI века юго-восточная граница Руси, так называемая «польская украйна», охранялась целой цепью передовых укрепленных городов: Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Орел, Новосиль, Данков, Рязск, Шацк, Кадом, Темников и Алатырь, сзади которых шли укрепления второй линии: Карачев, Мценск, Тула, Кропивна, Дедилов, Епифань, Рязань, Новгород-Нижний и др.

Постоянно высылались из этих городов «станции» (разезды) на «Муравский шлях» и в «Дикое Поле» до Днепра, Донца и Доно-Волжской переволоки для соби-

рания вестей и наблюдения по степным сакмам¹, шляхам (дорогам) и перелазам (бродам), не появятся ли где-нибудь татарские хищники. Сторожевую службу несли в городах второй линии отчасти, а в передовой по преимуществу — казаки. Эти казаки жили в городах, в пригородных слободках, или в своих собственных поместьях, которые они получали за свою службу наравне с «детьми боярскими». Поэтому они делились на «поместных» и «безместных». Последние получали еще название «кормовых», так как служили за «корм», т.е. за денежное и хлебное жалование.

По роду службы своей казаки разделялись на «полковых» (или «рядовых»), несших «береговую» (охранную) службу в городах, и на «сторожевых», ездивших в «станции» и на степные «сторожи». В первую категорию попадали казаки «худые», безконные, неспособные к трудной полевой службе. Неся меньше обязанностей, они меньше получали и жалования. В сторожевые же казаки «верстались» (зачислялись) наиболее «резвые», смелые, ловкие и крепкие люди. Лучшие из них, более сноровистые и осведомленные, именовались «станичными жожами» (т.е. предводителями разъездов), прочие числились в «ездоках».

Управлялись городовые казаки своими выборными атаманами и головами; числились, вместе с прочим воинским служилым людом, в Стрелецком приказе. В 1571 году сторожевая казачья служба была приведена в больший порядок, и даже был составлен тогдашним начальником «польской украины», князем Воротынским, Устав сторожевой и станичной службы.

По этому уставу требовалось станичникам к своим урочищам ездить и сторожам на сторожах стоять в тех

¹ Сакма — след по траве, особенно по свежей росе или по инею.

местах, которые были бы усторожливы, где б им воинских людей можно было усмотреть. Стоять сторожам на сторожах, с коней не ссаживаясь, попеременно, и ездить по урочищам попеременно же, направо и налево по два человека, по наказам, какие будут даны от воевод. Станов им не делать; огонь раскладывать не в одном месте; когда нужно будет кому пищу сварить, и тогда огня не раскладывать в одном месте дважды; в котором месте кто полднел, там не ночевать; в лесах не останавливаться, — останавливаться в таких местах, где было бы усторожливо. Если станичники или сторожа подстерегут воинских людей, то посылают своих товарищей с этими вестями в ближайшие украинские города, а сами позади неприятеля едут на сакмы (следы), по сакмам и по станам людей смечать, и, поездив по сакмам и сметив людей, с теми вестями в другой раз отсылают товарищей в те же города. Новые посланные едут направо и налево которыми дорогами ближе, чтоб в украинские города весть была раньше, не перед самым приходом неприятеля, а самим им ехать за неприятелем сакмою, а где и не сакмою (как пригоже), покинув сакму направо или налево, ездить бережно и усторожливо, и того беречь накрепко: на которые украины воинские люди пойдут? И им, про то разведавши верно, самим с вестями подлинными спешить к тем городам, на которые неприятель пойдет. Если станичники завидят воинских людей на дальних урочищах, то им посылают посылки по три, по четыре, или сколько будет пригоже, а не от одного места, чтоб, проведав подлинно про неприятеля, на какие места он идет, самим с подлинными вестями спешить наскоро в те города, на которые пойдет неприятель. А не быв на сакме и не сметив людей и не доведавшись до-пряма, на которые места воинские люди пойдут, станищикам и сторожам с важными вестями не ездить и сторожам, не дож-

давшись на сторожах себе перемены, со сторож не съезжать. А которые сторожа, не дождавшись смены, со сторожи сойдут, и в то время государевым украинам от воинских людей учинится война, — тем сторожам от государя быть казненным смертью. Которые сторожа на сторожах лишние дни за сроком перестоят, а их товарищи на смену в те дни к ним не приедут, то брать первым на последних по полуполтине на человека в день. Если воеводы или головы пошлют кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищах и на сторожах, и посланные найдут, что они стоят небережно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, то хотя бы приходу воинских людей и не ждали, — тех станичников и сторожей за то бить кнутом. Воеводам и головам смотреть накрепко, чтоб у сторожей лошади были добрые и ездили бы на сторожи о двух конях, чтоб можно было, увидевши неприятеля, уехать. У кого из станичников и сторожей лошади будут худы, а случится посылка скорая, и под тех сторожей велеть доправить лошадей на их головах; а если надобно вскоре, и доправить некогда, то воеводам велеть брать лошадей добрых у их голов; а не будет у голов столько лошадей, то воеводам брать лошадей добрых по оценке у полчан своих, а на головах брать найму на всякую лошадь по 4 алтына с деньгою на день, и отдавать деньги тем людям, у которых взяты лошади.

В 1574 году все городовые казаки «польской украинны» получают Наказным Атаманом родоначальника ныне благополучно царствующего Дома Романовых боярина Никиту Романовича Юрьева-Захарьина. По его распоряженью казакам за несение сторожевой службы было прибавлено денежное и поместное жалованье более чем вдвое, наличный состав был проверен, осмотрено снаряжение и лошади, причем велено: «которые казаки собою худы или безконны и в сторожевую службу

их не будет, — тех от сторожевой службы отставить, и служить им казачью рядовую службу и поместной им придачи не придавать, а на их место прибрать из рядовых казаков добрых и конных».

С половины XVI века все дальше и дальше на юг и восток распространяется порубежный предел Русского царства, строятся все новые и новые города¹, в которых мы опять-таки находим прежде всего городских казаков — Самарских, Ливенских, Воронежских, Елецких, Задонских, Тамбовских, Чугуевских, Астраханских и т.п.

Наряду с казаками «польской украины» имеются известия о казаках и других городов, по преимуществу пограничных с западными врагами Московского царства — Литвой, Шведами, Немцами. Таковы казаки Смоленске, Псковские, Новгородские (Новгорода Великого), Великолуцкие, Вологодские, и т.д. Эти казаки, как и прочие, так же или довольствуются «кормами», хлебными и денежным жалованием или же получают поместья, а со введением крепостного права владеют и крестьянами одинаково с дворянским сословием.

К тому же XVI веку (и, несомненно, к самому началу его) относится возникновение и другого казачества, вольного.

Дикое Поле со своими многочисленными оврагами, балками, холмами, перелесками давало прекрасное убежище всякому люду, которому не жилось в пределах Московского государства. Здесь-то и было положено начало тем военным братствам, напоминавшим, с одной стороны, дружины Киевской Руси, а с другой, духовно-рыцарские ордена Западной Европы. Под давлением постоянной внешней опасности вольное казачество

¹ Самара, Ливны, Воронеж — 1586 г., Царицын — 1589 г., Саратов — 1590 г., Елец — 1592 г., Белгород, Оскол, Валуйки — 1593 г., и т. д.

сплотилось в многотысячные воинственные общины, осевшие по берегам степных «словутных» рек Дона, Яика и др. и получившие названия казачьих войск. Так возникли старшие казачьи войска Донское, Волжское, Гребенское, Терское и Яицкое.

Сюда-то, в эти свободные общины, как в былое время на заставу богатырскую, стекались «лучшие» люди Московской Руси, стекались все, кто, чуя в себе силушку великую, хотел размыкать ее по чисту полю, удаль свою молодецкую показать и добыть себе чести, а казачеству славы. Сюда же стекались и те, кто искал себе спасенья от холопства невольного, от прикрепления к земле, к тяглу, к помещику, так как к концу XVI века Московское государство держало уже в крепких тисках своих граждан, возложив на них тяжелые обязанности пред государством, — обязанности, не соответствовавшие правам. И вот, кто хотел избавиться от этих тисков, от тяжести податей и налогов и от произвола дворян да бояр государевых; кто жаждал вольной, свободной жизни, кого не пугало царившее в казачьих общинах общее равенство, а влекло к себе товарищеское братство, — все стекались на берега «запольных»¹ речек и увеличивали собою толпы казачества «вольного, свирепого и бесстрашного»...

Надо еще не забывать и того обстоятельства, что закончившееся к началу XVI века объединение Северо-Восточной Руси сопровождалось уничтожением свободных, вольных вечевых государств русских — Великого Новгорода, Пскова и других. Конечно, и жители этих разгромленных областей стремились в казачьи общины, являвшиеся носителями того же самого государственного порядка и строя.

¹ Лежащих за Диким Полем.

Охота, рыбная ловля и война давали казачеству средства к жизни, и они же определяли собой общественный строй, обычаи и нравы казачества. Первые два вида деятельности ставили казаков в необходимость селиться небольшими городками (по 100, по 200 и по 300 человек) в удобных для промысла местах, боевая же обстановка развивала и закаляла товарищеский дух взаимопомощи, выручки и поддержки, так как только благодаря этой тесной внутренней спайке могло казачество выйти победоносно из тяжелой кровавой борьбы.

В отличие от казаков городовых, составлявших в Московском государстве военное служилое сословие, среднее между «детьми боярскими» и «стрельцами», вольное казачество в основу своего единения клало полное отрицание каких бы то ни было сословных разделений. На царскую грамоту, приглашавшую в 1638 году прислать в Москву «лутчих» (т.е. знатнейших) казаков к царю «для всяких государевых дел», Донское войско отвечает: «то де у них и лутчие люди, ково они выбрав Войском пошлют к Государю, а лутчих де людей у них на Дону нет, — все меж себя ровны». Когда в 1698 году царский посол Нащокин, привезя на Дон подарки, хотел раздавать их казакам по наказу — «лучшим» хорошие, а рядовым похуже, казаки ответили ему, что «у них больших нет никого — все ровны, а разделят сами на все войско, по чему достанет».

Впрочем, ни свобода, ни равенство нисколько не мешали казачеству быть надежным оплотом своего отечества и верно служить своим природным государям — Царям Русским. В 1641 году Донцы пишут из Азова главнокомандующему турецкого осадного корпуса в ответ на его приглашение перейти на службу к Турецкому Султану: «Холопы мы природные Царя Государя Московского, а бегаем из того государства Московского от бояр да

от дворян государевых». Московские бояре просто-напросто являлись вещью лишней и бесполезной, с точки зрения казаков. Тому же Нащокину говорило Донское Войско: «Прежде мы служили Государю и голов (т.е. воевод) московских у нас не было, служили своими головами, и теперь рады служить Государю своими головами, а не с Хрущовым». Прошло полвека, и снова пишут (1646) Царю казаки: «А твоему государеву дворянину Ждану Кондыреву на такую твою государеву великую службу водяным путем с нами, холопи твоими, быти ему невозможно, потому, Государь, что он жил при твоей государственной светлости, и человек он нежной, а нынешние, Государь, нужи и морских походов и пешие службы ему будет нетерпеть. И нам, Государь, бывают нужи, да и хуртины (бури, волнения) великие, и струги наша разносит по морю, друг друга не возведаем, да и топит, Государь, хуртиною у нас многие струги, а иные на берег выметывает и разбивает: и без запасу и без воды многие дни бываем. А ему, Государь, Ждану такие великие нужи и пешие службы с нами будет нетерпеть. А нам, холопам твоим, лучится о тамошнем каком деле и о промыслу ему, Ждану, говорить, и ему, Государь, будет на нас в том досадовать, и у него, Государь, в том деле будет ссора и смута, и всяким нашим промыслам в твоей государевой службе от тово будет поруха. А ему, Государь, морских походов, и пристаней, и тамошних мест ничто не за обычей, и не ведает». И Царь милостиво удовлетворил челобитную казаков — послал Войску Донскому свое царское «спасибо», а Кондыреву велел вернуться к Москве.

Из приведенных выше примеров мы видим, что в XVI—XVII веках казаки служили Царю «своими головами», т.е. имели во главе своей собственное начальство. Невелико было число этого начальства: Войсковой Атаман да Войсковой Ясаул (иногда Ясаулов было два и бо-

лее), а для ведения Войскового письмоводства состоял Войсковой Дьяк (или Писарь) с подьячими. Войсковое знамя и прочие регалии вверялись особым старшинам: Войсковому Знаменщику, Бунчуковому Товарищу и др.

Устройство отдельных казачьих городков соответствовало устройству всего войска. Во главе стоял опять-таки Атаман, а «атаманы у нас на Дону», говорили казаки, «без есаулов не бывают».

Все эти чины замещались по выбору на один год, и по окончании своего срока должностное лицо превращалось в обыкновенного рядового казака. Атаман Аввакум Сафонов пишет в челобитной к Царю в 1642 году: «А то он, Наум, был Войсковой Атаман до Азовской осады на Дону, а в Азовскую осаду был он в рядовых, а я, холоп твой Абакумко, и в Азовскую осаду был станишный атаманешко; а Войсковой у нас Атаман один и тот в Азове».

Войсковому Атаману принадлежала только исполнительная власть, что же касается до власти распорядительной, то она неотъемлемо оставалась за всем Войском в его целом. Для осуществления же этой власти войско собиралось по мере надобности в Войсковой Круг, в котором и решались все важнейшие войсковые дела. Казачий Круг вполне тождествен с древнерусским народным собранием — вече: те же у них права, тот же состав, та же деятельность.

Составлялся Войсковой Круг из всех явившихся на место собрания казаков, не опороченных перед Войском, причем все имели равное право голоса. Круг обыкновенно собирался на площади главного городка Войска. Посреди площади, в центре Круга, располагался окруженный войсковою «старшиною» Войсковой Атаман со знаками своей власти — булавою и бунчуком и предлагал на обсуждение Кругу очередные дела. Впрочем, предложения Кругу мог невозбранно делать и всякий из

присутствующих. Изложив сущность дела, Атаман (или по его поручению Ясаул) спрашивал собрание: «Любо ли вам, атаманы-молодцы?» Присутствующие отвечали «любо!» или «не-любо!», и простое большинство решало вопрос. Чаще всего Круг приходил к единодушным решениям, а до безобразных диких драк, как на Новгородском вече, дело доходило только в чрезвычайно редких случаях, так как постоянная внешняя опасность и общие «нужды морской и пешей службы» создавали столь прочную спайку казачьего товарищества, что казак всегда готов был братски поделиться с соседом даже последним куском хлеба.

Исторические документы, дошедшие до нашего времени и относящиеся в большинстве к Донскому Войску, дают нам возможность не только ближайшим образом указать предметы ведения и обычаи Войскового Круга, но и подкрепить это указание примерами из собрания Донских Дел (Д.Д.), изданных Императорской Археологической Комиссией в 1898—1906 годах.

Кроме избрания всех войсковых должностных лиц, заведывания войсковым имуществом, капиталами и распределениями между войском царского денежного, порохового и прочего жалованья, Войсковой Круг в потребных случаях устанавливал налоги с казаков на общевойсковые надобности, как напр., на укрепление городов, прием посольств и проч. В 1639 году пишет Донское Войско Царю: «Запасы, и вино, и мед, и быки, и бараны, и неводы, и котлы, и каюки, в чем рыбу ловить, покупаючи им, мурзам (ногайским), давали, а деньги собирали с своей братьи Донских казаков, себя осудя» (Д.Д. I. 981).

Ревниво оберегая пользу войсковую и государственную, Войсковой Круг не стеснялся издавать законы и распоряжения, обязательные к исполнению под угрозой смертной казни или лишения казачьих прав: «А ко-

торые де люди на тот срок в Азов не будут (для обороны его от турок), а останутся на Дону и тех приговорили грабить и побивать до смерти и в воду метать» (Д.Д. II. 125). «А которые атаманы и молодцы верховые (верхнедонских городков) к войску в Азов на помощь пойдут, и тем атаманам и молодцам в Войску и суда не будет» (Д.Д. I. 810). В 1690 году, узнав, что в верхних городках казаки начали заниматься земледелием, Войсковой Круг постановил: «Дабы воинским промыслам помешки не было, если который казак станет пахать, того бить до смерти и грабить».

Судебная власть в полной мере осуществлялась Войсковым Кругом. Во всех случаях чрезвычайной важности не только суд, но и самая расправа производилась в Войсковом Кругу, причем виновного, смотря по обстоятельствам, или поднимали на пики, посекали саблями, расстреливали, или убивали полыньями и камнями, или же просто, по-рыбацки, «в куль — да в воду»... Приведем несколько характерных примеров. В 1646 году воевода Кондырев доносит Царю из Воронежа: «Апреля ж в 27 день, тот Донской атаман Павел с Донскими казаками и с вольными людьми учинили себе круг, того вора-заводчика Ваську Барабанщика в кругу расстреляли из пищалей, а Ивашка Борборского да Ивашка Глухово били в кругу ослопы (дубинами) по своему казачью обычаю, как у них на Дону ведетца». В 1637 году Войско пишет из-под Азова: «А мы, Государь, холопы твои, не утерпя ево измену и за ево волшебство их, что стоя под Азовом терпим голод великий и всякие нужные скорби, того Турского посла Тому Катакузина со всеми его людьми побили до смерти». В 1638 году донцы в Москве говорят: «А то де было в нынешнем 146 году, запорожских черкас атаман Матьяш учал было бунтовать, и войска было слушать не учили, и учили просить у них города в Азове особного и наряду (пу-

шек), и хотел было он владеть и жить особно. И они де, атаманы и казаки, поговоря меж себя, за то черкасского атамана Матьяша убили поленьями до смерти и вкинули в Дон. И после того запорожские черкасы им послушны во всем по-прежнему, а будет де они впред похотят владеть собою, и им де Войском молчать не будут и с ними управятся». (Д.Д. I. 706—707).

В Войсковом же Кругу давалось прощение отдельным преступникам. На Дону был одно время обычай отпустить при получении Царского жалованья одного или нескольких колодников в знак войсковой радости. Иногда бывали случаи, что войсковой Круг объявлял прощение целому ряду преступников или даже всем «пенным» (виновным) отдавал их «пеню». В войсковой грамоте, посланной по всем Донским городкам перед «Азовским сиденьем», пишется: «А чтоб ехали к Войску всякие люди — пенные и не пенные, — а пеня им отдана».

Наконец, все вопросы внешней политики и военного устройства, объявление войны, заключение мира, составление военных планов, — все это решалось на Войсковом Кругу. Здесь читались Царские грамоты, составлялись войсковые отписки к Государю, допрашивались пленные, отправлялись посольства в Москву, в Крым, в Турцию.

Что касается до отношения Центрального Московского правительства к такой полноте власти Войскового Круга, то оно, видимо, нисколько этим не тяготилось и считалось как с бесспорным фактом. Так, когда в 1646 году на Дон было послано для помощи казакам около трех тысяч набранных в южных городах вольных охочих ратных людей, то Царь писал воеводе Кондыреву: «А велело вам тех вольных людей отдать на Дону атаманам и казакам, и велено тем вольным людям быти на Дону до нашего указа. А без нашего указа с Дону не съезжать. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Дон-

ским атаманом и казаком и нашим вольным людем велели всем быть к себе и ученить круг, и им сказали, чтоб они, вольные люди, нам, великому Государю, служили; промышляли вместе с атаманы и казаки, и были б с ними у атаманов и у казаков в послушанье. А собою б, без совету с Донских атаманов и казаков, ничево ни делали и самовольства никакого ни чинили». (Д.Д. II. 1085).

Не вмешивалось центральное правительство и в судебную деятельность Войскового Круга, причем Царь неоднократно обращается к Войску с просьбой наказывать виновных казаков по войсковому обычаю: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б казаку Ивашку Огарышеву за такие буйные ненадобные слова учинили наказание, чтоб ему, и иным на то смотря, впредь не повадно было» (Д.Д. II. 808, 760 и др.).

Такая условная зависимость вольного казачества была, конечно, с одной стороны, приятна Московскому правительству, не раз пытавшемуся наложить руку на казачьи вольности, а с другой стороны, она же создавала возможность Москве, оказывая на деле казакам поддержку и помощь оружием, пороховой, денежной и хлебной казной, на словах говорить иное и, пользуясь плодами казачьих трудов и подвигов, не брать на себя ответственности за их действия. Всякий раз, как Турецкий Султан или Крымский Хан обращались к Москве с жалобами на дерзость казачьих набегов, царские послы отвечали всегда одни те же заученные речи: «На Дону де, на Волге и на Тереке живут не царские люди, а воры и разбойники, беглые холопы, и царского повеленья ни в чем ни слушают, а живут самовольно “воровским”¹ кочевым обычаем, и хоть всех их велит Султанское Вели-

¹ «Беззаконным»; слово «воровство» в то время означало вообще беззаконие, а не кражу.

чество перебить, то Царю это не будет грубно и ссориться за казаков Царь никак не станет».

А в то же время к этим «ворам и разбойникам» и на Дон и на Волгу посылаются благословения всероссийского духовного собора, адресованные «атаманом и казаком и всему Великому Войску», шлются царские грамоты с похвалами за верную и бескорыстную службу отечеству, царское жалованье, знамена, иконы, церковная утварь и проч. В 1613 году даже в Константинополе было обращено внимание на неискренность московских ответов, и послам московским сказано было прямо: «Вы говорите, что на Дону живут воры; а для чего же ваш Государь теперь с вами прислал к ним денежное жалованье, сукна, серу, свинец и запасы». Об этих же «ворах и разбойниках» Котошихин пишет¹: «И дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают, и судят во всяких делах по своей воле, а не по Царскому указу. А кого лучится им казнити за воровство или за иные дела и не за крепкую службу и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или из пищалей расстреливают сами; так же, будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказанья и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж. А как они к Москве приезжают, и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людем. А ежели б им воли своей не было, и они б на Дону служить и послушны быть не учили. И только б не они, Донские казаки, не укрепились бы и не были б в подданстве давно за московским Царем Казанское и Астраханское царствы, з городами и з землями, во владетельстве».

Можно ли после этого принимать легкомысленно за истину неискренние московские отписки о казачьем «во-

¹ В сочинении «О России», написанном в 1666—1667 годах (глава IX, л. 198—199).

ровстве» и посольские увертки, имеющие целью обмануть исконных врагов России — Турецкого Султана и Крымского Хана!

А между тем эти отписки и некоторые подтасованные летописные известия подали повод нашим историкам оклеветать славное и честное вольное казачество, смешав его с воровскими казаками, т.е. с обыкновенными разбойничьими шайками, расплотившимися на Руси в Смутное Время и промышлявшими грабежом мирного русского населения.

Правда, тот же Котошихин говорит, что укрывались на Дону и разные грабители, разбойники, причем «быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а лучитца им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакого ни в чем ни бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед освобождаютца»; но ведь в те времена ни одно государство не выдавало беглецов, принятых под защиту и покровительство, и никому в голову не приходило Римскую католическую церковь называть разбойной организацией только потому, что принятие духовного звания или даже звания церковника точно так же освобождало злодеев от всякого преследования со стороны светских властей. Выше же мы видели, что казаки сами не терпели в своей среде воров и без жалости наказывали их, не останавливаясь даже перед смертной казнью.

Само же вольное казачество бескорыстно служило Царю и Отечеству и с охотой клало головы свои за великих государей да за веру Христианскую. И кровь свою нещадно и беспрестанно лило вольное казачество «не с вотчин, не с поместий, а с воды да с травы», как неоднократно писали казаки самому Царю¹.

¹ 3 декабря 1637 г. (Д. Д. I. 635), 10-го сентября 1640 г. (Д. Д. II. 50) и т. д.

Когда в 1641 году шесть тысяч казаков выдержали в Азове осаду более чем двухсоттысячной турецкой армии, то не польстились казаки на богатства, предлагавшиеся им за сдачу Азова. Сорок две тысячи червонных давал им турецкий главнокомандующий за уже совершенно разбитый город, но несмотря на тяжкие потери в людях, несмотря на совершенное изнеможение от трудов и лишений, несмотря на крайний недостаток боевых и съестных припасов, казаки и не подумали сдаваться: честь и слава казачья им дороже денег...

Вот что говорят о таких предложениях казаки в грамоте своей к Царю от 24 марта 1641 года:

«И на том, Государь, окупу (размене пленных) Крымский царь нашим казаком, которые у него были в полону, и своим людем, которые были на окупу, велел нам, всему Донскому Войску, говорити, чтоб мы, холопи твои, у него, Крымского царя, взяли казну великую и нашу братью, которые на боех взяты, без окупу, для того, чтоб мы ему Азов город отдали. И мы, Государь, холопи твои, ему, Крымскому царю отказали: взяли мы Азов город своим умышленьем, а не его, праведного Государя, повеленьем, взяли своими головами и своею кровью, а головы свои складывали и кровь проливали за истинную свою православную крестьянскую непорочную веру и за дом святого славного пророка и Предтечи Крестителя Христова Иоанна¹, а на твое тленно и гибнущее злато и серебро не прельщаемся: будет вам, Крымскому и Турецкому царем, Азов город надобен, и вы его так же доставайте, как и мы, своими головами и своею кровью. А мы, все Донское Войско, служим одному праведному и благочестивому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, а

¹ Древний храм которого был в Азове.

не вам, и на вашу многую казну и лстивые безбожные басурманские речи не прельщаемся. Ради мы с вами битись и пострадати и стояти за свою истинную православную крестьянскую веру, и за дом святого славного пророка и Предтечи Крестителя Христова Иоанна и за праведного Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руси, а города вам Азова не отдадим: кому Бог помощи подаст, то им будет владети, а не так то делается, как вы хотите»...

Когда во время того же Азовского сидения турки потеряли на первом приступе до шести тысяч убитыми и просили у казаков перемирия для похорон мертвых, предлагая выкуп за тела, причем за убитого пашу давали, сколько он вытянет, золота, то какой благородный ответ дали казаки!... «Не продаем мы мертвого трупу на поле, емлите ваши тела даром»...

Так могли ли ответить «воры и разбойники»?!

Правда, громили казаки турецкие суда на Черном море, грабили и жгли города на морском побережье, ходили «добывать зипуны» и в Персию, и в Закавказье, и в Крым, и в Хиву, но жил казак не на средства мирных жителей земли русской, а за счет исконных врагов своего народа, своего отечества и даже своей веры.

О средствах пропитания вольного казачества Котошихин пишет: «А посылается к ним на Дон царское жалованье, денежное, не гораздо по многу и не всегда; а добываются те казаки на Дону на всяких воинских промыслах от Турских людей, горою и водою, также и от Перситцких людей и от Татар и от Калмыков; и что кто где на воинском промысле ни добудут, делят все меж собою по частям, хотя кто и не был. Да к ним же, Донским казаком, из Казани и из Астрахани посылается хлебное жалованье, чем им мочно сытим быть; а иные сами на себя промышляют».

Если бы воры и разбойники жили на Дону, то не ходили бы купцы с разными запасами из Руси и Литвы в казачьи городки. Да не только русские — и бусурманские купцы из Кафы, из Азова, из Темрюка приходили на Дон торговать своими товарами в короткие дни мира.

Да и можно ли ставить казакам в вину их бывшее легкое отношение к чужой собственности, благодаря которому сложились в казачьей среде поговорки: «Наши ребята что телята, — на что глянут, то и тянут», «У наших Казаков обычай таков: поцеловал куму, — так и губы в суму!» и т.п., если такие же воззрения на захватное право господствовали в «культурных и цивилизованных» германских государствах того времени, где сложилась еще более откровенная поговорка: «Raubern ist keine schande das thun die Besten im Zande» («Грабить нет никакого стыда, — это делают знатнейшие люди в стране»). А ведь казаки считали великим позором грабить и воровать у своих и за такое воровство беспощадно убивали до смерти.

Не для наживы, а на тяжелый труд и славный подвиг стекались отважные удальцы на «запольные» реки. Шли они «из работы невольные и холопства вечного» на добровольный труд, на опасную, но зато свободную жизнь, готовые погибнуть за Святую Русь и положить живот свой за други своя. Что думали казаки, на что надеялись и во что верили, хорошо выражено в следующих словах казачьей песни о смерти атамана Ермака, покорителя Сибири.

Кто жизни не шадил своей,
в разбоях злато добывая,
Тот думать станет ли о ней,
за Русь Святую погибая...
Своей и вражьей кровью смыв
все преступленья буйной жизни,

Мы за победы заслужим
благословения отчизны...
Нам смерть не может быть страшна,
— свое мы дело совершили:
Сибирь Царю покорена,
— и мы не праздну в мире жили...

В 1638 году Войско Донское, созывая перед близкой осадой всех казаков из верхних городков в Азов на «сидение», не обещает, в случае удачи, добычу великую, а уговаривает всех крепко стать брат за брата, не перевести на нет былые труды и подвиги, не посрамить славы своей молодецкой... «И чтоб вам, атаманом и молодцом верховым, попомнить престол Ивана Предотеча, и православную крестьянскую веру, и государеву к себе милость», говорит войсковая грамота¹, «свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, едъя в Азов к Войску днем и ночью не малыми людьми, а в городках небольших людей оставливайтя, а съезжайтяся городков пять и шесть в одно место с семьями, чтоб остальцы жили с великим береженьем, съехавшись в одно место... Ведаете вы и сами, как вы приходили изо всех рек казачьева присуду Азова достигать, и милостию Божию и великого в пророцех Ивана Предотеча и государским счастьем Азов город вам, атаманом и молодцом, всему великому Войску Донскому Бог поручил. А ныне б нам бусорманше веры не посмеялись, а за дом Ивана Предотеча и за истинную, непорочную крестьянскую веру стоять, Азова б города не подать, а государскому имени б в иных землях поношенья не было и своей атаманской и молодецкой славы не потеряйте. Все земли нашему казачьему житью завидовали, а ныне мы — тока свою казачью славу потеря-

¹ Д. Д. I. 810.

ем!?!»... Знала и Москва, что все готовы снести и вытерпеть казаки, лишь бы только славы своей не потерять, а потому и Царь в своей грамоте к Войску от 30 августа 1643 года пишет (Д.Д. II. 465): «И вы б, атаманы и казаки, Нам, Великому Государю, и впредь служили... и с старых с своих мест, с Дону, не сходили, тем бы прежней своей славы и чести не теряли»...

Твердо и непоколебимо стояли казаки за Веру, Царя и Отечество, за честь и славу казачью, не уступая ни пяди занятой земли, не зная страха перед грозным врагом, не смущаясь потоками лившейся крови. И по всему свету прогремела слава казачья, и донныне еще не померкла она, и одно только имя казака заставляет содрогаться сердце врагов земли Русской и Царя православного...

IV. Казаки Западные — Днепровские

Образование Днепровского казачества. Основание Запорожской Сечи. Реестровые казаки. Охочекомонные полки. Постепенное развитие Малорусского казачества. Отношение его к государственной власти. Отличительные черты Западного казачества

К началу XVI века Киевская Русь (Воынь, Подолия и Поднепровье) входила в состав Великого Княжества Литовского. Литовская степная «украина», как и Московская, терпела постоянные разорения от хищных татарских орд, налетавших на Русь из Крымских степей, и Литовскому государству также приходилось принимать все возможные меры к охране своей южной границы. Подобные причины всегда порождают и одинаковые последствия, а потому и в Западной (Малой) Руси мы также встречаемся с казачеством, которое и здесь при-

нимает две те же основные формы — городские полки и вольная община.

Однако, рассматривая вопрос о возникновении казачества в Западной Руси, мы легко заметим, что развитие Днепровской вольной общины уже с самого начала идет совершенно иным путем.

В то время как в Руси Восточной вольные общины зарождаются сами собой и первоначальное их развитие, устройство и обычаи слагаются вне всякого воздействия со стороны государственной власти, которая только с течением времени, по мере своего усиления и роста, прибирает казаков к рукам, на западе дело идет совсем обратным порядком: основание Запорожью кладется самим правительством в пору его наибольшей силы, а затем, по мере ослабления центральной власти и расшатывания государства от той же злосчастной борьбы за власть, первоначально государственное учреждение начинает обособляться, становится во враждебное отношение к государству, а затем, окончательно окрепнув, вступает с ним в борьбу и выходит из этой борьбы победителем.

В начале XVI века нападения Крымцев на Литву стали делаться все грознее и опустошительнее. В 1506 году Польша принуждена была даже согласиться платить Крымскому хану ежегодную дань в 15 000 червонцев. Но не помогло и это: и здесь надо было силе противопоставить силу...

И вот, когда в 1511 году для обсуждения вопроса о защите от Крымцев был созван в гор. Пиотркове большой сейм¹, то воевода Дашкович, незадолго перед тем (1504) побывавший в Москве, где он, конечно, имел полную возможность ознакомиться с порядками «береговой

¹ Польско-Литовское государство управлялось королями, зависевшими от решений сеймов, собраний народных представителей.

и станичной службы», предложил собранию организовать передовую охранную линию в низовьях Днепра. «Необходимо для сего», сказал он, «учредить деятельную стражу только из двух тысяч воинов. Они могли бы разъезжать на малых судах и лодках между днепровскими островами и порогами, препятствуя переправе татарской. Для прикрытия сей стражи острова следует укрепить, а для доставления ей жизненных припасов нужно не более 500 всадников».

Надо полагать, что в ту пору за порогами, в Низу и по Великому Лугу еще не было никаких казачьих организаций, а если и попадались там одиночные удальцы, промышлявшие охотой и рыболовством, то они, видимо, не представляли сколько-нибудь значительной силы, иначе Дашкович не обошел бы их молчанием, внося предложение об учреждении ничего иного, как столь прославившейся впоследствии Запорожской Сичи.

Сейм с одобрением отнесся к проекту Дашковича и постановил содержать на Низу четырехтысячное войско, на вооружение и содержание которого собрать особый земельный налог, в первый год по 18 грошей с десятины, а в следующий по 12-ти. Это войско должно было охранять Подолию. Устройство всей этой пограничной стражи поручено было тому же Дашковичу, который деятельно принялся за осуществление своего великого, как оказалось, плана. Именно этим-то обстоятельством и объясняется, что в запорожском внутреннем строе, быту и порядках с первых же шагов бросаются в глаза черты военного устройства как древних государств Рима и Спарты, так и позднейших рыцарских орденов.

По-видимому, эти четыре тысячи воинов содержались в Запорожье не постоянно, а, разделенные на две части, поочередно сменяли друг друга, потому что еще даже в 1532 году запорожцев в Низу насчитывалось толь-

ко около двух тысяч человек. Таким образом, уже с самого начала казачество Днепроовское делится на два разряда: служащие на самом кордоне и состоящие дома на учете, на льготе, подобно тому, как и ныне казацьи первоочередные части содержатся на Персидской, Турецкой и иных границах, а отбывшие свой срок проживают дома до того времени, пока обстоятельства не призовут и их под знамена.

Уже с 1516 года запорожцы с Дашковичем во главе начинают показывать свою деятельность. Более 1200 удалцов совершают набег на турецкие владения, доходят до Белграда (Ак-Кермана), разбивают встречные татарские отряды и отгоняют в свой «острог» — «Сичь» — до 500 лошадей и до 3000 голов скота.

С течением времени все дальше и дальше распространяется круг деятельности запорожцев, все смелее и опустошительнее становятся их набеги.

В 1515 и в 1521 годах Дашкович с запорожцами воюет против Москвы в составе Крымского войска, что, однако, нисколько не помешало ему вскоре дважды (в 1522 и 1523 гг.) вторгнуться в Крым и разгромить его, действуя совместно с ногайцами. Эти походы кладут начало будущей неустойчивости запорожской политики: образованное собственно для борьбы с Крымом запорожское войско, по требованию враждебной Москве Польши, не раз совершает набеги на Московские уkraine и в союзе с бусурманами льет неповинную братскую христианскую кровь.

Почти одновременно с учреждением Запорожья возникает Литовское городовое казачество — казаки реестровые. Вскоре же после Пиотрковского сейма обнаружилось с полной ясностью, что стража, поставленная на Низу, может прикрывать Украину только от прорыва мелких партий и шаек, для борьбы же с значительными

отрядами она недостаточно сильна, и единственно, чем может служить, так это только своевременным извещением населения о походе неприятеля. Необходимо было прибегнуть к организации вооруженных сил и внутри страны. В этих видах польское правительство решило воспользоваться воинственными наклонностями украинского населения и сформировать из него милиционное войско.

Устройство этой милиции было поручено гетману¹ Рожинскому. Он учредил, около 1514 года, двадцать местных полков, по 2000 казаков в каждом. Полки эти делились на сотни. Как те, так и другие получали свое наименование по городам и местечкам: «Киевского полка Киевская сотня» и т.д. Во главе полков и сотен стояли Полковники и Сотники, которые, будучи раз выбраны, как и прочая «старшина» полковая и «генеральная» (общевойсковая), «товариством» (т.е. старшинами же) и «громадою» (обще-казачьей массой), оставались в своих должностях впредь до смерти или до избрания в высший чин и на прокормление себе получали «ранговые маестности», т.е. деревни крестьян, мельницы и др. имения, принадлежавшие не личности, а «рангу» — должности, чину.

Всем малороссианам, зачисленным в казаки этих милиционных полков, был составлен именной список — «реестр», почему они и получили название «реестровых» (списочных) казаков. Половина казаков должна была быть конная — для действий в поле, а половина пешая — для обороны городов, местечек и замков. Одежда и вооружение их было однообразное, но заготовлялось на собственный счет; конница вооружена была ружьями, пистолетами, саблями и копьями, пехота — ружьями,

¹ Командующему войсками в Малороссии.

копьями и кинжалами. В походах реестровые казаки получали от казны жалованье, а в случае продолжительной войны и некоторую одежду. В мирное время казаки питались от своих трудов: занимались хозяйством, ремеслами, торговлей. Отбывая службу государству лично в составе вооруженных сил, казаки освобождались от всех прочих повинностей и налогов, а также и от барщины, которую отбывало «посполство» — простой народ.

Однако уже при первой организации народных масс в вооруженные силы оказалось в наличии немалое число охотников — «гультяев», не вошедших в реестр, но чувствовавших влечение к военной службе. Чтоб использовать и их на дело государственной обороны, были образованы полки охочекомонных (конных охотников) казаков. Эти полки поступили под начальство особым, назначаемым Гетманом, полковникам, по именам которых и назывались. Число охочекомонных полков менялось в зависимости от войны и мира, опускаясь до пяти и поднимаясь до двадцати, а иногда и более полков.

Такова была первоначальная организация малорусского казачества, с течением времени претерпевшая длинный ряд изменений.

Прибегнув в минуту нужды к такой чрезвычайной мере, как учреждение постоянной народной милиции, польско-литовское правительство, по мере того, как опасность турецкого и татарского нашествия становилась все менее грозной и вероятной, начинает подозрительно относиться к казачеству, страшась той силы, которой само же создало стройную организацию. В 1569 году Литва и Польша окончательно соединяются в одно государство, и при учреждении новых порядков казачьи полки поступают под начальство особого «казачьего старшого», непосредственно подчиненного коронному Гетману. Спустя несколько лет (1576), польский король

Стефан Баторий принимает уже более решительные меры по отношению к казачеству: он уменьшает реестр до 6000 человек. Эта мера приводила к тому, что более 30 000 реестровых казаков лишились казачьих прав и привелегий, обращаясь в «поспольштво» и рискуя попасть затем в холопы к польским помещикам.

Впрочем, меры эти приводят совсем не к тем последствиям, которых ожидал Баторий. Недовольство в Украине достигает высшей степени напряжения. Лишенные прав реестровые толпами бегут на «Низ», в Запорожье и тем только способствуют ускорению начавшегося уже создания запорожской независимости. Баторий принимает (1579 г. и след.) бесплодные попытки обуздать своеволие запорожцев, но это приводит только к тому, что в 1589 году в Запорожском «Коше» насчитывается уже около 20 000 казаков. Они сами избирают себе кошевого атамана, вопреки всем запретам короля польского. Успехи казацких набегов к тому времени создают уже такую славу запорожскому оружию, что в 1594 году император австрийский Рудольф II завязывает с ними непосредственные дипломатические сношения: императорский посол Эрик Лассота является в Сичь с предложением союза для действий против Турции.

Таким образом, к концу XVI века Запорожье совершенно освободилось от подчинения польскому правительству. Но зато, если когти и зубы Днепровского казачества вышли из-под власти Польши, все же тело его и хвост оставались по-прежнему в польских руках. И вот, в отместку за освобождение Запорожья, на реестровых казаков начинает сыпаться целый ряд ограничительных мер и притеснений. Сейм 1590 года прямо ставит вопрос об обуздании казаков и в этих видах лишает их избирательных прав. Старшина казачья, не исключая и сотников, уже назначается коронным гетманом из польской

шляхты (дворянства). Эти меры еще более усиливают общее недовольство казачества. Украина начинает волноваться, и в 1592 году вспыхивает первое восстание Малороссии против Польши. Восстание это оказывается неудачным, и зачинщик его гетман (из польской же шляхты) Косинский предается казни.

Хотя первоначальное устройство Днепровского казачества создавалось, очевидно, по примеру Московской украины, однако уже с первых шагов обнаруживается большая разница в ходе развития западной ветви казачества, вызываемая особенностями польско-литовского государственного строя.

Две резких черты отличают Днепровских казаков от их восточных собратьев.

В то время, как вольные казачьи общины Востока, уже с самого возникновения своего, были совершенно независимы от казачества городского, Днепровские казаки, хотя и делятся на свободных запорожцев и на городских — реестровых, все же представляют собой одну массу, одно тело, подобно тому, как в наши дни первоочередные полки составляют одно целое с казаками, живущими на льготе в станицах того же полкового округа. Казаки то живут у себя дома по городам, селам, хуторам и местечкам, то идут «погулять» на Великий Луг, «славы залучати»... А совершив ряд целый удачных походов, возвращаются они снова в родные хаты к своему семейству, где верные жены, окруженные ребятишками, ведут их незатейливое хозяйство. Женщины не допускаются в Запорожскую Сичь. Она не столица нового народа или государства, а только военный стан, укрепленный лагерь.

Совсем не то на Дону, Волге, Яике, Тереке... Идя на «запольные» реки, вольный казак бросал все на своей прежней родине раз навсегда и не возвращался уж боль-

ше к покинутому роду-племени. Совершенно новую жизнь начинал он в далеких вольных городках, где обзаводился новой женой, новой домашностью.

Другой отличительной чертой является сословность, духом которой проникнуто западное казачество от начала до конца. Здесь каждый казак разнится от окружающих его представителей других сословий, неся совершенно другие обязанности и пользуясь совершенно особыми правами. Казачество в Польско-Литовском государстве является только средним, полудворянским полукрестьянским сословием, совершенно в роде великорусских однодворцев, — и ничем другим. Посполство всякими путями стремится попасть в казаки, а казаки, в свою очередь, всеми правдами и неправдами стараются проникнуть в ряды шляхетства.

И опять-таки совсем не то на Востоке. Правда, Московское городовое казачество тоже представляет собой что-то вроде сословия, хотя и не вполне: поместные уездные казаки мало чем разнятся от детей боярских, а безместные полковые почти не отличаются от конных и пеших стрельцов, с которыми впоследствии и сливаются окончательно. Что же касается до вольных казачьих общин, то в них мы на первых порах наталкиваемся, как это было указано в предыдущей главе, на ясно выраженную и последовательно проведенную в жизненный обиход полную бессословность. Все казаки равны между собой, и особыми правами пользуются только должности, а не лица. Нет у них ни панов, ни простолюдинов, ни князей, ни холопов. Вчерашний казак становится старичным, походным или даже войсковым атаманом, а завтра опять возвращается в первобытное состояние и делается снова рядовым казаком, как и был прежде.

И только лишь впоследствии (в XVIII и, особенно, в XIX в.) искусственно, со стороны вносится в казачество

сословная рознь, создается пожизненная старшина, начавшая борьбу с остальной казачьей массой и в этой борьбе погубившая былые казачьи вольности и права.

К концу же XIX века казачество целиком превращено в своего рода сословие, хотя все-таки живы и в наши дни в сознании народном остатки прежней бессословности: и генерал, и чиновник, и урядник, и рядовой все дома в станице и теперь еще равные братья казаки; и если даже по законам в настоящее время казаки могут принадлежать или не принадлежать к другим сословиям, — дворянскому, духовному, купеческому и т.д., и даже иметь титулы князей, графов и т.п., значит еще и донныне казачество представляет собой не сословие, не «воинскую касту», как это думают и говорят многие по незнакомству со строем казачьей жизни, а своеобразный, только на русской почве создавшийся всесословный общественно-экономический союз, в качестве которого каждое казачье войско владеет землями, водами, капиталами, пользуется особыми правами и несет пред государством особые обязанности.

V. Казачьи походы

Казаки и басурмане. Походы Гетмана Богдана 1576—1578 годов. Азовское сидение 1641 года. Морские набеги Донцов и Запорожцев. Казаки на Каспии

Вторая половина XVI века и весь XVII — время наибольшего развития казачьих сил. В эти полтора столетия казачество растет, крепнет, вырабатывает свой строй, завоевывает себе положение крупной государственной силы и совершает длинный ряд изумительных подвигов, создавших казачеству ту громкую боевую славу, которой оно пользуется и донныне.

Героическая отвага, бесшабашная удаль и безумная храбрость казачьих набегов XVI—XVII веков превосходит всякое вероятие.

На своих утлых челнах¹ казаки совершали лихие набеги на отдаленнейшие берега Черного и Каспийского морей. Не страшили казаков ни морские «хуртины», ни многопушечные турецкие корабли. Вооруженные только ружьями и саблями, они смело налетали на турецкие «бусы-галеры»², брали их врукопашную, истребляли всех сопротивлявшихся, а томившихся на каторгах пленников-христиан отпускали на свободу.

Уже с самого начала казачества мы замечаем в нем большую связь по фронту, чем в глубину. Для общего дела борьбы с мусульманским Востоком собираются казаки с разных вольных рек вместе и заодно предпринимают свои сокрушительные набеги: по Черному морю шныряют Донцы и Запорожцы, вместе грабят они турецкие суда, вместе «шарпают берега» Анатолии, вместе воюют Крым. Как Черкасы (запорожцы) на Дону, так и Донцы в Запорогах — свои люди. Здесь объединяются все казачьи силы Запада и Востока. Постоянные гости на Дону и казаки Волжские, Яицкие, Гребенские. Вместе ходят они в Крым, на Каспийское море, в Персию, Закавказье.

Воюет каждое казачье войско и ближайших своих соседей-врагов: Запорожцы — Буджак и Крым; Донцы — Крым, Азов, Кубанских Черкес и Ногаев; Гребенцы — Черкес, Кабарду, Ногаев, Калмыков и Кумыков; Яицкие казаки — Хиву, Бухару, Киргиз и др. степных кочевников; Сибирцы — «чукчей и олюторов», якут, бурят и т.д.

¹ Казачьи «струги» (у запорожцев «чайки», или «дубы», в старину «однодревки») имели 6—8 саж. длины, а ширины всего от 1 саж. до 1 1/2.

² Галерами, или каторгами, назывались большие военные корабли, ходившие на веслах. Бусы — морские торговые суда.

Всем бусурманам достается отведать на себе бесшабашной казачьей удали. Все чаще и настойчивее слышатся жалобы турок, крымцев, ногайцев на казачьи набеги. Без этих жалоб не обходятся ни встреча, ни проводы русских послов в Крыму, Кафе, Азове, Царь-Городе.

Около 1550 года Турецкий Султан пишет ногайским князьям: «В наших бусурманских книгах пишется, что русского Царя Ивана лета пришли; рука его над бусурманами высока; уже мне от него обиды великие; поле все и реки от меня поотнимал. Дон у меня отнял, в Азове поотнимал всю волю: казаки его с Азова оброк берут, воды из Дону пить не дадут. А Крымскому царю также обиду делают великую: Перекоп воевали. Русские же казаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюют. Как вы за это стоять не умеете. Казань теперь как воюют!.. А в Казани же наша вера бусурманская. И все мы, бусурмане, сговорились: станем от Русского Царя бороться заодно».

Однако, все эти «бусурманские сговоры» ни к чему не приводили. Не помогали и вечные жалобы Царю Московскому, сопровождавшиеся просьбой свести казаков с Дона и с Терека. Не надеялись бусурманы ни на быстроходные корабли свои, ни на лучшее вооружение, ни на сильные крепости. Князья и мурзы крымские говорят хану: «Если придет много людей на судах, то города их не остановят. Ведь казак — собака: когда и на кораблях приходят на них турецкие стрельцы, то они и тут их побивают и корабли берут».

Оно и понятно. В бою не жалели казаки своих голов, но зато потоками лилась бусурманская кровь. И только благодаря невероятной храбрости казаков, их бесшабашной удали, создалась та слава казачья, которая заставляла врага дрожать уже при одном только имени казака. Казаки пришли — значит все погибло! Спасайся, кто мо-

жет, а о сопротивлении нечего и думать... Нечего и на милость рассчитывать. Кафа, Козлов, Очаков, Синоп, Трапезонд, даже сам Царь-град, вечно трепетали под угрозой казачьих набегов.

Совершали казаки и сухим путем блестящие походы в глубину бусурманского края. Особенно успешен был поход гетмана Богдана и есаула Нечая в 1576—1578 годах, когда казачья армия победоносно прошла сухим путем вокруг всего Черного моря. Послав есаула Нечая на лодках с 5000 запорожцев, гетман Богдан с остальным войском двинулся прямо на Крым. Разгоняя встречные передовые татарские отряды, он уже приближался к Перекопу, когда навстречу казакам выступил хан Давлет-Гирей со всеми крымскими силами. Произошло жестокое кровопролитное сражение. Более часа шла орудийная пальба. Татары пустили в дело свой резерв — панцирных всадников, но истощив все усилия, ничего не достигли. Казаки, ободренные неудачей противника, с новой решимостью ударили на врага, потеснили его и обратили в бегство. Разгромив крымцев, перебив и перетопив в морском заливе целые тысячи врагов, казаки подступили к стенам Перекопа. Конница обошла Перекопские валы и рвы по воде с фланга, ударила в тыл защитникам. Перекоп был взят: гарнизон, упорно сопротивлявшийся, вырезан, укрепления разрушены, а город предан пламени.

От Перекопа гетман поспешил против Кафы, которую уже обложил с моря Нечай. Недолго продержалась Кафа, — решительным приступом казаки овладели городом, не ожидавшим опасности с суши. Из Кафы казаки пошли на Бахчисарай и Козлов, куда двинулся морем и Нечай. Видя неминуемую гибель, хан попросил мира. Гетман не стал бить лежачих: освободив всех христиан, томившихся в крымской неволе, он с богатой добычей

вернулся в Малороссию, чтобы на следующий год с новыми силами нанести удар уже самому оплоту мусульманства — Турции.

Отправив Нечая опять морем с 3000 запорожцев, гетман Богдан с сухопутным конным и пешим войском прошел Крымские и Донские степи, переправился через Кубань в земли черкесов, признававших над собою главенство Турции, и предал огню и мечу все черноморское побережье. Нечай деятельно содействовал с моря успеху сухопутной армии. Все сокрушая и опустошая на своем пути, казаки прошли Кавказ, разграбили цветущие поселения в окрестностях Трапезузда и Синопа и по всему побережью Анатолии до самого Константинополя. Казаки все-таки не решились штурмовать столицу мусульманского мира и, ограничившись опустошением ее окрестностей, прошли далее через Европейскую Турцию, радушно встречаемые единоверными и единоплеменными болгарами. Уничтожая на всем пути турок, захватывая их крепости и города, казачье войско со славой и несметной добычей возвратилось к родным очагам.

И такой блестящий поход совершили казаки в то время, когда вся Европа трепетала пред грозой непобедимого турецкого оружия. Уж одного этого подвига было бы достаточно, чтобы обессмертить казачью славу в памяти потомства, даже если бы казаки не совершали всех остальных своих бесчисленных и непрерывных набегов.

Ежегодно, не сухим путем, так морем, ходили казаки, то побуждаемые «нуждою великою, голодом и холодом» зипунов добыть, то достать «языка» (пленного) «для подлинного ведомства и прямых вестей», а то и просто ратному делу поучиться, «пороху понюхать». И теперь еще среди казаков держится пословица: «Какая ж кума, коль у кума не была, — какой же казак, коль пороху не нюхал».

Казачество само заботилось о развитии казачьей удали, силы и храбрости. Кроме войны, рыболовства да охоты, казак знать не хотел других занятий. Вспомним приведенное выше (гл. IV) постановление Донского войскового круга о предании смертной казни казаков-землепашцев, «дабы воинским промыслам помешки не было». Казачьи городки держались не крепостью стен своих, а только мужеством защитников. Хоть небогаты и незатейливы были городки казачьи, так как не строили себе казаки хором высоких да украшенных, «дабы не играл на них глаз вражеский», все же до последней капли крови стояли казаки и за свои «щепки».

Впрочем, охотнее бились они в широком морском или степном просторе. «Мы не городоемцы, не горододержцы», говорили Донцы Московскому Царю, прося принять от них в дар взятую у турок сильную крепость Азов. «А взяли мы его», говорили они, «для опыту: посмотрим де, что за турецкие люди в городех сидят; и в осаду в нем сели для опыту ж, посмотрим мы турецких умов и промыслов». А между тем и Азовское взятие 1637 года и, особенно, Азовское осадное сидение 1641 года, о котором так шутя отзываются сами герои-казаки, — все дела небывалые и не имеющие себе равных в летописях военных подвигов.

Когда казачьи набеги к началу XVII века достигли своего наибольшего развития, турецкое правительство озаботилось обращением стоявшего в низовьях Дона города Азова в сильную крепость, дабы запретить выход из Дона в море. Как бельмо на глазу стал казакам Азов, лежавший всего в 30 верстах от нижнего казачьего городка. И вот начинается борьба за обладание Азовом, борьба, поглотившая тысячи жертв с обеих сторон и закончившаяся уже только вторым Азовским походом Петра Великого.

Еще в 1634 году Донцы и Запорожцы подступили к Азову, бомбардировали его, разрушили во многих местах стену и едва его не взяли, так как только совершенный недостаток в огнестрельных припасах принудил их отказаться от мысли о штурме и отступить.

Наконец, в начале 1637 года, порешили казаки покончить с Азовцами, «учинить промысел над Азовом» и отнять его у турок. Чувствуя, однако, недостаток в огнестрельных припасах и не надеясь, что Москва пришлет эти припасы для наступательных действий, казаки пускаются на хитрость. Отправляют они посольство в Москву во главе с атаманом Иваном Каторжным с грамотою к Царю, в которой, между прочим, пишут: «в прошлых во многих годах была твоя государская к нам, холопам твоим, милость, жалованье денежное, и сукна, и запасы всякие, а в прошлом 1636 году твоего жалованья не было, а мы помираем голодную смертью, а взять, кроме твоей государской милости, негде. Многие орды на нас похваляются, хотят под наши казачьи городки войною приходить и наши нижние казачьи городки разорить, а у нас свинцу, ядер и зелья (пороху) нету»... Таким образом, не раскрывая своих тайных планов относительно наступления на Азов, казаки просят запасов якобы для защиты своих собственных городков. Просьба их была уважена, и Государь приказал выслать к ним на Дон все необходимое.

А тем временем, пока атаман Каторжный ездил в Москву, на Дону был великий войсковой круг. Низовые городки, начав сборы в поход, послали в верховые (лежащие в верхнем течении Дона) городки и по всем речкам, велели всем быть на съезд в нижний городок. Ввиду предстоящего великого общего дела всем казакам, которые за свои проступки и преступления состояли «в запрещенье от войска», т.е. были лишены казачьих прав,

объявлено было полное прощение и забвение вины. Из всех юртов съехались казаки и приговорили — идти всем войском под Азов, промысел над ним учинить. В это же время прибыло на Дон прямо степью около тысячи Запорожцев, чтобы уговориться идти вместе на море. Узнав о задуманном завоевании самого Азова, Запорожцы постановили присоединиться к Донцам.

В среду на Фоминой неделе, 21 апреля 1637 года, казаки выступили в поход в числе 4400 человек. На Дону на ту пору был проездом в Москву турецкий посол Фома Кантакузин. Его казаки оставили в своих куренях под стражей. Кантакузин сделал было попытку оповестить Азовцев, чтобы те не сдавались, так как у казаков боевых припасов немного, а из Москвы еще новых не получено, но посланные его были перехвачены, а когда прибыл из Москвы атаман Каторжный с царским «жалованьем», то над Кантакузином был наряжен войсковой суд, на котором он был присужден к смерти и тут же (4 июня) был казнен со всеми своими людьми.

Недолго продержались Азовцы в осаде, — 18 июня крепость взята была приступом, все жители, кроме греков, перебиты, а пленные христиане выпущены на свободу. Казаки занялись приведением в порядок взятого города, а тем временем отправили в Москву посольство с известием, что они турецкого посланника Кантакузина порубили, Азов город взяли и ни одного человека Азовского ни на степи, ни на море не упустили, — всех порубили.

Известие это, с одной стороны, обрадовало Москву, которой, конечно, на руку было падение грозной турецкой крепости, а с другой стороны, Москва оказывалась в очень неловком положении, так как из-за этого дела легко мог произойти разрыв с Турцией, грозивший трудной войной, к которой государство не было готово.

Поэтому в сентябре того же года Царь отправил к султану грамоту, в которой, выгораживая себя, писал, что казаки взяли Азов «воровством» (т.е. самовольно, без приказа), что Донские казаки издавна воры, беглые холопы и царского повеленья ни в чем не слушают, а рати Московской послать на них нельзя, потому что живут в дальних местах: «а вам бы, брату нашему, на нас досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азов взяли: это они сделали без нашего повеленья, самовольством, и мы за таких воров (беззаконников) никак не стоим, и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить; мы с вашим султановым величеством в крепкой братской дружбе и любви быть хотим». Впрочем, без неприятностей дело все-таки не обошлось: в сентябре крымцы под начальством ханского брата Нур-Эддина опустошили Московскую Украйну, причем хан Богадур-Гирей писал в Москву, что это делается по приказу султана в отместку за взятие Азова. Однако казаков крымцы тронуть побоялись и даже не сделали ни малейшей попытки отбить крепость обратно.

Что же касается до самого султана Мурада, то как ни взбешен он был потерей Азова, однако предпринимать ничего не решался, так как в то время вел войну с Персией. Когда в 1639 году эта война окончилась, в Турции начались деятельные приготовления к войне с казаками, но смерть Мурада, последовавшая в 1640 году, оттянула дело, и только в 1641 году наследник его Ибрагим I двинул под Азов огромную армию в 240 000 человек при сотне осадных орудий.

Казаков в городе было совсем немного: 5367 мужчин и около 800 женщин, а всего, значит, шесть тысяч с небольшим; казачек тоже надо ставить в счет боевой силы, так как они деятельно помогали защите города. В это же

время в Азове находились предводители восстания за освобождение Малороссии от гнета Польши — Остраницы и Гуня со своими товарищами.

Обложив город 24 июля, турки тщетно осаждали его два месяца (по 26-е сентября) и принуждены были, наконец, отступить, потеряв убитыми более 20 000 человек. Казаки послали в Москву в высшей степени любопытное по форме и по содержанию подробное описание своей геройской обороны Азова. Это была оборона, которой не было, нет и не будет равной в мире!..

Шесть тысяч защитников и защитниц выдержали двухмесячную осаду со стороны противника, превосходившего в 50 раз своею численностью, снабженного в избытке артиллерией и всякими припасами¹, отбили 25 приступов и выдержали бомбардировку, не прекращавшуюся ни днем, ни ночью в течение 16 суток. «И от пушек их гром стоял», пишут казаки, «и огонь и дым топился от них до неба; 16 день и ночей 16 не перемолк снаряд их пушечный ни на единый час. Все наши Азовские крепости распались, стены и башни все и церковь Предотечева; и палаты все до единые разбили у нас по подошву самую, и снаряд наш пушечный переломали весь. Одна лише у нас во всем Азове-городе церковь Николы Чудотворца вполю (до половины) осталася; потому ее столько осталось, что она стояла внизу добре, у моря, под гору. А мы от них сидели по ямам все, и выглянути нам из них не дадут... Почали уже они к нам метати в ямы наши ядра огненные, чиненные (фугасные бомбы), и всякие немецкие приступные мудрости. Тем нам они чинили пуше приступов тесноты великие. Побива-

¹ У турок было 120 больших осадных пушек, (от одного пуда до двух ядро), 674 полевых пушки и 32 мортиры, тогда как у казаков всего-навсего имелось 12 пушек, и то стрелявших только «дробом» (картечью).

ли многих нас. После тех ядер огненных, вымышляя они над нами умом своим, оставя они все уже мудрости, почали нас осиловать и достигать прямым боем, своими силами: почали они к нам в приступ присылать на всякий день людей своих, янычен (янычар) по 10 000 человек: те уж к нам приступают ночь всю до света. Ни на един час не дадут покою нам: они бьются с переменою день и ночь, чтоб тою истомою осиловать нас. От такого их злого ухищрения и промыслу от бесовского, и от тяжелых ран своих, и от всяких осадных лютых нужд, и от человеческого трупия, отягчали мы все многими болезнями лютыми осадными. А сели в мале дружине своей: уж только стало, перемениться нечем; ни на единый час отдохнуть нам не дадут»...

Только закаленное в боях булатное казацье сердце могло перенести все эти несказанные ужасы и до последней минуты пылать твердой решимостью лучше погибнуть всем до единого, чем допустить себя до позора сдачи.

Войско Донское просило Царя принять от казаков Азов, добытый и удержанный с такими жертвами и нечеловеческими усилиями: «Мы наги, босы и голодны», писали они: «запасов пороху и свинцу нету, оттого многие казаки хотят идти врознь, а многие переранены». Царь послал казакам запасов и 5000 руб. денег, относительно же крепости порешил посоветоваться с народом, для чего был созван в январе 1643 года Земский Собор. Когда все дело было доложено Собору, то он постановил передать решение вопроса на благоусмотрение Царя, города же и области выразили готовность не жалеть ни жизни, ни имущества, если потребуется. Посланные для осмотра крепости царские доверенные донесли, что город разбит и разорен до основания, скоро его поправить никак нельзя и от воинских людей защищаться не в чем. Царь порешил, что отстаивать от турок Азов пришлось

бы с крайним напряжением всех сил государства, а оно и без того страшно разорено и ослаблено, а потому послал 30 апреля 1643 года казакам грамоту с повелением покинуть Азов. Казаки вышли из города на Махин остров, куда перевезли свои трофеи и запасы, а Азов предали окончательному разрушению, так что турецкая армия, явившаяся для новой осады, нашла на месте грозной крепости только беспорядочные груды развалин.

Как бы то ни было, а казаки добились своего: выход на море был вновь свободен, и снова начался длинный ряд удачных морских набегов.

В море ходили казаки и малыми партиями — стругов по 10, по 15; ходили и целыми флотилиями — в 50, в 70 и до 100 стругов. А в струге человек по 30, по 40 и по 50. Само собой разумеется, что такие отряды, как ураган, сметали все перед собой: села и города обращались в развалины, жилища предавались огню, мужчины «под мечем клонились», а женщин и прочую добычу забирали казаки в свои далекие городки¹. Если на обратном пути встречались турецкие военные корабли, то уж трудно было казакам действовать на своих челнах, перегруженных всякой добычей, приходилось идти наутек, пока не заметил враг ныряющих по волнам казацких стругов. Если же уйти уж было невозможно, то приходилось принимать бой в невыгодных условиях, и тогда жестоко доставалось казакам, несмотря на всю их храбрость и проворство. Тогда шла на дно морское вся купленная дорогой ценой казачья добыча, а сами храбрецы попадали в руки врагов, продавались в рабство в далекие мусульманские края, или же, прикованные тяжелыми цепями к

¹ «А золото и серебро», говорят казаки туркам во время Азовского сиденья, «емлем у вас за морем: то вам самим ведомо. А жены себе красивые (красивые) и любимые водим и выбираем от вас же из Царя-града».

огромным веслам турецких «каторг», пенили ими волны Черного моря. Тяжка была неволя турецкая. По 20, по 30 лет просиживали казаки в цепях, томились в тюремных подземельях или исполняли самые тяжелые и унижительные работы по прихоти своих повелителей. И проливали казаки горькие слезы, выжидая, когда же придут «братив вызволяти» их удалые товарищи.

Поэтому казаки предпочитали встретиться с неприятельскими кораблями в начале похода, и тогда сами первые нападали на врага. Завидев издали военный корабль, казаки старались занять выгодное для себя положение, становясь от него в стороне солнца. Тогда бесполезны были для турок их грозные пушки: солнце било наводчикам прямо в лицо, в глазах рябило от блестящей морской поверхности, — и о верной стрельбе нечего было и думать. Если же день был неясный, то казаки, прикрываясь мглой, охватывали неприятеля кольцом и устремлялись на него со всех сторон одновременно. Много стругов разлеталось тогда в мелкие щепки под ударами турецких ядер, опрокидывалось и тонуло в морской пучине, но остальные доходили до цели и с первого же налета оставались победителями.

В то время как Донцы и Запорожцы опустошали берега Черного моря, Волжские и Яицкие казаки хозяйничали на Хвалынском (Каспийском), и часто «дуванили» (делили) несметную добычу, собираемую ими по богатым ханствам Закавказья и Персии. Впрочем, в этих набегах принимали участие и Донцы, чаще малыми группами, а иногда в довольно значительных силах, как в 1621, в 1632, в 1641 году и, особенно, в походах известнейшего казацкого атамана Стеньки Разина. Еще и доныне сохранились в низовьях Куры остатки огромной казацкой крепости, служившей главной опорой для Разинских удальцов с Дона, Волги и Яика, с которыми он в

1668—69 годах опустошал персидское побережье Каспия от Дербента и Баку до Решта и Фарабада. Напрасно персидский шах выслал против Разина свой флот с 4000 войска. Разин разогнал во все стороны персидские корабли и поперетопил их почти все: только три судна спаслись бегством. С ними бежал и неудачный персидский флотоводец Менеды-хан, дочь которого в числе прочей добычи досталась в руки победителей казаков, со славой и богатой добычей возвратившихся в свои городки.

VI. Историческое значение казачества. Оборона границ и расширение пределов

Казаки — передовые бойцы и разведчики. Покорение Сибири. Открытие новых земель на Дальнем Востоке. Казаки на Амуре. Первые дела с Китаем. Твердость казачья в деле защиты границ

Чем шире разливалось русское народное море на юг и на восток, тем все дальше и дальше в глубь неведомых стран проникали казачьи отряды. И при этом поступательном движении Русского государства, казаки сыграли роль огромной важности и значения. Они всюду являлись первыми вестниками наступающей власти Белого Царя. Судьбы казачества и государства тесно сплетались. Уходя за пределы государственной власти, казаки все же силою вещей, волей-неволей служили государству великую службу. И чем дальше в глубь степей и таежных дебрей забирались казаки, тем скорее шагала по пятам их государственная власть, и за спиной вольных казачьих «станий» рубились царские города, ставились «остроги», возводились укрепления, распоряжались царские воеводы. Всю тяжесть и все превратности

передовой борьбы принимало на свою богатырскую грудь казачество, а плодами казачьих трудов целиком воспользовалось государство.

Мы выше уже видели, что казаки служили Царю не только как вооруженная сила: они являлись и первыми дипломатическими агентами, первыми посредниками в международных сношениях Руси с Востоком. Через их руки проходят царские грамоты, с их помощью ведутся переговоры с Ногаями, Крымом, Турцией и Персией. Даже и в отдаленном Китае казакам суждено было сыграть роль первых посредников между Богдыханом и Белым Царем.

Начало завоевания Сибири и присоединения к России всей Северной Азии было положено, как это всем известно, славным атаманом казачьим, Ермаком Тимофеевичем. Напомним в кратких словах главные моменты этого великого события.

Во второй половине XVI века в Северном Приуралье, в Закамском краю, основались именитые торговые люди промышленники Строгановы. Они вели там обширную торговлю с соседними инородцами, вываривали соль и занимались различными промыслами. По всей округе ходили их караваны с товарами, а в удобных местах строили Строгановы городки, в которых вели торг с туземцами. Для охраны своих караванов и складов Строгановы держали свою собственную стражу, набиравшуюся из охочих вольных людей.

Вот к этим-то Строгановым и явился около 1578 года атаман Ермак со своей казачьей дружиной. Однако недолго прожили удалые товарищи Ермака на купеческих хлебах. Их буйная сила требовала большого простора, где бы можно было развернуть свою удаль во всю ширину. И вот в 1580 году вольная казачья дружина, числом до 500 человек, получив необходимые боевые припасы

от Строгоновых, двинулась под предводительством своего отважного атамана за Уральский хребет. В следующем же году казаки занимают столицу Сибирского царя Кучума — город Искер (или Сибирь), находившуюся близ впадения реки Тобола в Иртыш, где ныне город Тобольск.

Основавшись в Сибири, казаки отправили к Царю Ивану Грозному посольство с предложением принять от казаков завоеванную ими страну, а сами тем временем деятельно занялись дальнейшим покорением инородческих племен. Во время одного из таких походов, когда казаки в бурную ночь спали на берегу Иртыша, на них неожиданно напал Кучум, и беспечные казаки были перебиты прежде, чем успели схватиться за оружие. Сам атаман, защищенный железным панцирем, отчаянно отбивался от окруживших его врагов, но видя превосходство сил, бросился в воду, пытаясь вплавь добраться до стоявших среди Иртыша казачьих стругов. Однако латы, спасшие Ермака от ударов татарского оружия, сами погубили его, потянув своею тяжестью на дно реки.

Не стало славного Ермака, покорителя Сибири, но мужественные сотоварищи его продолжали начатое им великое дело. Все шире и шире «раздвигали они предел порубежный и твердою грудью заслоняли своей». Открывая все новые и новые страны, казаки Мангазейские, Тобольские, Сургутские, Томские, Енисейские, Якутские во всех направлениях рыскали по сибирским тайгам, тундрам, рекам и горам, собирая «ясаки» Белому Царю с бесчисленных народцев: бурят, тунгузов, даурцев, баргутов, якутов, юкагиров, чукчей, каряков, камчадалов и т.д. В 1637—38 годах Енисейские казаки по Лене доходят до Северного Ледовитого океана и начинают исследование его побережья. В 1639 году впервые

появляются русские казаки на побережье Великого океана в Охотском море, и через 10 лет отважный Семен Дежнев, всего с 25 казаками, на лодке выходит для открытия земель из Нижне-Колымска, огибает восточную оконечность Азии — Чукотский Нос и первым из европейцев проходит через морской пролив, разделяющий Азию от Америки¹.

За вольными казаками-охотниками следом идут, как повелось, государские служилые люди. Немедленно по получении от Деженева сведения о новых землях, богатых рыбой и моржовым зубом, из Якутска посылается стрелецкий сотник утвердить власть Великого Государя в новой землице и установить порядок в промыслах, с соблюдением казенного интереса.

Около того же времени появились казаки и в пограничном с Китаем Приамурье. В 1643—1644 годах первый проходит по Амуру до самого устья Василий Поярков, прошедший с партией в 133 человека из Якутска вниз по р. Лене, в приток ее Алдан, а по нему — к притоку Амура, р. Зее. Из Амурского устья Поярков вышел в Охотское море, откуда уже сухим путем пробрался снова к Алдану. Вернувшись в 1646 году из этого тяжелого и опасного похода, в котором от голода и в битвах потерял более половины товарищей, Поярков представил богатый «ясак» и описание вновь открытых стран. «Там в походы ходить», пишет он, «и пашенных хлебных сидячих людей под царскую высокую руку привести можно, и в вечном холопстве укрепить, и ясак с них собирать, — в том Государю будет прибыль, потому что те землицы людны, и хлебны, и собольны, и всякого

¹ Этот пролив и прилегающее к нему море впоследствии получили имя немца Беринга, побывавшего в этих водах более чем на 100 лет позже казаков Дежнева, но, тем не менее, присвоившего себе честь первого открытия.

зверя много, и хлеба водится много, и те реки рыбны, и государевым ратным людям хлебной скудости ни в чем не будет».

В 1649 году идет в Амурский край новый исследователь Ерофей Хабаров с 70 товарищами. Поднявшись из Якутска вверх по р.р. Лене и Олекме, он вышел на Амур значительно выше, чем Поярков. Идя вниз по Амуру, Хабаров нашел богатые и благоустроенные города Даурского князя Лавкая. Ознакомившись с богатством Даурии и находя свои силы недостаточными для полного ее покорения, Хабаров оставил на Амуре своих товарищей, а сам в 1660 году возвратился в Якутск, откуда в том же году, взяв с собою отряд в 200 человек вольных и служилых людей, при 3 пушках, пошел опять в Даурию. Дауры встретили его на этот раз с оружием в руках, но Хабаров разбил их и занял их город Албазин. Неоднократные попытки туземцев выбить завоевателей из Приамурья не привели ни к чему. Тогда Дауры обратились за помощью к Китаю, и вот весной 1652 года под занятый казаками Ачанский городок подступило многочисленное войско Китайского Богдыхана. Хотя Манчжуры были вооружены пушками и ружьями, однако перевес все-таки остался на стороне храбрейших.

Вот как рассказывает об этом первом столкновении Руси с Китаем Хабаров: «Марта в 24 день, на утренней заре, сверх Амура реки славные ударила сила из прикрыта на город Ачанский, на нас, казаков, сила Богдойская, — все люди конные и кучачные (панцирные). И наш казачий Есаул закричал в город Андрей Иванов, служилый человек: “Братцы казаки! вставайте наскоре и оболкайтесь в кучаки крепкие!”... И метались казаки на город в одних рубашках на стену городовую, и мы, казаки, чаяли из пушек, из оружия бьют казаки из города, — ажно бьют из оружия и из пушек по нашему городу казачью

войско Богдойское. И мы казаки с ними, богдойскими людьми, с войском их, дрались из-за стены с зари и до схода солнца. И то войско богдойское на юрты казачьи пометалось, и не дадут нам, казакам, в те поры пройти через город; а богдойские люди знаменами стену городовую укрывали; у того нашего города вырубиле они, богдойские люди, три звена стены сверху до земли. И из того их великого войска богдойского кличет Князь Исинея царя Богдойского и все войско богдойское: “Не жгите и не рубите казаков, — емлите их, казаков, живьем!”... И толмачи наши те речи князя Исинея услышали и мне Ярофейку сказали. И слыша те речи у князя Исинея, оболокали мы все казаки на ся куяки и яз (я) Ярофейко, и служилые люди, и вольные казаки, помолясь Спасу и Пречистой Владычице нашей Богородице и угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промеж собою прощались и говорили то слово яз Ярофейко и Есаул Андрей Иванов, и все наше войско казачье: “Умрем мы, братцы казаки, за веру крешеную и постоим за дом Спаса и Пречистыя и Николая Чудотворца, и порадеем мы казаки Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея России и помрем мы казаки все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям не дадимся”... И в те стены проломные стали скакать те люди Богдоевы, и мы казаки прикатили тут на городовое проломное место пушку большую медную и почали из пушки по богдойскому войску бити, и из мелкого оружья учили стрелять из города, и из иных пушек железных бити ж стали по них, богдойских людях. Тут и богдойских людей и силу их всю, Божию милостью и Государским счастьем, и нашим радением, их, собак, побили многих. И как они, богдои, от того нашего пушечного бою и от промыслу отшатились прочь, и в та поры выходили служилые и вольные охочие казаки

156 человек в кюях на вылазку богдойским людям за город, а пятьдесят человек осталось в городе. И как мы к ним, богдойским людям, на вылазку вышли из города, и у них, богдоев, тут под городом приведены были две пушки железные, и Божиею милостию и Государским счастьем те две пушки мы, казаки, у них, богдойских людей и у войска отшибли. И у которых у них, богдойских людей, у лучших воитинов огненно оружие было, и тех людей мы побили и оружие взяли. И нападе на них, богдоев, страх великий: покажись им наша сила несчетная, — и все достальные богдоевы люди от городу и от нашего бою побежали врознь. А круг того Ачанского города смечали мы, что побито. Богдоевых людей и силы их 676 человек наповал, а наши силы казачьи от них легло от богдоев 10 человек, да переранили нас, казаков, на той драке 78 человек».

Так умели стоять за Царя и отечество, за церкви Божия да за славу свою молодецкую казаки на далекой восточной окраине.

«Лучше смерть, чем позор сдачи» — в один голос говорят казаки на всех своих заставах богатырских, по всему казачьему фронту от Амура через Яик, Терек и Дон до славного оплота Днепровского казачества — Запорожской Сичи.

Мужественная защита Ачанского городка Амурскими казаками, в 1652 году, геройская оборона Гребенцов в своем Сунженском остроге от полчищ Шамхала Тарковского в 1651 г., беспримерное в истории «Азовское сидение» Донских казаков в 1641 году и гордый ответ запорожских казаков турецкому султану Махмуду IV в 1674 году, — это все дела одного и того же времени, — половины XVII века, времени расцвета казачьих сил, которые, накопившись, искали себе выхода на широкий простор...

VI. Историческое значение казачества. Присоединение Малороссии

Католичество и православие в Западной Руси. Уния. Выступление казачества. Гетман Наливайко. Новые бедствия Малороссии. Тарасова ночь. Жестокость поляков при казни народных вождей. Богдан Хмельницкий. Переяславская Рада

Не только далекие чуждые страны и земли добывало казачество для Великого Русского Государства, тому же казачеству обязано наше отечество и возвращением коренной русской области — Киевской Руси, попавшей под тяжелое польское иго.

Когда Малая Русь подчинилась Литовским Великим Князьям, то первое время русским хорошо и свободно жилось под властью Литвы. О каких бы то ни было стеснениях или преследованиях не могло быть и речи. Литовцы и русские жили друг с другом как родные братья, — как вольный с вольным, равный с равным. Русский язык был господствующим в Западном крае, и даже свод литовских законов («Литовский Статут») был написан не на литовском, а на русском языке.

Но со времени соединения Литвы с Польшей (1569) дело начинает принимать совершенно иной оборот.

Причиной этому прежде всего послужила религиозная рознь. Польское государство приняло христианскую веру с Запада, от Латинской церкви, а потому духовным главою своим считало римского папу (патриарха).

Между тем русский народ получил наставление в вере с Востока, из Константинополя, от Греческой церкви. Еще в XI веке Восточная и Западная церкви стали друг к другу во враждебные отношения из-за вопроса о подчинении: Римские папы настаивали, чтобы все христиан-

ские церкви признали Рим своей главою, потому что в Риме умер Апостол Петр, которому вручил Господь ключи Царства Небесного. Так как патриархи Восточной церкви не пожелали ставить себя в зависимость от пап, то между западным и восточным христианством, между римско-католичеством и греко-православием возникла смертельная вражда.

Понятно, что после соединения Польши с Литвой римское духовенство, пользовавшееся в Польше наибольшим влиянием, с неудовольствием стало смотреть на права, предоставлявшиеся в Литве православному духовенству. Началась сперва тайная, а затем и открытая борьба за вероисповедание. Католики требовали, чтобы православные, которых они именовали «схизматиками», т.е. раскольниками, еретиками, отказались бы от своей «ереси», приняли бы обряды латинской церкви и признали бы своим духовным главою римского папу. Конечно, ни православный русский народ, ни тем более духовенство на это не могли согласиться. Тогда католические ксендзы и епископы стали настойчиво добиваться того, чтобы права православного духовенства были бы ограничены. Обиженный этим русский народ еще крепче привязался к своему вероучению.

К религиозным спорам присоединились еще и другие обстоятельства, обострявшие польско-русские отношения. Польская знать стала приобретать себе поместья в Малороссии, и при этом коренное местное русское, искони свободное «посполство» (простонародье) постепенно обращалось в «хлопов» (крепостных), в собственность польских панов.

Таким образом уже к концу XVI века мы находим в Западной Руси две враждующих между собой стороны: польско-католическую — помещики, войско, чиновники — и русско-православную — сельчане, казаки и горожане.

В 1596 году группа православных епископов и священников, желая получить права, равные с католическим духовенством, придумала так называемую «унию» — соединение православия с католичеством, сущность которого сводилась к тому, что «униаты» могли по-прежнему исполнять обряды восточной церкви, молиться на своем языке, а не на латинском, но признавали римского папу главой православной западнорусской церкви. Однако за униатами пастырями не последовала их паства, и «уния» вместо успокоения внесла только большую вражду и ярость в религиозный спор. Униаты стали употреблять все меры для утверждения унии, не гнушаясь даже насилиями и зверствами: опираясь на сочувствие и помощь католиков, они захватывали в свои руки православные храмы и монастыри, арестовывали и истязали православных священников. Православный народ заволновался...

А тут еще подоспел казачий вопрос. Мы уже видели выше (гл. IV), как польское правительство к концу XVI века начинает принимать меры к ограничению и ослаблению казачьих вооруженных сил, начинает свободных дотоле реестровых казаков обращать в крепостных хлопов. Русскому народу приходилось с оружием в руках отстаивать свои права и свою свободу, попираемые угнетателями ляхами и их пособниками отступниками — униатами. И кровавая борьба началась.

Еще в 1592 году поднялись было казаки под предводительством гетмана Косинского. Но этот гетман сам был природный поляк, а потому не пошло за ним так казачество и народ русский, как пошли бы за вождем соплеменником. Когда же начались зверства униатов, таковой вождь отыскался. Это был гетман казацкий Павел Наливайко, избранный в гетманы казаками на «раде» в Чиги-

рине в 1596 году. И хотя это избрание произошло вопреки запрещению польского правительства, однако Наливайко начал с того, что обратился к королю польскому с просьбой утвердить его избрание и подкрепить своим королевским словом прежние права и свободы русского народа. Но король в Польше не имел уже никакой силы: всеми государственными делами самовластно распоряжались окружавшие короля «магнаты» (вельможи), исполнявшие все свои прихоти королевским именем. Поэтому, несмотря на полную справедливость и законность требований гетмана, правительство двинуло против него войска. Стал собирать свои силы и Наливайко. Под Чигирином, на берегу р. Тясмина, он расположился укрепленным лагерем, выставив на кургане три белых хоругви с надписями: «Мир христианству, а на зачинщика Бог и Его Крест». Поляки против знамен воздвигли три виселицы и, повесив на них трех казацких старшин — Богуна, Войновича и Сутыгу, сделали над ними надпись: «Кара бунтовщикам».

Некоторое время враги стояли друг против друга, выжидая. Наконец поляки первые перешли в наступление. Однако опытный вояка был Наливайко: послав лучшую часть своего войска в обход, он произвел переполюх в польском стане и тогда ударил с фронта. Жестоко бились казаки, горя желанием отомстить за поруганных старшин своих. Не выдержали кичливые ляхи дружного натиска и обратились в бегство. И справили казаки в Тясминской битве первую свою кровавую тризну по мученикам за веру и свободу: более 17 000 польских воинов легло в этой сече.

Одержав столь блестящую победу, Наливайко деятельно принялся за очищение Малороссии от поляков и униатов. Отправив полковника Лободу с частью войска вверх по Днепру, он с остальными казаками двинулся на

Запад. В три с половиной месяца вся Малороссия была очищена от врагов и утеснителей народных. Кто не успел уйти, были перебиты без всякого сожаления. Оказывавшие сопротивление замки, крепости и даже целые города (Могилев, Слуцк) были выжжены и разорены дотла.

Над Случью снова встретился Наливайко с польскими войсками. Уже сбавили ляхи спеси своей: теперь они сами окопались и ждали нападения казаков. Как только оба казацких отряда (гетмана и Лободы) соединились, казаки начали приступ. Четыре дня они атаковали сильно укрепленную и удобную позицию польского войска и уже выбили врага из передовых укреплений, когда на место битвы явились посланцы короля и его именем велели прекратить побоище, а польским военачальникам передали приказ заключить с Наливайкой вечный мир на условиях полной амнистии (забвения вины восставших) и признания за русским народом всех дарованных прав и свобод.

Не желая напрасного кровопролития и получив исполнение своих требований, Наливайко заключил мир и, вернувшись на Украину, принялся за приведение в порядок разоренной страны. Но польское правительство, принужденное силой к уступкам, было далеко от мысли считать спор оконченным и, затаив на время свою злобу, только ожидало удобного случая снова отнять у народа дарованные королем права. А пока оно все-таки выместило свою злобу на вождях народных. В том же году на Общий Сейм поехали и депутаты казацкого войска — полковник Лобода, судья Мазепа и сотник Кизим. С ними поехал в Варшаву и сам герой народного восстания, гетман Наливайко, чтобы лично засвидетельствовать королю свою верноподданническую покорность. Но, несмотря на обещание короля, не-

смотря на торжественно данную амнистию, все четверо были немедленно же по приезде заключены в тюрьму, а через три дня преданы ужасной, небывалой еще до того по своей жестокости казни: Наливайку с товарищами посадили в медного быка и сожгли на площади на медленном огне...

И это зверство прошло безнаказанно. Не всколыхнулись народные массы, не загорались сердца русские жаждой мести за мученическую гибель борцов за народную свободу: дарованные права и преимущества пока еще признавались польскими властями, и народ чувствовал себя спокойно.

Впрочем, недолго.

Мало-помалу опять все повернулось по-старому: вновь захватили поляки всю Украину в свои руки, начались снова прежние притеснения и жестокости. По всей Украине расположились польские войска, грабя и избивая жителей, насилуя женщин и даже детей. Паны-помещики, в возмещение понесенных во время восстания убытков, увеличили свои поборы и, опираясь на силу польских отрядов, стали все имущество сельчан признавать своей собственностью. Недовольные таким беззаконием предавались пыткам, истязанию и смертной казни. Католические ксендзы ездили в повозках, запряженных людьми, по двадцати и более человек в цуг.

А всего горше было русскому народу издевательство над верой православной, превосходившее всякие границы. «Церкви несоглашавшихся на унию прихожан», говорит современный летописец, «отданы жидам в аренду, и положена в оных за каждую отправку денежная плата от одного до пяти талеров, а за крещение младенцев и за похороны мертвых от одного до пяти золотых. При всякой гробе христианской итти к жиду, торжиться с ним

и по важности отправки заплатить за нее и выпросить ключи, а жид при том, насмеявшись довольно богослужению христианскому и перехуливши все христианами чинимое, называя его языческим, или “гойским”, приказывал ктитору возвращать ему ключи с клятвою, что ничего в запас не отправлено». Святые Пасхи были обложены податью, и откупщики-евреи, собирая подать, клали на пасхах углем или мелом свои заметки.

Наконец терпение народное стало истощаться, и опять начинаются народные восстания. Один за другим поднимаются, по примеру Наливайки, казацкие вожди и подобно ему же гибнут мучительной смертью от рук польского правительства.

В 1628 году гетман Тарас Трясило¹, собрав под знамя восстания более 30 000 казаков, засел с ними в укрепленном стане между Трубежом и Альтою, близ Переяслава. Огромное польское войско окружило его, но казаки, напав на поляков неожиданно ночью, нанесли им ужасное поражение: часть вырезали и потоптали, а часть перетопили в реке. Надолго врезалась ляхам в память кровавая «Тарасова ночь», весть о которой объяла пожаром восстания всю Украину. Поляки, униаты и евреи арендаторы были беспощадно перебиты по всей Малороссии, и вздохнул свободно русский народ, хотя, впрочем, не надолго. Вскоре опять начались притеснения. Восставший в 1633 году гетман Сулима был четвертован. Вслед за ним, в 1637—1638 годах поднимает знамя восстания гетман Павлюк, но захваченный изменнически в плен, в страшных муках умирает в Варшаве: с него живого содрали кожу и, набив ее гречневой половой (мякиной), выставили на страх другим в Чигирин. В Нежине,

¹ Послуживший прототипом для известного всякому Гоголевского героя Тараса Бульбы.

Умани, Батуристине и Черкасах на кольях были выставлены головы его ближайших сподвижников.

Но чем свирепее была жестокость польского правительства, тем больше закалялся русский народ в борьбе за свободу. Все чаще и чаще вспыхивают восстания. В 1638 году поднимаются Острианыця и Гуня. На берегах реки Старицы Острианыця наголову разбил польское войско, положив более 11 000 поляков мертвыми. Поляки просят мира, но по заключении его опять хватают вождей казацких и казнят их в Варшаве. На этот раз казнь превосходит всякие вероятия. Гетман Острианыця с четырьмя полковниками колесован. Пять полковников пронизаны железными копьями и повешены за них живыми на столбах. Семь есаулов и пять сотников прибиты гвоздями к осмоленным доскам и сожжены медленным огнем. Семь хорунжих растерзаны железными крючьями. Девять старшин четвертованы. Женам казнимых обрезаны груди, и палачи били окровавленными сосцами по лицам живых еще мужей. Детей их тут же, на глазах отцов, жгли на углях и варили в котлах.

Все эти жестокости привели, наконец, к тому, что в 1647 году вся до последнего человека встала Украина. И когда поднялись все, как один, то уж никакая сила не могла удержать народные массы. Вождем восстания выступил на этот раз полковник Богдан Хмельницкий, которому Бог судил окончить великое дело освобождения своего народа, начатое еще за полвека до того гетманом Наливайко. С переменным счастьем, почти в течение восьми лет, воюет Хмельницкий с Польшей. То разбивает он поляков (в 1648 г. — при Желтых Водах, под Корсуном, под Пилявцами; в 1649 г. — под Зборовым; в 1650 г. — близ Житомира и т.д.), то сам терпит крупные неудачи (1651 г. — под Берестечком и др.). И в зависимости от хода войны, то вновь признаются

королем Польским все права и свободы русского народа, то опять так же вероломно нарушаются все клятвы и обещания.

В конце концов, Украина пришла к убеждению, что единственный для нее правильный выход — отделиться раз навсегда от Польши и присоединиться к единокровной и единой верной Московской Руси. Мысль эта была далеко не нова. Еще в 1557 году предлагали Запорожцы свою службу Московскому Царю, а в 1625 году малорусское духовенство прямо обращалось к царю Михаилу Федоровичу с просьбой принять под свою защиту многострадальную Киевскую Русь. Но видела Москва, что придется из-за Малороссии вести тяжелую (и, быть может, непосильную) борьбу с Польшей, и поэтому предложения эти были, хотя и скрепя сердце, отклонены.

Хмельницкий еще в 1649 году просил у Царя покровительства, но безуспешно. Спустя два года после неудачи под Берестечком, он вновь повторяет свою просьбу о защите. Еще более настоятельными становятся эти просьбы в следующем, 1652 году. Тогда Царь решает посоветоваться о таком важном деле с представителями всей земли Русской, и созванный им в Москве в 1653 году Земский Собор приходит к убеждению, что нельзя более оставлять Малороссию на краю гибели и необходимо протянуть ей руку помощи.

Получив известие о таком постановлении Собора, Хмельницкий назначает для окончательного решения вопроса общую «раду» в Переяславле, и здесь 8 января 1654 года Божиею милостью и волею всего казачества и всего народа Малорусского совершился величайший в истории России акт воссоединения разделенных в течение почти трех веков двух половин единой великой и отныне неделимой России.

VI. Историческое значение казачества. Деятельность казаков в лихолетья

Смутное время. Участие казаков в прекращении смуты и в избрании первого Государя из Дома Романовых. Нашествие французов в 1812 году. Смуты недавнего времени

Словно гранитный утес непоколебимо и твердо стояло казачество, принимая на свою богатырскую грудь все случайности и невзгоды борьбы с врагами России на всех далеких и близких окраинах широкого Русского царства. Однако служба казачья не ограничивалась защитой отечества от внешней грозы. Приходилось Русскому государству переживать и такие тяжелые времена, когда наряду с внешней опасностью встала более грозная — внутренняя, когда борьба партий за власть и междоусобная вражда доходили до такой степени, что государство, казалось, стояло уже на краю окончательной гибели, на пороге полного распада и смерти. И в эти трудные дни казачество обнаруживало во всю широту свою скрытую мощь, свою беззаветную преданность отечеству и свою готовность сознательно приносить частные интересы в жертву общей пользе: дружно и смело вставало оно, как один человек, на защиту целостности, свободы и чести государства и спасало его от конечной гибели.

Ровно триста лет тому назад отечество наше раздиралось Великой Смутой. Прекратился царствовавший до того времени род Рюриковичей, престол русский попал в руки случайного человека — полутатарина Бориса Годунова, не пользовавшегося любовью народной, несмотря ни на свой ум, ни на свою готовность послужить пользе государственной. И когда против Годунова поднялся из Польши неведомый никому человек, назвавший себя Димитрием, сыном царя Ивана Грозного, то все Русское

государство — духовенство, бояре, воеводы, служилые люди и простой народ — не замедлили изменить своему же избраннику царю Борису и сыну его Феодору и предали на сторону самозванца, которому вскоре также изменили, самого его убили, а царем поставили боярина Василия Шуйского. Но недолго и этот просидел на расшатавшемся престоле, и был в свою очередь свергнут.

И тогда началось на Руси междуцарствие (1610—1613). Во всех концах государства появились чуть ли не десятки самозванцев, называвших себя царями и царевичами русскими. Каждый из них тянул в свою сторону, и метались люди русские из одного стана в другой, не зная, за кого же стоять, кто «истинный государь», а кто «прямой вор». В искании собственных выгод, боярство московское дошло даже до того, что предложило русский Трон иноземцу-католику, польскому королевичу Владиславу.

Вот тут-то и выступили казаки, поставив себе задачей не допустить отечество до такой беды, чтобы стал царем иноземец. По всей земле русской народное брожение дошло до крайней степени. Поляки были заперты в Московском Кремле, и стали к Москве стекаться со всех сторон отряды добровольцев — патриотов, готовых сложить свои головы за Родину и ценой своей жизни освободить отечество от грозящего ему чужеземного ига.

Однако и в этом случае все та же несчастная самоубийственная борьба за власть чуть было не погубила всего дела в самом начале: между предводителем дворянского ополчения — рязанцем Прокопием Ляпуновым и казацкого — князем Трубецким пошла вражда из-за первенства, дошедшая до того, что Ляпунов был убит казаками. Готово было уже рухнуть великое дело спасения отечества, но к счастью в это самое время в Нижнем Новгороде возникло сильное народное движение, начало

которому и дальнейшее направление дал известный Козьма Минин, сумевший настолько возбудить патриотизм своих сограждан, что в короткое время собрана была огромная казна и набрано ополчение, и вскоре под Москвой собралось руководимое воеводой кн. Пожарским сильное войско, готовое на решительную борьбу с поляками.

И было в пору, так как шел уже на помощь к запертым в Кремле полякам гетман польский Ходкевич с большими силами. Но воевода князь Пожарский преградил Ходкевичу путь и вступил с ним в битву, которая чуть было не окончилась поражением русских, благодаря тому, что завистливый и честолюбивый князь Трубецкой, начальствовавший казацким ополчением, не хотел оказать помощи Пожарскому. Однако в решительную минуту сражения, когда дальнейшее промедление грозило повлечь за собою разгром русского войска, казацкие атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов, невзирая на запрещение князя Трубецкого, сами вмешались в дело и кинулись на поддержку Пожарскому со своими казаками, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому Государству и ратным людям пагуба становится!»... Эта поддержка, оказанная вовремя и умело, придала решительный перевес русским, — поляки были разбиты и оттеснены от Москвы.

Первый успех сразу ободрил русских и наполнил их сердца уверенностью в благополучном исходе начатого дела. И действительно, вскоре все государство Московское было очищено от поляков, после чего можно было приступить к приведению в порядок внутренних дел.

Казаки и здесь шли впереди, указывая верный путь к выходу из бедственного положения. Они еще ранее, рассылая из-под Москвы грамоты в разные города русские с

просьбой идти к ним на помощь для борьбы с поляками, указывали на то, что для спасения отечества необходимо положить конец безначалию и выбрать всей землей нового царя. И вот в освобожденной Москве собирается Земский Собор для избрания царя. Прежде всего был поставлен вопрос, выбрать ли русского или из соседних царствующих фамилий и решено было «Литовского и Шведского короля, и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государства не избирать». Стали выбирать из своих. Охотников занять престол набралось немало, — и начались козни, дразги, смуты и волнения. Каждый тянул за своего и не хотел уступить другому. Наконец, казачий голос решил дело в пользу малоизвестного Михаила Феодоровича, молодого внука боярина Никиты Романовича Юрьева-Захарьина, бывшего еще при Иоанне Грозном наказным атаманом всех городовых казаков и начальником «польской украины» (см. выше гл. II), — одним из Донских атаманов было подано Земскому Собору письменное казачье мнение. «О природном царе Михаиле Феодоровиче». К этому мнению присоединились и прочие выборные, и 21 февраля 1613 года предложенный казаками кандидат¹ был волею Божиею и голосом народа русского провозглашен царем Московским, и престол был вручен донине благополучно царствующему Дому Романовых.

Современниками ясно сознавалось огромное значение казачьей службы в Смутное Время, и вот какую оценку этой службы дают Царь, Земский Собор и высшее Рос-

¹ Что именно казаки поддержали кандидатуру Михаила Феодоровича, видно еще из того, что отцу новоизбранного Царя, Филарету Никитичу, бывшему в то время в польском плену, поляки открыто говорили: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки Донцы»...

сийское духовенство в грамотах своих, посланных к атаманам и казакам на Дон, на Волгу, на Яик и на Терек¹: «И вы, атаманы и казаки, помня Бога и истинную нашу христианскую веру... пришли под царствующий град Москву и, будучи под Москвою долгое время, к великому Российскому государству многую свою службу и радение показали; с Польскими и Литовскими людьми бились, не щадя голов своих, и многие ваша братья, атаманы и казаки, за истинную нашу православную христианскую веру и за всех православных христиан на многих боях побиты и ранены. И по милости Божией, а вашею атаманскою и казачьего к великим Российским государствам прямою многою службою, и раденьем и кровью, и дородством, и крепостью, и правдою, Московское государство от Польских и от Литовских людей очистилось, от их злого пленения учинилось свободно... И ваша братья, атаманы и казаки, которые с теми государевыми бояры и воеводами, многую свою службу к великому Государю нашему и ко всему Российскому государству показали: города: Можаяск, и Вязьму, и Дорогобуж, и Белую, и Путивль, и Чернигов, и иные многие города от Польских и Литовских людей очистили, а от Немецкие уkraine, Тихвин монастырь и иные многие Ноугородские пригороды очистили и под царскую высокую руку привели попрежнему; и Литовскую землю ныне воюют, многие города и строжки в Литовской земле поймали; и недружбу им и их многие неправды мстят; да и ваше, атаманов и казаков и всего вашего Великого Войска, которые ныне на Дону, и на Волге, и на Тереке, и на Яике, Великому Государю нашему многая служба и раденье объявилось; и к Великому Государю писали свою службу и раденье, что они хотят Великому Государю нашему

¹ Дон. Дела, том I, стр. 91—94, 161, 165, 166, 173.

служить прямым своим сердечным желательным радением до кончины живота своего и к воровству ни к какому приставать не хотят... А вы б, атаманы и казаки, по своему истинному обещанию, службу свою и раденье к Великому Государю нашему и ко всему Государству Московскому совершали, на тех воров вместе стояли. А Великий Государь наш, его Царское Величество, за вашу истинную к Богу веру и правду, и к нему, Великому Государю, за службу и за раденье учнет вас держати в своем милостивом царском жалованье и в призренье свыше прежних великих Государей... А от всемогущего Бога Творца и Создателя и от Пречистые его Богоматери, крепкие надежи и заступницы, и великих чудотворцев, просиявших в нашем Российском царствии здесь и в будущий век милость; а от всего Московского государства и от окрестных государств честь и хвалу в том на веки получите. И в его царском жалованье и в милостивом призренье будете на веки неподвижны».

Прошло два века, в течение которых казаки окончательно вошли в состав вооруженных сил государства. Борьба Петра Великого со Швецией, Полтавский бой, Азовские походы, войны с отдаленной Персией, с Крымом и Турцией, создавая славу казачеству, укрепляли мощь России. Но в начале XIX века снова отечеству нашему пришлось перенести тяжелое испытание, — в 1812 году французский император Наполеон I Бонапарт с полумиллионной армией, составленной из всех народов Европы («дванадесяти языков»), вступил в пределы России, оттеснил русскую армию в глубь страны и после жестокой и кровопролитной Бородинской битвы занял первопрестольную столицу русскую — Москву. И снова единодушно поднялся народ русский, тысячи казаков, как и прежде, явились под Москву биться с врагом и опять «атаманскою и казачьею прямою службою, и ра-

дением, и кровию, и дородством и правдою великою Российское государство от дванадесяти языков очистилось и от злого их пленения учинилось свободно».

Как орлы на лакомую добычу, кинулись казаки на вражескую армию, неустанно терзали и гнали ее при отступлении из Москвы, в преследовании своем дошли до самого Парижа, столицы Франции, и разнесли громкую славу непобедимого русского оружия по всей Европе. Об успехах лихих казацких вождей («вихря-атамана» Платова и др.) Кутузов доносил Государю так: «Велик Бог, Всемилостивейший Государь, припадая к стопам Вашего Императорского Величества, поздравляю Вас с новою победою. Казаки делают чудеса, — бьют на артиллерию и пехотные колонны. Все французы в плен забираемые, неотступно просят о принятии их в русскую службу. Даже вчера италийской гвардии 15 офицеров приступили с той же просьбой. Они говорят, что нет выше чести, как носить русский мундир»¹...

Французский генерал Де-Брак, один из лучших кавалерийских офицеров армии Наполеона I, дает в своей книге «Аванпосты легкой кавалерии», изданной в 1831 году, самые лестные отзывы о боевых качествах казаков. «Казаки», говорит он², «лучшая легкая кавалерия в Европе, вполне достигшая цели своего назначения (которое должно было бы быть назначением всякой легкой кавалерии). Им свойственны инстинкты волка и лисицы; они привычны к войне и отличаются крепостью тела, а лошади их чрезвычайно выносливы...»

«Если казаки разделяются при отступлении тем больше, чем продолжительнее ваши атаки, то не думайте, что

¹ Михайловский-Данилевский. Описание отечественной войны 1812 года. С-Пб. 1843 г. ч. III, стр. 383.

² Де-Брак. Аванпосты легкой кавалерии. Воспоминания. Пер. с фран. С. Домогацкого. Стр. 200—202, 480—482.

они потеряли уверенность и оробели. Нет, это способ их отступления, способ чрезвычайно опасный для преследующего их неприятеля, которому часто приходится раскаяться в своей смелости. Если же, напротив, другие европейские войска нескоро собираются при отступлении, то это верный признак их деморализации; тогда нужно сильно насесть на них»...

«Упомянув о казаках, я указал вам на них, как на совершенный образец. Я снова подтверждаю то, что мною было сказано об этом. Некоторые офицеры, не участвовавшие в войне или участвовавшие в ней не на аванпостах, считают своей обязанностью презрительно отзываться об этой кавалерии; не верьте им! Несправедливость к своему противнику есть всегда дурная и ложная политика, и лучший способ для обогащения себя боевыми средствами заключается не в злословии, а в наблюдении. Спросите мнение, составленное о казаках нашими знаменитостями, каковы маршалы: Сульт, Жерар, Клозель, Мезон; генералы: Моран, Лаллеман, Пажоль, Кольбер, Корбино, Ламарк, Преваль; спросите наших неустрашимых командиров: д'Омениля, Фарина и др., одним словом, спросите всякого настоящего боевого офицера, и они скажут вам, что легкие кавалеристы, которые, подобно казакам, окружают армию бдительной и непроницаемой сетью и, защищая ее, вместе с тем утомляют неприятеля, постоянно наносят удары и лишь редко подвергаются им, прекрасно и вполне удовлетворяют назначению какой бы то ни было легкой кавалерии».

«Вы прочтете в записках Ла-Валета: «Казаки были оружием, которое делало войну чрезвычайно опасной, в особенности для офицеров, назначенных для рекогносцировки. Многие из них и преимущественно офицеры генерального штаба, избранные начальником штаба, предпочитали доставлять свои рапорты, основывая их

на показаниях крестьян, чем подвергаться в дали нападениям казаков. Таким образом Император уже не мог знать истины».

«И так, вы видите офицеров, не смеющих даже во Франции отойти на расстояние. Вы видите, что гений Императора парализуется деятельностью казаков. Разве этот факт ничего не значит!»

Генерал Моран в свою очередь говорит про них следующее: «Но эти конные народы не знают ни правильных подразделений на части, ни равнения, не знают вообще столь высоко ценимого порядка и стройности; они ездят обыкновенно прижав колени к лошади, а ногами упираются на широкие стремяна, служащие им опорой при употреблении в дело оружия, так что они могут наклонять свой корпус вперед для нанесения удара и отшатываться для избежания последнего. Лошади их, приезжанные таким образом, что могут с места в карьер и сразу останавливаться в карьере, усугубляют их ловкость и как бы составляют с ними одно целое. Люди эти постоянно бодрствуют, двигаются с замечательной быстротой, имеют весьма ограниченные потребности, а в умах их зарождаются одни лишь воинственные мысли»...

«Движение французской армии было замедлено казаками, — отрезав ее от всякой помощи, они беспрестанно с остервенением нападали на ее фланги, подобно рассвирепевшим пчелам, бесчисленные уколы которых замучивают и обессиливают льва».

«Какое чудное зрелище представляла эта европейская кавалерия, раскинувшая свои линии на берегах Немана, блестящая сталью и золотом на солнечных лучах июньского дня и сияющая пылом и храбростью. Какое горькое воспоминание оставили по себе те бесполезные, истощившие ее маневрирования, которые она употребляла против казаков, прежде презираемых, но

сделавших для спасения России более, чем все армии этой Империи; ежедневно показывались они на горизонте, растянув свою линию на громадном пространстве, а их ловкие наездники смело подъезжали чуть не к самым нашим шеренгам: мы строились, шли на эту линию, но когда совсем уже подходили к ней, она исчезала и на горизонте снова виднелись одни березы да сосны; но час спустя, когда лошадям был задан корм, атака начиналась снова, — черная линия их опять появлялась, и снова повторялись те же маневры, приводившие к тем же результатам. И таким образом самая лучшая, самая храбрая кавалерия была замучена и изнурена людьми, которых они считали недостойными для себя противниками, но которые между тем одни могли спасти государство, нашедшее в них истинную опору и единственных освободителей. К довершению нашего огорчения надо прибавить, что наша кавалерия была многочисленнее казаков; что она была поддержана самой легкой и доблестной артиллерией, составлявшей ужаснейшее из когда-либо существовавших орудий смерти; кроме того, следует заметить, что ее начальник, образец храбрости, поддерживал каждое свое движение самой неустрашимой пехотой. И несмотря на это, казаки возвратились покрытые славой, с богатой добычей на плодородные берега Дона, между тем как поля России были усеяны трупами и оружием наших воинов, столь доблестных, неустрашимых и столь преданных славе нашего отечества: вот в чем заключается тайна побед Чингис-Хана»...

Таким образом, по признанию самого противника нашего, казачество в 1812 году явилось вновь спасителем отечества от конечной гибели.

Наконец, и в недавние смутные годы, когда расшаталась и ослабела в России государственная власть, когда

опять потерявшие голову русские люди не знали, за что стоять, кому служить и чему верить, по-прежнему не поколебалось казачество и не только не примкнуло к озверевшим толпам мятежников, но все, как один, самоотверженно стали казаки на защиту законности и порядка и по всему лицу Земли Русской мужественно и твердо исполняли свой тяжелый долг службы и присяги, не требуя наград за веру и верность свою и не страшась ни пуль, ни кинжалов, ни бомб.

Много пришлось казакам перенести и вытерпеть от обезумевших врагов порядка. Немало клеветы и оскорблений пало на казачьи головы, но и это не поколебало твердости духа казаков, всегда и везде готовых служить пользе отечества до самозабвения, до последней капли крови стоять за целость, силу и честь единой неделимой России и быть крепким оплотом, надежной опорой Царского Трона.....

VII. Казачьи войска

Из бывших вольных: Донское, Уральское, Терское, Кубанское. Из бывших городовых: Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское

В предыдущих главах мы видели, что казачество при первоначальном своем возникновении разделялось на две совершенно различные группы — вольные общины и служилое городское казачество. Но с течением времени часть городского казачества слилась с мелким поместным дворянством, с стрельцами и с иными городскими и сельскими сословиями, остальные же (за исключением Красноярских, Иркутских и

Якутских, оставшихся донине, на основах 1822 года, в гражданском ведомстве) или вошли в состав бывших вольных общин, или послужили к образованию новых казачьих войск. Таким образом, в настоящее время семья казачья состоит из 11 отдельных казачьих войск, общественный и правовой строй которых представляет собой смесь начал, лежавших в основе организации бессословного вольного и сословного городского казачества.

I. Старейшим и крупнейшим, как по своей численности, так и по историческому своему значению, является Войско Донское, возникновение которого относится к первой половине XVI века, а старшинство считается со времени первой милостивой Царской грамоты, посланной Донцам Иваном Грозным в 1570 году. Площадь войскового землевладения, количество населения, выставляемые войском боевые части и другие о войске сведения помещены в прилагаемой к сему ниже сводной статистической таблице. Донское Войско не только сохранило до настоящего времени свой первоначальный строй, но в течение своей долговечной службы Царю и Отечеству Донскому войску не раз приходилось выделять значительные массы своих сынов, отправлявшихся для заселения иных областей и для подкрепления прочих войск. С исконных времен Донское войско делится на две различные части: казаки «верховые» и «низовые», составлявшие первоначальные отдельные войсковые общины. Войсковые круги Донского Войска происходят 1 января, 6 мая, 25 мая, 30 августа и 5 октября.

II. Сохранить подобно Донскому свой первоначальный состав довелось только Войску Уральскому, переименованному в 1775 году из бывшего Яицкого, образовавшегося около середины XVI века и считающему свое

старшинство с 1591 года, когда впервые Яицкие казаки приняли участие в походе Царских войск против Шамхала Тарковского. К Уральскому Войску принадлежат и Илецкие казаки, составляющее все же отдельную от Войска земельную общину из своих станиц. Войсковой круг 8 ноября.

III. К той же середине, или даже к началу XVI века относится возникновение и Терского Войска, основание которому положили вольные казаки, поселившиеся в Терско-Сунженских горных гребнях, от которых и получили имя «Гребенских». Впоследствии к ним присоединилось войско Терское Семейное, Аграханские и Кизлярские казаки, большая часть прежнего Волжского войска, составившая Моздокский и Волжский полки, и казаки Малороссийские, образовавшие Владикавказский полк. Кроме того, Терское казачество одновременно пополнялось как русскими выходцами и переселенцами с Дона, из Малороссии и из различных губерний Центральной России, так и иноплеменниками — татарами, осетинами, грузинами. Старшинство Терскому Войску считается с 1577 года, когда Терские казаки впервые действуют под царскими знаменами. Войсковой круг 25 августа, в память взятия Шамиля на Гунибе в 1859 году.

IV. Наконец, четвертое войско, имеющее своим ядром вольную общину, — Кубанское составлено в 1860 году из бывшего Черноморского и части Кавказского Линейного войска, в котором старейшим был Хоперский полк, образованный из Новохоперских городовых казаков; по этому полку и дано старшинство Кубанскому Войску с 1696 года. Черноморские же казаки, поселенные в Кубанском краю Императрицей Екатериной Великой в 1792 году, являются прямыми потомками и наследниками славнейших из казаков — Запорожцев. Войсковые круги — 11 апреля, 6 и 25 мая, 30 августа и 5 октября.

Что касается до остальных войск, то все они образованы из городских команд и полков и по старшинству стоят в следующем порядке.

V. Оренбургское Войско, образованное в 1744 году из казаков Исетских, оставшихся со времен Ермака, и городских казаков Самарских, Уфимских и переселенных Малороссийских казаков. Войсковой круг 23 апреля.

VI. Астраханское Войско образовано в 1818 году из бывшего Астраханского полка и казачьих команд Саратова и ниже его лежащих поволжских городов. Астраханский же полк был сформирован в 1750 году из трехсотенной Астраханской городской казачьей команды, учрежденной в 1737 году в гор. Астрахани из калмыков и русских. Старшинство Астраханскому Войску дано с 1750 года. Войсковой круг 19 августа и 5 октября.

VII. Сибирское Войско было составлено в 1760 году из разбросанных на протяжении нескольких тысяч верст небольших отдельных команд городских и пограничных казаков, а впоследствии, в 1867 году, от него было отделено новое — Семиреченское Войско. Войсковой круг 6 декабря.

VIII. Забайкальское войско было образовано в 1851 году из казаков, живших в Забайкалье, с присоединением значительной части русских крестьян и инородцев: казаков 10 115 (пограничных 7543, городских 1415 и станичных 1157), крестьян 29 815, бурят 9864 и тунгуз 1667. Войсковые круги Забайкальскому Войску установлены 17 марта и 21 июня.

IX. В 1858 году часть Забайкальского Войска, расположенная по р. Амуру, получила самостоятельное устройство и составило отдельное Амурское казачье войско. Войсковой круг 17 марта.

X. В 1867 году, при образовании Туркестанского военного округа, в видах большого удобства управления,

из поселений 9 и 10 полковых округов Сибирского Войска было образовано новое казачье войско — Семиреченское. Войсковой круг 23 апреля.

XI. Самое молодое Войско Уссурийское было образовано в 1889 году из станиц Амурского Войска, лежащих по р. Уссури. Состав Уссурийского Войска был постепенно пополнен переселенцами-казаками старых Войск — Донского, Оренбургского, Кубанского, Терского и Уральского. Войсковой круг 17 марта.

Часть II

КАЗАКИ НА ТЕРЕКЕ

Твой отец был старый воин, —
Закален в бою...

I. Гребенское войско

Первые казачьи поселения на Тереке. Отношения новоселов к туземцам. Семейный и общественный быт Гребенцов. Первые труды и подвиги. Переход Гребенцов на левый берег Терека. Дальнейшая судьба Гребенского Войска

Первым слоем казачества на Тереке явились Гребенцы, появление которых на Северном Кавказе надо отнести к середине или даже, быть может, к первой половине XVI века.

Откуда и как попали они на Кавказ — вопрос, и до сих пор недостаточно выясненный. Одни полагают, что Гребенцы являются отпрыском Донского казачества, другие видят в них остатки вольного казачества Рязанской укайны, проживавшего в волости Червленного Яра и покинувшего свои насиженные места в пору окончательного присоединения Рязанского княжества к Москве (1520). Особенности гребенского казачьего говора, рез-

ко отличающая Гребенцов от остальной части Терского казачества, дают возможность с полной уверенностью отрицать какую бы то ни было ближайшую кровную связь их с Донцами и, наоборот, указывают на близость к казакам Уральским (до конца XVIII века называвшимся Яицкими). Поэтому более вероятным приходится признавать старинное предание Гребенцов, по которому они составляют смесь рязанских казаков Червленого Яра с новгородскими «ушкуйниками», — вольными удальцами новгородцами, рыскавшими в целях охоты, торговли и, при случае, грабежа по рекам Земли Русской от Белого моря, где они били белых медведей («ушкуев»), до синя моря до Хвалынского (Каспийское), где громили «кизильбашексие бусы-галеры» (персидские торговые и военные суда).

Не желавшая подчиниться Москве казачья ватага выступила в поиски новых мест поселения весной 1520 года, прошла Доном к «переволоке» на Волгу, по которой спустилась в Каспий, и оттуда вошла в Терек, на берегах которого и осела в полутораста верстах от его низовья. Мимо Астрахани казаки могли пройти или мирно, пользуясь тем обстоятельством, что русские торговые люди в те времена были частыми дорогими гостями и в Астрахани, и в Кизильбашах, и даже в далекой Бухаре, а может быть не утерпели казаки и потешились своим молодечеством, мимоходом захватив в свои руки столицу Астраханского царства по-казацки — «изгоном» (налетом). Хотя в русских летописях и не упоминается о таком происшествии, однако оно имеет за собою большую вероятность, если вспомнить, что еще до взятия Казани, около 1550 года, Султан Турецкий писал к ногайцам о том, как «казаки Астрахань взяли, оба берега Волги воюют».

Точного места, где поставили свои городки первые Гребенцы, в настоящее время указать нельзя. Известно

только, что в 1628 году иностранцы минералоги Фрич и Геральд, посланные Московским правительством на поиски серебряной и медной руды в горах Кавказа, нашли гребенские городки в горах выше «кабаков» (селений) Илдара и Келмамета, сыновей Ибака-мурзы, и советовали поставить царский острог на р. Сунже для связи между Гребенцами и царским городом Терками (см. ниже); что в 1651 году воевода Терский писал в Москву, что в полутораста верстах от Терок, в казачьих гребенских городах виноградного кустья добре много; что в 1668 году донские атаманы Алешка Протокин и Алешка Каторжный, явившись к Гребенцам с предложением принять участие в замыслах Стеньки Разина, располагаются станом против гребенских городков, у Калиновых Лук, на Тереке и что, как сообщает генерал Ригельман, писавший в XVIII веке историю Донского Войска, «первоначальное убежище казаков было в урочищах Голого Гребня, в ущелье Павловом при гребне и в ущелье Кашлаковском и при Пименовом Дубе». Сопоставляя эти данные и освещая их устными преданиями Гребенцов, можно с уверенностью говорить о том, что Гребенцы, прибыв на Терек, заняли своими поселениями гребень Терского хребта между Терekom и нижней Сунжей, от которого и получили свое прозвание «Гребенских».

В те времена на Терской равнине господствовали только кабардинцы и кумыки, образывавшие мелкие княжества и владения, из которых было более значительным Шамхальство Тарковское, лежавшее в северной части Дагестанского побережья, в окрестностях нынешнего Петровска. В дремучих лесах, покрывавших тогда чеченскую равнину, кое-где были раскинута редкие хутора чеченцев, бывших в ту пору миролюбивым пастушеским народом, страдавшим от кумыков и кабардинцев. Большинство чеченцев, ингуши и осетины были

оттиснуты еще татарами в глубину горных ущелий, из которых стали показываться лишь с начала XVIII века.

Обстоятельства складывались на Тереке таким образом, что Гребенцам пришлось занять пустопорожние места, очищенные от населения еще кочевниками-татарами, а потому с первых же дней между Гребенцами и ближайшими их соседями установились самые добрососедские отношения. Гребенцы куначились и с кабардинцами и с чеченцами, причем от последних часто брали себе жен, а от первых, бывших в то время законодателями мод на Северном Кавказе, переняли конское снаряжение, холодное оружие и одежду; что же касается до огнестрельного оружия («огненного боя»), то Гребенцы принесли его с собой из Руси, чем сразу завоевали себе почетное положение среди народцев Северного Кавказа, не имевших еще иного кроме «лучного боя». Мирные отношения с соседями привели к тому, что в то время, как на Дону даже в 1690 году занятие земледелием среди казаков каралось смертной казнью, на Тереке, в Гребнях, на первых же порах наряду с охотой и рыболовством развивается в широких размерах скотоводство, хлебопашество, шелководство, пчеловодство, садоводство, виноградарство и виноделие, о котором в 1651 году воевода Терский пишет, что Гребенцы приготавливают «виноградное питье», которое продают в Терках и «про себя держат». Чапурка «родительского» с первых лет существования и доньне скрашивает досуг гребенца и сопутствует ему во всех более или менее значительных случаях жизни: проводы и встречи, родины, крестины, свадьба и похороны, удача в делах... Кстати здесь будет только сказать в укор современникам, что в то время, как в старину Гребенцы в будни, в рабочие дни за позор считали обмочить усы в «родительском», а безусым и безбородым запрет был и в праздники, памятуя мудрое изре-

чение: «вино есть млеко старцам, а юности огонь поядай», теперь пьют «почем зря» и старый и малый, и в будни и в праздник, и гибнет год от году гребенское хозяйство, здоровье и сила.

Впрочем, занятие хозяйством не мешало Гребенцам и пользоваться выгодами своего стратегического (военного) положения. Поселившись на бойком месте, на большой Черкасской дороге, по которой тянулись из одного конца в другой из Крыма и Азова чрез Куму в Терки, Дербент и Баку и обратно товары европейские, турецкие, персидские, бухарские, индийские, и пользуясь тем, что Терек и Сунжа были в то время гораздо многоводнее, чем ныне, почему «перелазы» (броды) через них были только в некоторых местах, известных казакам, Гребенцы залегали на бродах и собирали с проезжих купцов «дани-выходы», находя в таких занятиях выход удали своей молодецкой и добывая цветные шелка, золото и серебро для подруги тревожной своей жизни — гребенички, сохранившей и доньне, наряду с редким трудолюбием и домовитостью, неудержимую склонность к нарядам и украшениям в виде ожерелий с «припойками» (монетами с припаянными ушками), дорогих поясов, блях, застежек, ярких шелковых бешметов, составляющих неизменную принадлежность одежды гребенской женщины.

Турция и Персия с первым появлением на Тереке казаков не дают Москве покоя своими вечными жалобами на то, что они Черкасскую дорогу затворили, по перелазам лежат, с купцов оброки берут великие, а иных и грабят и до смерти убивают, чем торговлю подрывают вконец. Но у Москвы был на это готовый ответ: «Сами знаете, что на Тереке и на Дону живут воры, беглые люди, без ведома Государева, не слушают они никого, и нам до казаков какое дело».

Общественное устройство Гребенского Войска было тождественно с устройством и прочих вольных Войск: тот же Войсковой Круг, выбиравший полновластного Войскового Атамана, Есаула и Писаря и прочую старшину: войскового знаменщика, станичных атаманов, есаулов, сотников, пятидесятников и иных; то же равенство всех и каждого.

Домашний уклад быта и характер гребенца и доньне сохранил на себе отпечаток любопытного соединения чисто русских основ с основами азиатскими: русский рубленый курень и азиатская мазанка — «избушка»; старинные медные складни в киоте в переднем углу и по стенам оружие и конская сбруя; замкнутость старообрядческого религиозного мирозерцания и постоянное якшание с иноверцами — «азиятами»; сусек для засыпки хлеба и сапетка (плетеная корзина. — *Примеч. ред.*) для хранения «початки»; широкий размах русского гулливого трепака и скромная, полная грациозности и плавности движений лезгинка; мужественная стойкость в пешем бою, несмотря ни на какие потери, и лихое наездничество и безумная отвага рукопашного конного боя «по-кавказски», — все это невероятное смешение выработало из гребенца тип хозяина-воина редких качеств, всегда выделявших его из общей массы даже в среде таких войск испытанной отваги и удали, каковыми были всегда войска Кавказской армии. Граф Гудович во всеподданнейшем донесении Императрице Екатерине Великой от 7 ноября 1791 года о Гребенцах писал: «Гребенские казаки отменно храбрые, хорошо стрелять умеющие и для здешнего горного края полезны; можно оных почесть конными егерями. Они и в прошедший поход под Анапой (1788) везде себя особливо отличили».

Благодаря таким высоким боевым качествам, Гребенские казаки чрезвычайно ценились военными началь-

никами края и нарасхват разбирались хотя бы малыми частями по различным отрядам в командировки. Поэтому совершенно справедливо будет сказать, вместе с ротмистром графом Стенбоком (в донесении Наказному Атаману Верзилину от 3 марта 1835 г.), что «история походов на левом фланге Кавказской линии есть и история походов Гребенских казаков, находившихся всегда частями в составе всех действующих отрядов». Действительно, три века неустанно лили Гребенцы и свою кровь и вражью в беспрерывных боях и стычках в горах и дебрях Кавказа, начиная с походов Хворостина (1594), Бутурлина и Плещеева (1604) и кончая походами против Шамиля и взятием его в Гунибе в 1859 г.

В начале XVIII века бывшие дотоле мирными отношения между Гребенцами и чеченцами вконец испортились, благодаря двум причинам: с одной стороны, в среду чеченцев проникло мусульманство и турецкое влияние, враждебное русским, а с другой — чеченцам пришлось испытать крайне разорительное нашествие степняков калмыков, которые пользовались поддержкой русских властей. Возникшие к этому времени мелкие хищничества со стороны чеченцев принудили русское правительство озаботиться укреплением граничной с Предкавказьем линии вдоль р. Терека, почему генерал Апраксин предложил в 1711 году Гребенцам перейти на левый берег Терека, что Гребенцы и сделали, надеясь быть в большей безопасности от хищников. Надеждам их не суждено было оправдаться, а между тем Гребенцы лишились привольных и плодородных юртов своих по правому берегу, остававшихся до начала XIX века в их пользовании, а затем переданных русским правительством «мирным» чеченцам.

В 1819 году генерал Ермолов уничтожил остатки самоуправления Войска, подчинив его хозяйственный

быт назначаемым военным начальникам; в 1832 году Войско было переименовано в Гребенской казачий полк, вошедший сначала в состав Кавказского Линейного войска, а затем с 1861 года в состав Терского Казачьего войска.

II. Низовые Терские казаки (Войска Терское, Терское Семейное и Кизлярское)

Возникновение Терского Войска. Царские города на Тереке. Борьба с Дагестаном и Персией. Донские раскольники на Куме и Аграхани. Аграханское Войско. Построение Кизляра и дальнейшая судьба низового Терского Войска

Сокрушив бывшее могущество Золотой Орды, Москва явилась в глазах всего ближнего Востока естественной наследницей всех татарских владений. Прошло с небольшим полвека со времени освобождения Москвы от татарского ига (1480), как уже все необъятное степное пространство почувствовало над собой властную руку Московского Царя. После упорной борьбы пала в 1552 году Казань, за ней вскоре подчинилась Москве и Астрахань. В Ногайской орде стали ходить среди кочевников упорные толки, что «взял Государь всю Волгу до самого моря, скоро возьмет и Сарайчик; возьмет весь Яик, Шамаху, Дербент, и нам де всем от него быть взятым. Наши книги говорят, что все бусурманские государи Русскому Государю поработают». Большинство ногаев признало над собою власть Царя и принесло ему шерть (присягу), а меньшая часть (Малые Ногаи) откочевала к Манычу и Азовскому морю, где стала известна под именем Казыевых-улюсов.

Чувствуя приближение Московской власти, стали бить челом Царю и мелкие владетели Северного Кавказа. Первыми явились в ноябре 1552 года князья Жанейских и Пятигорских черкас (кабардинцев), просивших принять их в русское подданство и защитить от притязаний Крыма и Турции. В 1555 году с той же просьбой обращаются Владетель Тюменский (небольшого княжества, находившегося в болотистых низовьях Терека) и Шамхал Тарковский, возобновлявший свои просьбы еще в 1557 и в 1558 годах. В 1557 году кабардинцы принимаются в Московское подданство, часть их переходит в Москву на службу и в следующем году участвует в Ливонской войне и в походе воеводы Вишневецкого на Крым. В 1559 году уже на Тереке появляются впервые царские войска для защиты кабардинцев от кумык, и в 1560 году воевода Черемисинов с русской ратью и с кабардинцами идет в поход против Шамхала Тарковского. Женильба Царя Ивана Грозного (1561) на кабардинской княжне Марии (Гуаше) Темрюковне еще более сблизила Кабарду с Русью и дала повод Царю объявить ее вотчиною Государевою. В 1563 году в помощь царскому тестю князю Темрюку Айдаровичу посылается из Астрахани 500 стрельцов и 500 казаков, и воевода Плещеев строит в Кабарде первый полурусский-полукабардинский город на правом берегу Терека¹. В 1567—68 годах в устье реки Сунжи был построен русский военный город — Первая Терка, просуществовавшая очень недолго: в 1571 году она была оставлена русскими войсками, а чрез семь лет построена была воеводой Новосильцевым, по-

¹ Вероятно, в Нижнем Джулаге, на высоком мысу отрога Кабардинского хребта, возвышающемся над Терском против станции Котляревской, где и донныне сохранились остатки городища, с явными признаками, что на том месте стоял большой город, с укреплением на командующей над окрестностью высоте и с высокой башней.

сланным на Терек «со многими людьми и вогненным боем для ратного и городского дела», в том же устье Сунжи, но уже на новом месте, вторая Терка, которую, впрочем, постигла участь первой Терки: по настоятельным требованиям Турецкого Султана войска Царские были вновь сведены с Терека. Однако Терка не осталась пустовать, а была занята вольными казаками, пришедшими на Терек с Волги, где в то время московское правительство предприняло деятельную борьбу с увеличившимся до крайних пределов разбойничеством волжского казачества (действия стольника Мурашкина в 1577 г.). Рассеянные во все стороны волжские казаки покинули Матушку Волгу и двинулись на новые места: одни захватили ногайскую столицу Сарайчик и заняли Яик, положив начало Яицкому (ныне Уральскому) Войску, другие с Ермаком направились на завоевание Сибири, а третьи расселились в низовьях Терека, где болотистые камышовые заросли давали спокойный приют бесшабашным удальцам, искавшим свободы от государственной власти. С того же 1577 года и считается официальное старшинство Терского Казачьего Войска.

В 1588 году вновь царские войска занимают низовья Терека. Строится во владениях Тюменского князя близ моря воеводский город — третья Терка, с различными торговыми и государственными учреждениями. Первый Терский воевода Андрей Хворостинин принимает меры к развитию мирных торговых сношений с соседними народами, а для удержания края в своей власти ставит на Сунже «острог» (укрепленный сторожевой пост), занимаемый стрельцами и городовыми казаками. Вскоре ставятся также остроги на Койсу и на Акташе. Однако после славных, но тем не менее неудачных, походов на Терки воеводы Хворостинина в 1594 году и Бутурлина в 1604 году и ввиду начавшегося на Руси Смутного Време-

ни (1605—1613) все эти остроги снимаются, и дальнейшее наступление Руси в Терском крае надолго задерживается.

К началу XVII века в низовьях Терека, наряду с царскими войсками (детьми боярскими, стрельцами пешими и конными, городовыми казаками), появляется и действует многочисленная группа Вольного Терского Казачества. Несмотря на постоянные потери в жарких схватках с прикавказскими народцами и в молодецких подвигах на Каспийском море, эта понизовая Терская вольница настолько разрастается численно, что в 1606 году, не получая за свою службу царского жалования, 4000 казаков подняли восстание против Терских воевод. Сначала они предполагали пойти пограбить турецкие владения в Закавказье по реке Куре или предложить свою службу Шаху Персидскому, но потом передумали и решили пойти на Москву ставить на царский престол своего царевича Петра, роль которого поручили бродяге муромцу Илье Коровину. Четырехтысячное Терское войско прошло в Астрахань, а оттуда двинулось вверх по Волге. Бывший тогда на Московском престоле Дмитрий I Самозванец (1605—1606) пригласил «царевича» в Москву, но до прибытия Терцев сам был свергнут с престола и убит. Престол занял Василий Шуйский, против которого почти повсеместно стали подниматься народные восстания, в водовороте которых закрутились и Терские казаки со своим «царевичем». Довольно заметна была роль, которую играли в ту пору Терские казаки, — так что в условиях, на которых согласился польский царевич Владислав принять предложенный ему боярами царский престол на Москве, в статье 18 значилось: «О казаках Волжских, Донских, Яицких и Терских король должен будет держать совет с боярами и думными людьми: будут ли эти казаки надобны или нет».

Уже только в половине XVII века, и то робкими осторожными шагами, наступает вновь к югу русское правительство. В 1651 году на Сунже, между гребенскими городками и барагунскими «кабаками» вновь ставится «острог», занимаемый стрельцами и Гребенскими казаками, а около острога под его прикрытием раскидываются слободы торгового люда из кабардинцев, чеченцев, кумык и др. Однако и этот острог недолго продержался: в 1653 году осаждает острог большое скопище кумык и дагестанцев под предводительством Шамхала Тарковского и Эндерийского владельца Казан-Алипа, усиленное персидским отрядом из Дербента с двумя пушками. Несмотря на тяжелые условия, в которых оказались осажденные защитники острога, все же все приступы были ими отбиты. Отчаявшись в надежде взять острог, кумыки и дагестанцы отступили, но, воспользовавшись тем, что большинство Гребенцов находилось в осаде, они пограбили казачьи городки, чем принудили Гребенцов очистить острог и заняться укреплением своих городков. Стрельцы отошли с Сунжи в Терки, разрушив укрепление и захватив с собой пушки и огнестрельные запасы. Государем была объявлена стрельцам и Гребенцам благодарность за мужественную оборону, причем, однако, приказывалось «Сунженского острогу до Государева указу строить не велеть».

В конце XVII века (около 1680 г.) начавшиеся в России преследования раскольников привели к тому, что на Дону образовались в лесных дебрях значительные поселения раскольников. Теснимые не сочувствовавшими расколу Донцами, раскольники перешли в прикумские «Черные Леса», к устью речки Томузлова, в окрестности развалин города Маджар, когда-то в числе своего населения имевшего и христиан-русских, а затем с Кумы переместились на Аграхань, левый проток Сулака, во владе-

ния Шамхала Тарковского, который дал им приют в расчете, что они окажут ему существенную помощь в борьбе с Русскими. Предоставив им удобные места для поселений, Шамхал снабдил их конями и стругами. Раскольники стали заниматься грабежами и разбоем, как на море, так и на сухом пути. Отдавая половину награбленного Шамхалу, они ходили на добычу к Теркам, к Астрахани и даже к Дону. Однако чрез несколько лет дружной работы раскольники, наконец, рассорились с Шамхалом при дележе добычи и, теснимые кумыками, переселились на Кубань (1691), под защиту Крымского хана, и в составе крымских войск защищали Азов против Петра I в 1695 году.

А тем временем в низовье Терека вокруг большого города Терки раскинулись поселения Терских казаков. Убыль, понесенная Войском в Смутное Время, пополнилась снова выходцами с Руси, с Дона, с Кубани, черкесами, окоченскими татарами, поляками, грузинами. Находясь под управлением семьи кабардинских князей Сунчалеевых, они основались в Трехстенном городке¹ близ впадения в Каспийское море Баклаковского ерика (ерик — пересыхающее русло реки, «старица». — *Примеч. ред.*), «отправляя ревностную свою службу российскому престолу, охраняя не только усадьбу своего владения, но употреблялись и в разные заграничные походы, а в 1668 году августа 17 дня, в рассуждении бывшего от Каспийского моря тому Трехстенному городу великого потопа, по именному Высочайшему повелению и вечно достойные памяти Государя-Царя и Великого князя Алексея Михайловича, переселено войско на реку Капай, в называемый Старый город, на которой в 1707 году, пришедши Кубанский Каип-Султан со многим войском,

¹ Валы этих городов отчетливо видны и в настоящее время.

нечаянно ночным временем напав, предков сего войска побил и, пожегши форштат, многое число народа пленил; оставшееся количество оружейников, хотя и сделали знатною вылазкою своей на неприятеля нападение, а пришедшего Каип-Султана, поймав, отправили к начальству, но войском, с ним пришедшим, учиненное разорение и пожег домов сделало столь великое опустошение, что и все грамоты, в войско Всеавгустейших Государей насланные, пожжены, и за опустошением и разграблением сего города того ж года переселились предки сего войска к морю, в называемый “редут”, откуда с покойным генерал-майором князем Александром Бековичем-Черкасским, во время нахождения в походе под городом Хивою, где многие и почти все бывшие с ним лишились жизни, прочие ж оставшиеся в том городе по 1722 год, а по оным прибывший в сей город Государь Император Петр Великий повелел сему войску перейти на реку Сулак и, построив на оном крепость Святого Креста, поселиться по штату комплектного числа казаков конных 500 и 300 человек пеших, при коих начальники именовались головами, а по указу Государя Императора Петра Великого переименованы в ротмистры; а 1729 года, по случившемуся стеснению морского воздуха, заразительного поветрия, померли столь большое количество, так что многие и с названиями вовсе истребились, а в 1735 году господин генерал-аншеф и кавалер Левашев ордером предписал, в рассуждении заключенного между Российской Империей в Ганже трактата, выйти из крепости Святого Креста, зарыть оную и упразднить, а поселиться при новоучрежденном городе и крепости Кизлярской, куда ж того года войско сие и переселено».

Переселив Терское Войско на Аграхань, Петр Великий нашел его состав слишком недостаточным для обороны выдвинутой на юг новой пограничной линии. Поэтому об-

разованное в 1722 году Аграханское Войско было пополнено 1000 казачьих семей, переселенных в 1724 году с Дона, и размещено вдоль границы пятью городками. Прибывший в 1726 году на Сулакскую линию главнокомандующий Долгорукий так обрисовал деятельность Аграханских казаков в донесении к Императрице Екатерине I-й: «В русском войске есть две иностранные роты — армянская и грузинская, из которых каждая получает казенное содержание; русским же казакам не дают ничего, а между тем они служат больше и неприятелю страшнее. Я определил им также денежные выдачи, ибо, по моему мнению, лучше платить своим, нежели чужим. Правда, армяне и грузины служат изрядно, однако же казаки действуют гораздо отважнее».

После обратного переселения оборонной линии с Дагестаном с Сулака на Терек в 1735—1736 годах и постройки крепости Кизляра, Аграханское войско, значительно ослабленное не столько боями, сколько болезнями и мором 1729 года, поселено было частью в самом Кизляре под именем Войска Терского Кизлярского, а частью выше Кизляра тремя городками: Бороздинским, Дубовским и Каргалинским, образовавшими Войско Терское Семейное, которому по переходе на Терек определено было выдавать провиант не только на служилый состав, но и на семьи, не исключая и сирот, так как поселенные на неудобном к земледелию болотистом месте казаки Терские лишены были возможности иметь при местах поселения необходимое к существованию пропитание.

В 1745 году Терское Семейное Войско было соединено с Гребенским в одно, но это изменение оказалось неудачным, и через десять лет оба Войска были вновь обособлены под прежними своими наименованиями. В 1771 году на Терек явился получивший потом извест-

ность донской казак Емельян Пугачев и приписался сначала к Дубовскому, а потом к Каргалинскому городку. Весной 1772 года Терское Войско, недовольное своим атаманом Татаринцевым, «заручилось» избрать в войсковые атаманы Пугачева, но обвиненный в смуте Пугачев был схвачен и посажен в кандалах¹ в Моздокскую тюрьму, откуда бежал на Яик, где дело его пошло, как известно, далеко удачнее.

К концу XVIII века (в январе 1792 г.) в Терском Семейном Войске числилось всего 1051 человек, а в Терском Кизлярском и того меньше — 279 человек, причем те и другие занимались в ту пору земледелием и имели виноградные сады. Совместно с Гребенским Войском оба Терские Войска стояли на охране Терской линии, держали по «кордону» «пикеты» (конные посты), а в случае чрезвычайной опасности усиливали своими отрядами гарнизон Кизлярской крепости. Особенно пришлось им поработать и покрыть себя блистательною славой при обороне Кизляра в 1785 году от двенадцатитысячного скопища чеченцев, кумык и дагестанцев, руководимого Шейх-Мансуром. Перейдя 20 августа Терек ниже Кизляра, горцы разграбили сады и хутора, окружавшие Кизляр, и пять раз штурмовали крепостную ограду, но каждый раз были отбиваемы с огромным уроном. Гребенцами в этой славной обороне руководил атаман Сехин, а Терцами князь Бекович-Черкасский.

При образовании Кавказского Линейного Войска в 1832 году Терское Семейное и Терское Кизлярское Войска были переименованы в Кизлярский и Терский казачьи полки, а затем (1836) слиты в один полк, названный сначала Семейным-Кизлярским, а при издании положения о Линейном Войске, (1845) получивший имя про-

¹ Кандалы эти ныне хранятся в Терском Областном Музее.

сто Кизлярского полка. С 1870 года Кизлярцы и Гребенцы составляют один Кизлярско-Гребенский полк, старейший из полков Российской империи: он более чем на сто лет старше полков старой гвардии Петра Великого.

III. Кавказская линия

Начало Кавказской линии. Кубанское наместничество. Кабардинский вопрос. Крепости и селения по линии. Моздокский полк. Волгский и Хоперский полки. Черноморцы и Кубанцы

Передвижением Гребенских городков на левый берег Терека, постройкой Кизляра и поселением Терского Семейного Войска между Кизляром и Гребенским Войском было положено начало великой Кавказской Линии, где затем разыгралась столетняя Кавказская Война, история которой полна страниц настолько же славных, насколько и кровавых.

В то же самое время, в 1736 году, Россия вновь взяла с бою у Турции город Азов, давно уже служивший яблоком раздора между обеими империями и не раз уже переходивший из рук в руки. А между тем Азов и Терка стояли на двух противоположных концах «большой Черкасской дороги», торгового пути, соединявшего Турцию и Крым с Каспийским морем и лежащими за ним Хивой и Бухарой¹. Вместе с тем вошли в пределы государства и

¹ Еще в 1638 году Донцы в Москве показывали, что «приезжают в Азов из Астрахани и с Терки русские всякие люди с товарами и кизильбашские тезики (купцы), а товары де привозят дорогие, киндяки и сафьяны и всякую мелкую продажную рухлядь, и продают им те товары на деньги, меняют на мед и на всякую рухлядь, и на татарский ясырь (пленных), а езду де будет из Астрахани к Азову станишною ездой день с 10, а с товары недели с 2; а с Терки до Азова езду будет недели с 3». (Д. Д. I. 782).

зарубежные до той поры земли Гребенцов (после 1711 г.) и Донцов (после усмирения Булавинского бунта в 1708 г.). Теперь сама собой возникла для России необходимость овладеть Кавказским предгорьем и шедшим вдоль него торговым путем, да кстати захватить в свои руки и обширные пустопорожные земли, лежавшие между территориями обоих казачьих Войск.

А тут еще присоединилось неизбежное столкновение с населявшими Кавказское предгорье мелкими и крупными племенами, начавшими подпадать под влияние Крыма и Турции в XVII веке, к концу которого это влияние настолько упрочилось, что все Прикубанье образовало уже отдельную область, во главе которой стоял крымский сераскир, или «калга», т.е. наместник. Создание сильной власти в близком соседстве от дальней русской окраины скоро дало себя знать. Уже в 1688 году сераскир Казы-Гирей пришел с огромной крымской ратью на Терек и погромил городки Терских казаков. Через 20 лет (1707) вновь крымцы доходят до Каспия, сераскир Эштек-Каип-Султан, разгромив снова Терских казаков, сжигает и самый большой их город¹, причем погибли в пламени все старые грамоты и документы низового Терского казачества. Надо было принимать решительные меры, чтобы не потерять всего Предкавказья.

Удачные походы крымцев на Терек не только окончательно объединили многочисленные прикубанские племена черкес — адыге: натухайцев, шапсугов, бжедугов, убыхов, темиргоевцев, бесленеевцев, даховцев, махошевцев, абазинцев и др., но грозили и самым Теркам. Подчинившиеся Москве еще при Иване Грозном ка-

¹ Развалины окопов этого города и доныне видны близ станицы Александрьевской и известны под именем Гюйген-Кала, что значит по-татарски «сожженная крепость».

бардинцы заговорили теперь иначе. Мусульманство сделало огромные успехи среди кабардинцев, хотя и исповедовавших до того времени частью христианство, частью язычество, но по обычаям своим не подходивших под христианский уклад быта. Действовавший в 1721 году на Кавказе Волынский писал Императору Петру Великому: «И тако вся Кабарда ныне видится под рукою Вашего Величества; токмо не знаю, будет ли им из моей медиации (медиация — посредничество в разрешении конфликта. — *Примеч. ред.*) впредь польза, понеже между ними и во-веки миру не бывать, ибо житье их самое зверское, и не токмо посторонние, но и родные друг друга за безделицу режут, и я чаю, такого удивительного дела мало бывало, или и никогда; понеже по исследовании дела не сыскался виноватый ни один, и правого никого нет; а за что первая началась ссора, то уже из памяти вышло; итак, за что дерутся и режутся, — истинно ни один не знает, только уж вошло у них то в обычай, что и переменить невозможно. Еще ж приводит их к тому нищета, понеже так нищи, что некоторые князья ко мни затем не едут, что не имеют платья, а в овчинных шубах ехать стыдно, а купить и негде и не на что, понеже у них монеты никакой нет, лучшее было богатство скот, но и то все крымцы обобрали, а ныне князей кормят уздени и всего их мерзкого житья и описать невозможно; только одно могу похвалить, что все такие воины, каких в здешних странах не обретається, ибо что татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двухсот».

Но тем не менее уже в следующем году Император, начиная персидскую войну, должен был отказаться от мысли иметь влияние на кабардинцев и в договоре с Турцией признал Кабарду в 1722 году нейтральной. Впрочем, через 10 лет вновь успехи нашего оружия из-

менили положение вопроса, и снова началась деятельная работа наших посланников при турецком дворе в смысле подчинения Кабарды русскому влиянию. Особенно старался посол Нелидов, верно оценивший значение Кабарды и писавший в 1734 году, что «Кабарды уступить и этим отворить татарам в Дагестан ворота никак нельзя». И хотя по договору с Турцией, в 1739 году, обе Кабарды были объявлены нейтральными, однако немедленно же после вступления на престол Императрицы Екатерины Великой Россия возобновляет свою деятельность в Кабарде.

Еще в 1721 году царевич грузинский Вахтанг просил Волынского занять гарнизонами Грузию, для связи с которой построить русскую крепость на Тереке «между Кабарды и Гребенских казаков». И вот в 1763 году, по соглашению с Малокабардинским князем Канчокиным, на левом берегу Терека, в урочище «Мыздогу» (что значит «Дремучий Лес») было построено небольшое укрепление легкого типа (форпост). Через два года, в 1765 году, этот форпост, невзирая на усиленные просьбы кабардинцев об его уничтожении, был обращен в сильную, по тогдашним временам, крепость «Моздок».

Для усиления гарнизона крепости в 1769 году была сформирована из кабардинских выходцев Моздокская Горская казачья команда, а для связи Моздока с Кизляром была переведена на Терек с Волги половина Волгского казачьего войска. Эта половина (517 семей) образовала Моздокский казачий полк, поселившийся между Моздоком и Гребенскими городками пятью станицами: Галюгай, Ищеры, Наур, Мекени и Калиновская. Полк был, по числу станиц, пятисотенного состава и управлялся как в военном, так и в гражданском отношениях полковым командиром. В то же время для прислуги при крепостной артиллерии было переселено с Дону 100 се-

мей Донских канониров, образовавших станицу Луковскую при крепости Моздокской. Вскоре состав Моздокского полка был усилен новыми переселенцами: Донцами, Волгцами (Московской Легионной команды), крещенными калмыками, казаками Саратовской крепостной милиции, причем образована была между Моздоком и Галюгаем станица Стодеревская (1799). Устроителем полка явился старшина Волгского Войска полковник (впоследствии генерал) Савельев, по имени которого названы были сады и хутора около Мекеней, составляющие ныне станицу Савельевскую.

В 1774 году окончилась война с Турцией, и по Кучук-Кайнарджийскому миру Азов с прилегающей к нему местностью окончательно отошел к России. Назначенный генерал-губернатором Новороссии светлейший князь Г.А. Потемкин обратил свое внимание и на Кавказский край, вошедший в состав его генерал-губернаторства. Для устройства линии он прислал на Кавказ генерала И.В. Якоби, с званием Астраханского военного губернатора.

Хотя Терская Линия, заселенная мужественными и лихими Терскими, Гребенскими и Моздокскими казаками, представляла собой весьма серьезную защиту со стороны Чечни и Дагестана, однако заслоня лишь незначительную часть русской границы, она оставляла совершенно открытыми обширные пространства между Моздоком и Азовом, где свободно проходили хищные толпы закубанских черкес и татар, беспокоивших своими набегами не только Волгу и Дон, но даже и отдаленные пределы Воронежской губернии. Поэтому, по рапорту Потемкина, военная коллегия учредила по линии от Моздока к Азову 10 укреплений: Св. Екатерины, Св. Павла, Св. Марии, Св. Георгия, Св. Андрея, Св. Александра, Ставрополь, Донское, Московское и Владимир-

ское. На Дону была построена крепость Св. Димитрия Ростовского (ныне город Ростов). Для занятия Азовско-Моздокской линии была переселена с Волги остальная часть Волгского Войска (700 семей, свыше 4500 душ), а с Хопра — Хоперский казачий полк. Волгцы образовали на линии Волгский же полк и заняли станицы-укрепления Екатериноградскую, Павловскую, Марьинскую, Георгиевскую и Александровскую. Хоперским полком устроены были станицы: Северная, Ставропольская, Московская и Донская. Впоследствии, в первые годы царствования Императора Николая I, Хоперцы были передвинуты на Кубань.

Когда Кубань сделалась с 1783 года границей между Россией и Турцией, то Моздокская линия оказалась внутри государства. Казачьи поселения стали тогда переноситься все более и более к югу, а в тылу их усиленно начали устраиваться селения государственных крестьян и частные имения. Тогда же было решено заселить Черноморскими казаками степное пространство, раскинувшееся между Азовом и Кубанью, к востоку от Азовского моря. Черноморские казаки представляли собой часть славного когда-то Запорожского Войска, и в то время число их доходило до 12 600 человек. В 1792 году Черноморцы заняли отведенные им пространства, а по Кубани, от устья ее до впадения в нее реки Лабы, поставили охранную «кордонную» линию из укреплений и постов. По среднему же течению Кубани, начиная от пределов Черномории, расположился Кубанский полк, составленный из 1000 казачьих Донских семей, занявших станицы: Усть-Лабинскую, Кавказскую, Григориполисскую, Прочноокопскую, Темноликую и Воровколескую.

Таким образом, к началу XIX века по Кавказской линии жили следующие, независимые друг от друга, груп-

пы казачьего населения: Терское Кизлярское Войско, Терское Семейное Войско, Гребенское Войско, Моздокский казачий полк, Моздокская Горская казачья команда, казачьи полки — Волгский, Хоперский, Кубанский, и Черноморское Войско. Все Кавказское казачество выставляло на строевую полевую службу до 13 $\frac{1}{2}$ тысяч казаков, в том числе Кизлярцы 108, Терцы 400, Гребенцы 466, Моздокцы 1000, Моздокская команда 50, Волгцы 510, Хоперцы 519, Кубанцы 501 и Черноморцы 9000 конных и пеших казаков да, кроме того, гребную морскую флотилию в 25 судов, вооруженную 27-ю пушками.

IV. Геройская оборона Наурской станицы в 1774 году

Оборона Наурской станицы Моздокскими казаками 10 июня 1774 года представляет собою один из тех подвигов, которые, не имея большого политического и военного значения, вместе с тем невольно останавливают на себе внимание и современников и потомства, поражая ум и воображение. И в летописях царствования Великой Императрицы Русской, столь славного богатырскими делами, и в летописях кавказской войны, этот эпизод должен занять место между славнейшими подвигами, прославившими русское имя.

Была первая турецкая война, и Наурскую станицу обложило девятитысячное скопище татар, кабардинцев и турок, под предводительством калги — из рода крымских султанов. Строевые казаки еще не возвращались из похода, и дома оставались только старики, женщины, дети и легионная команда. У неприятеля был явный расчет захватить врасплох беззащитных жителей

станции, которая едва только устраивалась, хотя, правда, и была обнесена валом и снабжена орудиями. Неприятель не знал однако же, с кем будет иметь дело — и встретил небывалое войско и с небывалым оружием. Разряженные наурские казачки в красных сарафанах вышли на защиту родного городка и отражали неприятельские приступы наряду с мужьями и братьями. На женщин, между прочим, была возложена обязанность поддерживать костры, разогревать смолу и лить со стен кипяток на головы штурмующих. Сохранилось предание, что даже ши, варившиеся к обеду, шли у казаков на дело защиты.

Оборона Наура была первым случаем, когда от кавказской женщины понадобилась серьезная и опасная боевая служба. Впоследствии она уже не расставалась с нею и даже сроднилась, как с чем-то неизбежным среди суровой обстановки порубежного быта. Моздокские казачки не пугались ни свиста вражеских пуль, ни стрел, ни дикого рева и гика нападающих неприятелей. Спокойно, рядом со старыми Волгскими бойцами, встречали они яростные атаки татар, защищались серпами, косили косами смельчаков, появлявшихся на земляном валу станицы. Чугунные пушки перевозились на людях с места на место, смотря по тому, откуда усиливался приступ.

Несколько отбитых штурмов дорого стоили татарам. Полагают, что их потеря простиралась до восьмисот человек, и что большая часть ее пала на кабардинцев. В числе убитых кабардинцев был и один из известнейших владельцев, князь Коргоко Татарханов, и тело его осталось на поле сражения. Уже одно это обстоятельство показывает, как сильно было смятение татар, считающих священным долгом выносить из боя тела убитых товарищей, а тем более вождей и предводителей.

Целый день длилась кровавая борьба за обладание Науром, и целый день истомленные боем Наурцы ждали выручки; но выручка не появлялась. Станица Червленная лежала всего в сорока верстах, но сообщение с нею было прервано.

Говорят, что в Червленной был слышен гул пушечных выстрелов, но что командир пехотного полка, расположенного в станице, почему-то думал, что у Наурцев идет совсем не кровавая драма, а водевиль с потешными огнями, до которых, нужно сказать мимоходом, был великий любитель начальник Моздокских казаков, старый полковник Савельев.

Так прошел день 10 июня. 11 с рассветом вновь загремели казацкие пушки, но к общему удивлению неприятель стал быстро отходить от станичных валов, и скоро беспорядочные толпы его скрылись из глаз изумленных Наурцев. Никто не знал и не догадывался о настоящей причине столь поспешного отступления вражеского табора, и уже впоследствии только стали говорить, что снятием осады Наур обязан был казаку Перепорху, наведшему орудие прямо на высокий курган, где стояла ставка калги, и счастливым выстрелом убившему любимого племянника предводителя. В этой случайности калга увидел для себя дурное предзнаменование и больше не хотел оставаться на тех полях, которые обagrены были неповинною кровью юноши...

Спустя много лет после этого события, в 1838 году, казаки разрывали однажды станичный курган, на котором, по рассказам их дедов, стояла ставка крымского султана, и действительно нашли в земле человеческие кости, серебряный кувшин и золотые украшения с пояса и конской сбруи. Кто знает, быть может это и были останки того человека, случайная смерть которого решила участь наурской осады.

Хотя рассказ о казаке Перепорхе и его удачном выстреле и довольно популярен среди жителей Наурской станицы, но большинство казаков и донине приписывает снятие осады и бегство неприятеля только особому Божьему покровительству. Предание говорит, что на заре 11 июня, в день памяти святых апостолов Варфоломея и Варнавы, два всадника на белых конях и в белой одежде проехали вдоль вражьего стана и навели на татар панический ужас. В ознаменование этого события в наурской церкви устроен даже придел во имя апостолов Варфоломея и Варнавы, и день 11 июня празднуется в Моздокском полку до настоящего времени.

«Это бабий праздник», говорят о нем казаки, вспоминая славное участие, которое приняло в бою женское население станицы. Многие из представительниц славного дела дожили до позднейшего времени, и посетители Наура не очень давно еще встречали старых героинь, украшенных медалями за его оборону.

Видная роль, выпавшая на долю женщины-казачки при защите Наура, была особенной причиной, почему кабардинцы долго не могли забыть позора своего поражения. Даже мирные из них старались не встречаться с моздокским казаком, боясь насмешек насчет того, «как Кабарда пошла воевать, да не управилась с казацкими бабами». Когда же приходилось встречать кого-нибудь из них с обожженным лицом, то казак и казачка уже наверно не пропустят, бывало, случая позубоскалить над злополучным джигитом.

— «А то, дос (приятель), не ши ли в Науре хлебал?» — спросит, бывало, линеец и провожает добродушным смехом урюмо молчащего кабардинца.

V. Казачье житье-бытье на Терской линии

Укрепления по линии. Станицы и их устройство. «Кордон», «Фигуры», «Летучки» и «Цидулы». Условия хозяйственного быта. Тревоги. Стрелевые части. Участие в походах. Жалованье и другие виды довольствия. Повинности. Отзыв Ермолова о линейцах.

Основу Кавказской линии составляли крепости, редуты, форпосты и другие укрепления разных типов, тянувшиеся вдоль всей линии на более или менее значительном расстоянии друг от друга. Из представленного графом Гудовичем в 1792 году описания Кавказской линии¹ можно видеть, что всего к тому времени в пределах нынешней Терской области состояло: 10 крепостей, 22 редута и 1 фельдшанец (полевое укрепление усиленного типа), причем из них заняты были войсками 9 крепостей и 7 редутов, остальные же брошены по разным причинам: редут при Очинской пристани на Каспийском море за переменной пристани на Сладкоеричную; фельдшанец на Старом Тереке «в рассуждении болотистых мест и по отдалению от него моря»; редуты на Старом Тереке — Салтан-Бековский, Голодаевский, Долобинский, Крупитайский, Лартинский и Урчуковский — «по причине сделавшихся в сих местах впереди Терека непроходимых болот»; редут Щедринский на Тереке — «по уничтожению в сем месте бывшей главной квартиры генерал-поручика Де-Медема»; карантинные редуты у Моздока — «по причине распространения далее сих карантинных линий Кавказской»; Апраксинский на Малке — «по причине переселения кордонов вверх по Мал-

¹ И. И. Дмитренко. «Сборник исторических материалов по истории Кубанского Казачьего Войска». Т. 1, стр. 114—149.

ке к Солянному броду»; редуты по Грузинской дороге — Григориполис в Малой Кабарде, Камбилейский на речке Камбилее (ныне Камбилеевка), Потемкинский на Тереке и крепость Владикавказ — «по причине положения их в горах в большом отдалении от кордонов».

Заняты же были (начиная с востока) Каргинский редут на Каргинке, крепость Кизляр на Старом Тереке («важнейший пункт против Персии полагается и закрывает весь левый фланг линии»), редут при Кизлярском Перевозе, на Борозде и Козий Яр на Тереке выше Червленной, крепость Наур, редут у Ста Дерев, крепость Моздок («довольно надежна, защищает своим укреплением все тамошние селения; при сей крепости главный проезд из Грузии») и Екатериноград, редуты Солиманов брод (около Прохладной) и у Соленого Брода на Малке, крепости Павловская на Куре и Марьинская на Золке, редут на Золке, крепость Георгиевская на Подкумке и Константиногорская на Подкумке же («подле Бештовых гор»), и редут Коммуникационный на Куме. Гарнизоны крепостей и редутов, служивших основой оборонительной линии, состояли из поселенных казаков, пехоты и драгун.

Однако как ни сильны были эти укрепления, все же само правительство сознавало, что с одной регулярной армией не одолеть беспокойного Кавказа, и лучшим средством в деле замирения края является заселение его казачьими станицами и крестьянскими селами. Поэтому оно делало то и другое, стараясь при всяком удобном случае увеличить число линейных казаков вливанием в станицы новых поселенцев или даже обращением целых сел крестьянских в казачье звание. Таковы бывшие села и слободы, а ныне станицы Александрийская (Копайская), Шелковская, Павлодольская, Прохладная, Солдатская, Курская, Александрийская (Пятигорского отдела), Подгорная, Незлобная, Государствен-

ная. Понимали эту разницу и сами горцы. Они говорили: «Укрепление — это камень, брошенный в поле: дождь и ветер уничтожает его; станица — это растение, которое вбивается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле».

В большинстве случаев станицы строились по одному общему плану. Прямые улицы пересекают станицу вдоль и поперек. Посреди станицы просторная площадь для сборов по тревоге, общественных сходов и Божьего Храма. Со всех четырех сторон линейная станица обычно окапывалась глубоким и широким рвом, по внутреннему краю которого насыпался окружающий станицу вал, увенчанный плетневой оградой с колючим терновником. С двух (а то и трех, четырех) сторон станицы въезды — крепкие ворота. У ворот часовой и «вестовая» пушка. Впрочем, не для вестей только стояли пушки у станичных ворот, — частенько посылали они непрошеным гостям и более решительное приветствие, в ответ на которое лютые враги не мешкали класть земные поклоны.

В промежутке от станицы до станицы тянулся «кордон» — цепь сторожевых постов, между которыми в подходящих местах на ночь закладывались еще «секреты». Посты были конные и пешие. На каждом посту непременно его принадлежностью являлась вышка для часового, ставившаяся, если было возможно, на кургане, кош (шалаш) или хатка «для прочей братии наборной» и служившая для подачи постом огневых сигналов «фигура» — высокий шест, обмотанный паклей, соломой, сеном и т.п., пропитанный смолой, нефтью, дегтем или другим горючим веществом. На конных постах была, кроме того, и плетневая конюшня. Весь пост обычно окружался рвом, валом и плетнем, так что постовые в случае крайности могли выдерживать натиск и превосходящего силами противника.

Заметив прорыв неприятельской партии, постовые стреляли из пушки, если она была, зажигали «фигуру» и скакали с донесением в ближайшую станицу. Донесения о заранее ожидаемых прорывах посылались по постам открытыми «цидулами», ставившими всю линию в известность о грозящей опасности. Таким образом, помимо сторожевого дела посты исполняли и обязанности летучей почты, перевозя казенные (и частные) пакеты вдоль линии. Если донесение или приказание нужно было везти, по его спешности, без малейшего замедления, то к нему пришивалось орлиное (или иное какое) перо, и такой пакет получил имя «летучки».

С первых годов поселения на Тереке казаки, как мы уже видели выше, ревностно занялись хлебопашеством, садоводством и другими видами сельского хозяйства. Это было удобно, пока еще сидели далеко в горах чеченцы и ингуши, а с кабардинцами отношения не обострились до крайних пределов. Ко времени же заложения Кавказской линии горские народы постепенно выдвинулись на плоскость и разместились в близком соседстве с казаками. Постоянная угроза набегов, нападений с убийствами, угоном скота и захватом людей в плен вконец препятствовали правильным хозяйственным работам. Каждое утро, на рассвете, «выбегали» из станицы во все стороны конные казачьи разъезды, чтобы «осветить местность». И только когда доносили эти разъезды, что кругом все спокойно и следов неприятеля не обнаружено, — растворялись станичные ворота и станичники отправлялись на свои работы.

Да и самая работа шла в тяжелых условиях. Хлебопашцам приходилось сбиваться в кучи, чтоб при случае оказать друг другу поддержку. Самыми работами занималось поневоле не все население: на каждой ниве, в каждом саду становился мальчишка или дед с ружьем на

часах (взрослые казаки были постоянно или «на кордоне» или «в набегах»). Малейшая оплошность со стороны часового, — и без времени гибли казаки, а казачки попадали в плен к горцам, где и погибали на веки. Иногда, правда, пленных выкупали, но часто бывало и так, что пленная казачка становилась женой своего хозяина — горца, приживала с ним кучу детей, и сама уже не хотела менять новую свою семью на старую, от которой была все равно отрезанный ломоть.

Эти постоянные опасности лучше всего закаляли дух линейного казака, и под давлением бесконечных тревог и стычек крепили казацкие силы. В этой непрерывной, неустанной борьбе казаки «привыкли видеть жертвы за любимого Царя», привыкли «не раз терять близких кровных в схватках жарких и неровных», как поют казачьи песни.

Да впрочем в то лихое время не только в чистом поле, но и дома в станице казак не чувствовал себя в полной безопасности. Иногда горцы нападали на станицы целыми тысячами. И эти случаи были до того обычны, что казаки привыкли уже понимать предупредительный голос родимого Терека: запруженный в месте брода стеной конных хищников, он издавал своеобразный рев, и по этому ропоту догадывались часовые в станице, что враг близко и в больших массах переходит реку в брод.

Быстро поднималась на ноги станица. Способные владеть оружием выбегали на станичный вал. Удалцы вылетали на конях на разведку и с вестью в соседние станицы, просить «сикурсу» (помощи). Женщины выкатывали в прямые станичные улицы возы и делали там баррикады, которые сдерживали бы движение конницы в случай прорыва ее внутрь станицы. Ценные вещи, детей и дряхлых стариков прятали в погреба, входы в которые заваливали дровами, хворостом и всяким хламом. Ста-

ница живо приспособлялась к обороне и готова была дорого продать свою жизнь. И чаще всего горцы, видя, что отпор им будет хороший, уходили ни с чем, потеряв без всякой пользы несколько десятков лучших своих джигитов, слишком приблизившихся к грозным станичным валам.

Казачья служба на линии делилась на полевую (в походах и на охране границы) и внутреннюю (в станице). Пока в силах был казак нести все тягости походной и боевой жизни, до тех пор состоял в строевой сотне и постоянно бывал в самых различных командировках. Любопытный тому пример представляет служба Екатериноградской станицы урядника Кузьмы Иванова Пастухова, поступившего в Волгский полк 25 марта 1781 года: «1783 года был в походах против горских народов, под командою полковника Ребиндера; 1784 года против тех же народов, под командою генерал-поручика Потемкина; 1785 года с генерал-майором Савельевым против кабардинцев; 1786 года был отправлен с разными бумагами от генерал-поручика Потемкина курьером в Москву к генералам Нарышкину и Воронцову; 1787 года с генералом-поручиком Потемкиным в экспедиции против Закубанских народов; 1788 года с генерал-майором Текелием в действии и осаде турецкого города Анапы; 1789 года с генерал-майором Булгаковым за Кубанью; 1790 года с генерал-поручиком Бибиковым до города Анапы и при действительной осаде онога, за что получил за отличие против неприятеля и усердие к службе серебряную медаль с надписью “за верность Екатерине”, на Андреевской ленте; 1790 года с генерал-аншефом Ртищевым против кабардинцев; 1791 года с генерал-поручиком Гудовичем при действительной осаде города Анапы и во время дела с неприятелем был ранен пулею в правую ногу навывлет и за взятие города Анапы,

за отличие и усердие к службе, от генерал-поручика Гудовича получил похвальный аттестат; 1794 года с генерал-майором Мухтелем против кабардинцев и в делах против неприятеля за отличие был произведен в урядники; 1796 года с генерал-аншефом графом Зубовым в Персии, Дербенте и Баку»... В 1801 году Пастухов был уволен за болезнью от службы, что не мешало начальству в 1837 году требовать службы от 82-летнего Пастухова, как сказано в прошении, поданном им во время проезда по Кавказской области Императора Николая I-го: «Начальство, не уважая моих старых лет и прежней моей службы, употребляет во все места не только по внутренней, но и на кордоны употреблялся на службу; исполняя все станичные повинности, как денежные, равно и подводы должен отбывать наравне с прочими; а при том начальство угрожает телесным наказанием».

Что ближайшее начальство вполне сознавало тяжелые условия службы линейных казаков, видно из следующих выписок. Наказный Атаман генерал-лейтенант Николаев, в рапорте своем командующему войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Граббе, от 23 августа 1838 года, говорит: «Раз записанный в служащие линейный казак на весь двадцатипятилетний срок службы отделяется от домашнего хозяйства и только переходит с поста на пост, чередуясь с товарищами. От него требуется в хорошем виде и исправности строевая лошадь, мундир, вооружение; он и скудное хозяйство его подвержены всегдашним хищениям горцев. Пограничное жительство казаков делает положение их еще тягостнее: будучи подвержены набегам хищников, они не могут упрочить хозяйства своего, которое по свойству края и по условиям быта казачьего, наиболее должно состоять из скотоводства»... Еще раньше, а именно в представлении своем главноуправляющему в Грузии, графу Пас-

кевичу-Эриванскому, 24 апреля 1828 года начальник Кавказской области генерал-от-кавалерии Эммануель писал: «Полки линейные, неся непрерывную и тягостную против других казачьих войск службу, будучи почти всегда на первой кордонной страже, растянуты на значительное пространство мелкими частями, ограничены или вовсе лишены способов к безбедному себя и своих семейств содержанию. Офицеры получают жалованье наравне почти с нижними чинами»...

До чего же ничтожно было выдаваемое казакам за такую тяжелую службу жалованье, видно из того, что, например, Волгского полка Войсковой Старшина, Есаул, Сотник и Хорунжий в 1838 году получали жалованья каждый по 17 руб. 82 коп. (ассигнациями) в год да провианту и фуражу по 3 четверика муки, по 2 четверти круп, по 8 четвертей овса и по 180-ти пудов сена. Зауряд-Хорунжий, урядник и казак получали деньгами по 11 руб. 88 коп. да натурой — муки по 3 четверика, круп по 2 четв. 2 гарнца, овса по 2 четверика и сена по 180 пудов в год. Когда казакам приходилось быть в походе далее 100 верст от своей станицы, то денежное жалованье выдавалось им по старому гусарскому окладу, т.е. Полковнику 1122 руб. 90 коп., Войсковому Старшине 577 руб. 5 коп., Есаулу 430 руб. 10 коп., Сотнику 310 руб. 37 1/2 коп., Хорунжему 250 руб. 30 коп., Зауряд-Хорунжему и старшему уряднику 37 руб. 24 коп. и младшему уряднику 16 руб. 66 коп. в год. Если командир полка был не войскового сословия, то ему выдавались еще столовые 1100 руб. и фураж на 8 лошадей.

Наряду с несением тяжелой «полевой» и «кордонной» службы на линейных казаках лежала и масса денежных и натуральных повинностей: постоянная, подводная, дорожная, береговая (по укреплению берегов реки Терек) и другие. При построении крепостей Св. Креста, Киз-

ляра и Моздока Гребенцы исполняли работы по доставке леса и строительного материала, по возведении зданий и укреплений, и т.п. Позже казаки бесплатно содержали по Тереку почтовые станции, паромы и каючные переправы, рубили просеки в лесах, строили вместе с солдатами новые укрепления, и т.д. С развитием военных действий в крае, подводная повинность настолько усилилась, что для несения ее за недостатком мужчин, приходилось наряжать женщин. Кроме того, еще с тех же казаков взыскивали на содержание почт в губернии подушный налог по 1 р. 90 к. ежегодно. Вследствие жалобы по поводу последнего налога, поданной Государю Николаю I-му при проезде Его по Кавказу, Наказный Атаман Николаев доносил, что «в особенности отягощены полки Моздокский и, наиболее, Гребенской, где по малолюдству при необыкновенно тягостной кордонной службе, кроме всегдашнего постоя войск, проходят в большом числе рекрутские партии и другие команды; казаки возят в лазареты больных и проезжающих по службе чиновников в Дагестан, в крепость Грозную, Внезапную и оттуда; а также ежегодно снабжают пастбищными местами и сенокосами полки, батареи и команды; вспомогательных участков не имеют и, при всем этом, на содержание почт платят деньги подушным сбором с неслужащих казаков». А тут еще донимал низовых казаков и гневный батюшка Терек Горыныч, что год рвавший сковывавшие мощный ход его плотины и валы, обрушивавшийся на сады, огороды и поля несчастных казаков и заставлявший их по несколько раз переселяться с места на место.

Вот каково было житье-бытье на «Погибтельном Кавказе» наших дедов и отцов, славных Линейных казаков, о которых беспристрастный и строгий судья, знаменитый кавказский герой генерал А.П. Ермолов писал: «Пол-

ное уважение мое приобрели Линейные казаки. Прежде видал я их небольшими частями и не так близко, но теперь могу судить и о храбрости их и о предприимчивости. Конечно, изо всех многообразных казаков в России едва ли есть подобные им».

VI. Передовая (Терско-Сунженская) линия

Горский полк. Военно-Грузинская дорога. Образование Владикавказского полка. Сунженская линия. Генерал-майор Н.П. Слепцов. Окончательное заселение Сунжи

Так как каждый казачий полк помимо участия в походно-боевой работе обязан был и вести бдительную охрану как места своего жительства, так и пространств, занятых русскими поселениями в ближайшем к полковому участку линии районе, то в начале XIX века оказалось, что с увеличением числа таких поселений Волгский полк стал в совершенную невозможность справляться с лежавшими на нем многочисленными обязанностями. Поэтому начальник Кавказского края генерал А.П. Ермолов нашел необходимым подкрепить участок Волгского полка образованием по линии особой казачьей части. Эта часть, получившая имя Горского казачьего полка, была устроена в 1824 году, причем в состав ее вошли: Моздокская Горская казачья команда, две старых станицы — Луковская и Екатериноградская, две станицы из осетинских селений — Черноярская и Новоосетинская, и четыре станицы из русских гражданских слобод, находившихся в этом участке линии, — Павлодольская, Приближная, Прохладная и Солдатская, население которых при этом обращено было в войсковое сословие. Через

4 года (1829) полк был усилен еще двумя станицами из гражданских селений — Государственной и Курской, после чего мог выставлять в строй 800 казаков.

Мы выше уже упоминали, что от Моздока начиналась издревле известная дорога в Грузию. В 1784 году по пути от Моздока к Дарьяльскому ущелью были построены для охраны безопасности движения русские военные укрепления, давшие дороге имя Военно-Грузинской. При самом входе в горные теснины была устроена крепость, которую Императрице Екатерине угодно было наименовать громким именем «Владикавказ», в предвидении ее будущей важной роли в деле завоевания Кавказского края. По пути от Моздока к Владикавказу было поставлено два редута — Григориполисский, в горах близ нынешнего селения Владимирского (оно же св. Георгия, или Батако-Юрт) и Камбилеевский на реке Камбилеевке, около нынешнего селения Зильги. Для наоблюдения за Кабардой, у Татартупского ущелья был построен редут Потемкинский, на реке Тереке. Впоследствии было еще поставлено между Моздоком и Григориполисом укрепление Константиновское, близ нынешнего селения Согопш.

С началом XIX века сношения наши с единоверной нам Грузией, добровольно присоединившейся в 1800 году к России, приняли еще более оживленный характер. Между тем усилившиеся к этому времени постоянные набеги на линии со стороны чеченцев, а отчасти и их соплеменников ингушей, делали движение по старой Моздокской дороге почти совершенно невозможным, почему в 1825 году генерал Ермолов дал Военно-Грузинской дороге несколько иное направление, — по левому берегу Терека через Татартупское ущелье на станицу Екатериноградскую, минуя Моздок, потерявший прежнее значение со времени перенесения центров Кавказского уп-

равления в Георгиевск и Ставрополь. Для защиты новой дорожной линии были поставлены укрепления Урухское, Ардонское и Архонское, а затем для окончательного закрепления ее и прикрытия от нападения хищников решено было заселить ее казачьими поселениями. Таким образом в 1837 году возникла 100 верстная Передовая Терская казачья линия, занятая восьмью станицами шестисотенного Владикавказского казачьего полка — Пришибской, Котляревской, Александровской, Урухской (впоследствии была перенесена в район Волгского полка, к городу Георгиевску), Змейской, Николаевской, Ардонской и Архонской. Ядром для образования Владикавказского полка послужили два Малороссийских казачьих полка, сформированных в 1831 году Малороссийским дворянством для действий против польского восстания, а потом обращенных на службу в войсках Кавказской линии. К семейным казакам этих Малороссийских полков было присоединено несколько десятков казачьих семейств «Старолинейцев», солдатских из упраздненных военных поселений и переселенческих из губерний Черниговской, Харьковской и Воронежской.

Почти одновременно с занятием Верхне-Терской линии начали ставиться укрепления и станицы по Сунженской линии, необходимость которой указывалась еще в 1804 году князем Цициановым. Начало Сунженской линии было положено в 1809 году, когда командовавший Владикавказским округом генерал Дельпоццо, после добровольного присоединения живших в верховье Сунжи и по Ассе ингушей, поставил в их селении Назране гарнизон, а на среднем течении Сунжи, в урочище Казак-Кичу («Казачий брод») заложил передовое укрепление Казак-Кичинское. Затем Ермолов, в 1818 году усилил Назрановское укрепление, а в нижней Сунже поставил крепость Грозную. Настоящее же занятие Сунженской линии на-

чалось в 1845 году с учреждением Сунженского казачьего полка и велось под руководством командира этого полка, генерал-майора Н.П. Слепцова, стяжавшего своими смелыми и решительными действиями против чеченцев бессмертную славу героя и прославившего своих лихих Сунженцев — «Слепцовцев». Ядром Сунженского полка явились офицеры и урядники Моздокского и других полков Старой Линии. В состав же нижних чинов вошли кроме «Старолинейцев» (Моздокцев, Волгцев, Гребенцов, Кубанцев и Ставропольцев) также и Донские казаки. Таким образом, старые «Линейцы», принимая новое имя «Сунженцев», поделили, как это поется в казачьей песне («С краев полуночи»), избыток своей славы «с безвестной струей» новых переселенцев, ставших вместе с ними «на вражьем пороге твердою стопой».

Первыми были построены станицы Троицкая, на месте бывшего укрепления Волынского, и Сунженская (ныне Слепцовская), каждая на 250 дворов. За ними, как грибы после дождя, выростали остальные, несмотря на то, что постоянные боевые тревоги и набеги до крайности затрудняли дело заселения. Слепцову приходилось день и ночь быть в работе: то планировать новую станицу, то быть на лесной рубке, то участвовать со своим полком в общих боевых действиях... И неутомимый труженик везде поспевал, везде у него кипела работа, и дело спорилось. Высоко ценили и уважали Николая Павловича даже и враги чеченцы, а что касается до окружавших его казаков, то эти прямо боготворили своего героя-командира. Его открытый характер, не терпевший лукавства, его великодушие к побежденному врагу, его необычайная отвага, не знавшая преград, подкупали всякого. Следующий небольшой случай из жизни Слепцова ярко рисует нам мощную фигуру удальца-генерала и отношение к нему окружавших.

В один из сереньких осенних дней, стоявший у восточных ворот станицы Сунженской (Слепцовской) часовой казак Силай Шайдаров услышал выстрелы со стороны Михайловской станицы. «Вестовая» грянула на углу вала, внезапно прервав размышления привратника. Необходимо было тотчас отворить ворота, а дежурный тут как тут, что-то спросил и ускакал. Растерялся Силай, не может найти ключей. Ноги подкашиваются от страха, руки отнимаются, а голова теряет способность мыслить. Страх обуял при мысли, что вот-вот батюшка Слепцов нагрянет, а ворота не отворены, — убьет! Не успела промелькнуть в голове эта мысль, как вдруг точно из земли вырос перед глазами командир на своем сером кабардинце. Сверкают огнем его черные глаза, грудь высоко поднимается от прерывистого дыхания, а конь стоит на задних ногах и просит поводов. «Негодяй! мерзавец!» — не своим голосом закричал Слепцов, поднял руку с нагайкой, гикнул и исчез, точно сквозь землю провалился. Осмотрелся кругом Силай, — нет командира. Ключи же были все время за поясом. Посмотрел Силай через вал, а серый конь и серая черкеска уже мелькали по Михайловской дороге один-одинешенек. Кинулся Шайдаров отворять ворота, и лишь только их распахнул, отскочил в сторону: перед глазами промелькнула гигантская фигура урядника Полубоярова, летевшего пригнувшись к гриве коня с оранжевым значком Слепцова, спутника во всех его боях. Исчез в облаках пыли и бравый казак Яков Мелихов, а за ним и все дежурство. «Сторонись! берегись! гей!» — кричали с гиком казаки, спешившие догнать своего командира. Перекрестился Силай Шайдаров и остался в немом размышлении: как мог Слепцов перескочить через вал, обнесенный непроходимым терновником? как не сломал конь своих ног в глубоком рву? как вынес он всадника оттуда? И долго, на всю жизнь остались памятны ему эти пять минут...

Заселение Сунжи, начатое в 1845 году, тянулось более 15 лет, и в конце концов по Сунже и ее притокам водворилось три казачьих полка: 2-й Владикавказский, занявший семью станицами (Владикавказская, Камбилевская, — обе они в 1859 г. образовали станицу Тарскую, — Ново-Сунженская, Аки-Юртовская, Фельдмаршальская, Нестеровская и, впоследствии упраздненная, Галашевская) верховья Камбилея, Сунжи и Ассы, 1-й Сунженский, по среднему течению Сунжи с боковым сообщением к Моздоку в семи станицах (Терская, Магомет-Юртовская, Карабулакская, Троицкая, Сунженская, Михайловская и Ассинская) и 2-й Сунженский, сомкнувший Сунженскую линию с Гребенскими городками восемью станицами (Самашки, Закан-Юрт, Алхан-Юрт, Грозненская, Петропавловская, Джалкинская, Умахан-Юрт и Горячеводская).

Таким образом, с лишком три века происходило постепенное население и разрастание казачества на Терекке, начиная с первых поселенцев — Гребенцов и кончая самыми молодыми станицами — Сунженскими...

VII. Окончательное покорение Кавказа

Ермолов на Линии. Его план покорения Кавказа. Мюридизм. Казы-Муллы. Шамиль. Борьба с Шамилем. Экспедиции. Время Воронцова. Падение Гуниба и плен Шамиля. Покорение Западного Кавказа. Участие казаков в Кавказской Войне

К началу XIX века, с присоединением Грузии к России, независимые племена, населявшие горные ущелья Кавказа, оказались оцепленными кольцом русских владений. С севера шла Кавказская Линия, на востоке нам

принадлежала узкая полоса Дагестанского побережья Каспийского моря, на юге — почти все Закавказье. Такое положение дел не могло удержаться долго, и Кавказская война приняла более напряженный характер.

Вскоре же кабардинцы, все время колебавшиеся в своей верности и при малейшем удобном случае поднимавшие восстания, окончательно признали себя русскими подданными. За ними последовали ингуши (1809) и осетины-дигорцы. Таким образом, оставалось только присоединить чеченцев и дагестанцев, населявших горы и предгорье против левого фланга Кавказской линии.

В 1816 году на Кавказ назначен был начальником края знаменитый генерал Алексей Петрович Ермолов, представлявший образец рассудительности, решительности и мужества. Его грозные очи, сверкавшие из-под нависших бровей, и напоминавшая львиную голова, покрытая огромной шапкой седых волос, наводили ужас на врагов, а в подчиненных и сотрудниках вселяли глубокую веру в силу и непобедимость своего вождя. Ермолов быстро понял положение дел и правильно оценил обстановку. «Кавказ», говорил он, «это огромная крепость, которую штурмом не взять, — надо вести правильную осаду». И начал работу: стал подводить подкопы и проводить траншеи по всем правилам военного искусства.

Кавказская линия уже представляла собой огромную осадную траншею (линию осадных окопов), но стояла она далеко от центральной части крепости, — нужно было провести «параллель» (вторую линию окопов, ближе к стенам крепости). И этой параллелью явилась начатая Ермоловым Сунженская линия и продолжение ее к старым Таркам. Еще до прибытия Ермолова на Линию на Сунже стоял Назрановский редут, который Ермоловым был значительно усилен. Летом 1817 года он поставил ниже укрепление «Преградный стан» (где ныне ста-

ница Михайловская). В 1818 году строит крепость Грозную, на следующий год крепость Внезапную (близ нынешнего Хасав-Юрта), за которой следует Бурная (около Тарков). В следующие годы между этими крепостями воздвигается сплошная линия мелких укреплений, рассчитанных на небольшие гарнизоны, но представлявших собой серьезную преграду хищникам благодаря своим глубоким рвам и высоким, крепким валам.

«Параллель» была готова. Противник был притиснут к горам, и оставалось только продолжать с успехом начатую работу. Но, к сожалению, благодаря петербургским козням, Ермолов в 1826 году был устранен, и на его место вступил блестящий молодой полководец Паскевич, впоследствии граф Эриванский и князь Варшавский, увлеченный более делами Закавказья и борьбой с Персией и Турцией.

С 1827 по 1831 год Кавказская линия была представлена самой себе, наступательные действия против «Кавказской цитадели», начатые Ермоловым, прекращены, и энергичную работу сменила полная бездеятельность, способствовавшая развитию в горах Чечни и Дагестана фанатического религиозного учения «мюридизма», и стоившая нам затем потоков крови и десятков лет упорной войны.

Около 1810 года в глухие ущелья Дагестана проникло из Багдада учение «тариката», т.е. правил благочестивой жизни. Проповедники «тариката» носят имя «муршидов» (т.е. «направляющих»), а последователи их, ученики и послушники, называются «мюридами» («ищущими»). Первоначально учение это носило совершенно мирный характер, но в двадцатых годах приняло иное направление: пылкий учитель тариката Кази-Мулла стал открыто проповедовать, что нет угоднее Богу дела, как война с неверными и распространение ислама силой оружия. Такая

постановка вопроса пришлась по сердцу воинственным народам Чечни и Дагестана, которым давно уже претило мирное житье. В горах закипела работа, и повсюду разнесся призыв к «газавату» (священному походу) против русских. Слабая политика Паскевича, предписавшего в обращении с горцами кротость и ласку, которые они понимали не иначе как трусость и заискивание, еще более способствовали подъему духа у горцев. Кази-Мулла объявил себя, в конце 1829 года, имамом, т.е. верховным главой мусульман, и под знамена его стали стекаться бесчисленные толпы Дагестанцев и Чеченцев.

Упоенный рядом частичных успехов, Кази-Мулла в мае 1831 года осадил крепость Бурную, затем напал на Внезапную, и хотя потерпел при этом неудачу, но все же огромные скопища его произвели впечатление на умы кумык и чеченцев, и привлекли на его сторону массу новых последователей. В следующем году он подходил к Грозной и даже к Владикавказу, чем вызвал против себя более решительные действия. Чечня была разгромлена, родной аул Кази-Муллы, Гимры, взят штурмом в 1832 году, причем и сам Кази-Мулла пал в бою.

Но это не потушило начавшегося пожара. Звание имама перешло к племяннику Кази-Муллы — Гамзат-беку, по смерти которого имамом сделался близкий сподвижник Кази-Муллы и Гамзат-бека гимринец Шамиль. Умный и ловкий, с железным характером и безграничным властолюбием, Шамиль благодаря своим военным и административным дарованиям сумел совершенно подчинить своей власти свободолюбивых горцев и деятельно вел борьбу с Россией в течение 25 лет.

С переменным успехом велась эта упорная борьба, в пылу которой с обеих сторон пролились потоки крови, разорялись крепости и станицы, гибли в пламени аулы и хутора. Эта борьба выдвинула с русской стороны целый

ряд замечательных вождей и героев, каковы генералы князь Воронцов, князь Барятинский, граф Евдокимов, Слепцов, Бакланов, Фези, Граббе, Круковской и другие.

В то время как мы бездельными и бессвязными действиями только роняли значение русского оружия, Шамиль успел ввести некоторый порядок среди подчинявшихся ему племен. Вся страна была разделена на наибства (округа), во главе которых стояли наибы — доверенные лица имама. Все мужское население в возрасте от 16 до 60 лет было обязано военной службой. Призывавшиеся ополчения делились на десятки, сотни и полутысячи. Шамилем был установлен правильно собиравшийся с населения подходящий налог. Снабжение войск продовольствием и огнестрельными припасами было поставлено у Шамиля настолько удовлетворительно, что он мог выставлять в поле для боевых действий отряды, превосходившие 20 000 воинов. Чтобы обеспечить себя вооружением, Шамиль устроил в горах выделку холодного и огнестрельного оружия (не исключая и пушек), и даже поставил пороховые заводы.

Борьба с Шамилем, завершившаяся окончательным покорением Чечни и Дагестана, может быть разделена на три периода, различающееся друг от друга самым способом ведения войны: до 1845 года, годы 1845—1856 (время князя Воронцова) и годы 1856—1859 (время князя Барятинского).

Первый период отличался полным отсутствием в действиях наших войск какого-либо общего плана и цели. Во всем противодействовавший начинаниям Ермолова Паскевич не только приостановил всю работу своего прозорливого предшественника, но даже, в противовес ей, отдал приказ, чтобы взамен постройки сети укреплений начальники линии старались «сосредоточивать внезапно отряды, вторгаться в земли горцев и потом возвращаться на свои пункты для приготовления к новым экс-

педициям». Такой способ действия, продолжавшийся, благодаря влиянию Паскевича, пятнадцать лет, вел только к бесполезному пролитию крови, напрасно затягивая войну и создавая в горцах уверенность в невозможности для русских укрепиться в горных теснинах и дремучих лесах предгорья.

Только с назначением на Кавказ графа Михаила Семеновича Воронцова прекратились бесполезные экспедиции в горы. Прибыв на Кавказ весной 1845 года, Воронцов застал уже конец приготовлений к большой второй экспедиции в Дарго, укрепленную резиденцию Шамиля. Первая экспедиция, предпринятая в 1842 году генералом Граббе, была направлена от Герзель-аула по долине реки Аксая чрез непроходимые леса Ичкерии и потерпела полную неудачу: отряд потерял 1700 нижних чинов (из 10 000), 60 офицеров и 1 орудие. Новая экспедиция предположена была по другому направлению: в обход, через Андийский хребет (разделяющий нынешнюю Терскую область от Дагестанской). Преодолев необыкновенные трудности пути в горных трущобах Чечни, покрытой дремучими лесами, ведя непрерывный бой с упорным и отчаянным неприятелем, войска наши, руководимые самим графом Воронцовым, подошли наконец в июле 1845 года к Дарго и взяли его с бою. Однако Шамиль успел ускользнуть, и игра вышла впустую. Обратный путь на плоскость совершить было еще труднее. Горные дебри, яростный противник и полный недостаток продовольствия (взятые в поход сухари пришли к концу, а на месте продовольствия найти было негде) делали положение отряда безвыходным. И только героическое мужество Кавказского солдата и походно-боевой опыт младших начальников спас «сухарную» экспедицию от позорного конца.

Эта экспедиция окончательно убедила Воронцова в бесполезности «способа Паскевича» и в необходимости

возобновить приведение в исполнение великого плана Ермолова. Со времени «сухарной экспедиции» война снова принимает характер постоянной блокады Чечни и Дагестана с очень осторожными наступательными действиями.

В течение десятилетнего периода времени (с 1846 по 1856 г.) строятся сильные укрепления, чрез дремучие леса прорубаются широкие просеки, по горным крутизнам прокладываются военные дороги и, главное, предгорье прочно занимает рядами казачьих станиц, предназначенных

«Двинуть далеко предел порубежный
И твердою грудью заслонить своей»...

Не подлежит никакому сомнению, что окончательным успехом в тяжелой борьбе мы обязаны только этой малозаметной, неблагодарной и трудной подготовительной работе, о которую разбивались бесплодно все усилия, вся отвага и подвижность славного Кавказского вождя горской независимости — Шамиля.

В 1856 году назначен был Наместником Кавказским отважный и решительный князь Барятинский. Пользуясь наступившим удобным моментом, он со всех сторон двинул русские войска в глубину гор Чечни и Дагестана, окружил Шамиля на Гунибской горе и принудил его сдаться в плен 25 августа 1859 года.

В этот день замолк, наконец, боевой гром, грозно разносившийся по Кавказу в течение столетий, и только лишь на западной окраине Линии, на «Правом Фланге», еще слышался отдаленный рокот битвы с черкесскими племенами Закубанья, куда были двинуты войска всей Линии для окончательного покорения и Западного Кавказа, которое произошло в 1864 году, и в котором от Терского Войска участвовал пятисотенный сводный полк.

Мы уже упоминали выше, что история Линейных Казаков есть история боевых действий и походов на Линии, так как ни одного похода, ни одной экспедиции, ни одного боя не обходилось без деятельного участия лихих наших дедов и отцов — Линейцев: Кизлярцев, Терцев, Гребенцов, Моздокцев, Волгцев, Владикавказцев, Сунженцев и их собратий. В этой неустанной борьбе, в этих часто неравных боях, даже сказочные геройские подвиги мужества и беззаветной отваги, которую проявляли казаки на каждом шагу, были слишком обычным явлением, не обращавшим на себя особого внимания. На кровавых страницах истории покорения Кавказа тонут незаметно в общей массе писанные кровью бесконечные подвиги Линейцев. И только громкая слава, окружающая светлым ореолом имя Кавказских казаков и их вождей-героев, да высокие милости Русских Царей, всегда благоволивших к своим верным и неизменным казакам, свидетельствуют о понесенных ими в былое время трудах и совершенных подвигах.

В воздаяние военных трудов и заслуг и в ознаменование особого Монаршего благоволения к казакам Кизлярского, Гребенского, Моздокского, Владикавказского, 1-го Сунженского и 2-го Сунженского полков, Государь Император пожаловал этим полкам 4 марта 1860 года Георгиевские Знамена с надписью: «За военные подвиги против непокорных горцев». А с окончанием военных действий на Западном Кавказе, Государь, в постоянном внимании к боевой службе казаков, соизволил выразить Терцам свою милость в следующей грамоте от 12 июля 1864 года:

«Нашему вернolibезному Терскому Казачьему Войску.

Покорение Западного Кавказа, достигнутое рядом доблестных подвигов и долговременных трудов наших, заключило многолетнюю кавказскую войну. С досто-

славным событием этим тесно связано и имя вернолоубезного Нам Терского Казачьего Войска, издавна стяжавшего себе громкую славу на Кавказе. Предки нынешних Терских казаков составляли из себя первых оседлых русских воинов для оплота от хищнических набегов горцев, и в продолжении двух столетий храбрые обитатели берегов Терека — под именем Гребенских, Терских, Волжских, Горских, Моздокских, Кизлярских, Владикавказских, Кавказских линейных, Сунженских казаков, не переставали обуздывать стремления диких соседей своих к внесению огня и меча в притерские русские поселения и сами проникали в ущелья гор для наказания хищников в собственных жилищах их. Геройские подвиги Терских казаков в рядах наших войск, на всем пространстве восточного Кавказа, приготовили покорение Кавказа Западного и достославное окончание Кавказской войны. В ознаменование Монаршей признательности Нашей за такую полезную для отечества службу Терского Казачьего Войска, Мы признали за благо — сократить для всех чинов оною сроки обязательной службы, назначая отныне: для полевой — 15 и для внутренней — 7 лет.

Пребывая засим ко всему Терскому Казачьему Войску Нашею Императорскою милостию благосклонны, Мы надеемся, что все это доблестное Войско получая ныне, чрез сокращение служебных сроков своих и умиротворение всего сопредельного с Войском края, полную возможность развивать все более и более домашнее свое благосостояние, вместе с тем не перестанет и впредь находиться в постоянной готовности переносить свою боевую опытность всюду, куда укажут пользы отечества; славное же имя Терских казаков будет занимать везде и всегда почетное имя в рядах русских воинов». (На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано:) «АЛЕКСАНДР».

Часть III

ТЕРЦЫ НА ВОЙНЕ (Участие Терских казаков во внешних войнах России)

Сам узнаешь, — будет время, —
Бранное житье...

*1. Хивинский поход князя
Бековича-Черкасского в 1717 году¹*

Задачи и подготовка похода. Переход к Хиве. Гибель отряда. Рассказ участника похода гребенца Демушкина. Хивинский поход 1873 года. Терские казаки за Каспием в 1879 и 1885 годах

С заключением прутского мира, когда Россия вынуждена была уступить Турции обратно Азов, — этот ключ к Черному морю, Петр перенес свои любимые помыслы на каспийское побережье и решился предпринять исследование восточных берегов этого моря, откуда предположил искать торгового пути в Индию. Исполнителем этой могучей мысли был избран им князь

¹ Начало этой главы целиком заимствовано у В. А. Потто («Кавказская война»), а середина (рассказ Демушкина) у И. Попко («Гребенское войско»).

Александр Бекович-Черкасский. В 1716 году Бекович отплыл из Астрахани и начал сосредоточивать сильный отряд близ самого устья Яика.

С Кавказа были назначены в этот поход конный пятисотенный полк Гребенских и часть Терских казаков, преимущественно из инородцев. Они прибыли в Гурьевгородок и здесь долго простояли в бездействии, так как князь Бекович ездил выбирать опорные пункты на Каспийском море и устраивал укрепления св. Петра, Александровское и Красноводское, поставленные им у мыса Тюп-Карагана и у входа в Александровский и Балаханский заливы, как на местах более удобных для сообщения с Астраханью.

Только утвердись таким образом на берегу Каспийского моря, русские войска вышли из Гурьева в июне 1717 года и двинулись по необъятным и неведомым степям, по направлению к Хивинскому царству. На дороге, у плотин, заграждавших течение Аму-Дарьи к каспийскому бассейну, требовалось остановиться, чтобы устроить городок и произвести некоторые сооружения, долженствовавшие возратить древнему Оксусу славное некогда течение его к морю Хвалынскому. В народе жило предание, что среднеазиатские ханы отвратили это течение, носившее великие богатства, к пустынному морю Аральскому именно для того, чтобы не дать Руси пробраться в глубину неведомого мира азиатских пустынь.

С такой богатырской миссией князь Бекович-Черкасский шел шесть недель по голодной и безводной степи, сделал до тысячи четырехсот верст и ценой невообразимых лишений достиг, наконец, озер, образуемых плотинами Аму-Дарьи. До этого места только киргизы и туркмены сделали на русских два больших нападения. Но едва русский отряд остановился на берегу Аму-Дарьи для короткого отдыха, как сам хивинский хан Шир-Гази появил-

ся перед ним с многолюдной ратью, конной и пешей, и начал биться «пищальным и лучным боем», продолжавшимся три дня. Казаков за окопами было побито не больше десяти человек, а нападавших хищников с киргизами и туркменами полегло больше тысячи. На четвертый день хан вступил в мирные переговоры и клялся на коране, чтобы против русских не поднимать оружие и быть во всем им послушным. Но едва Бекович, поверивший этой клятве, принял предложение хана посетить Хиву и разделить весь отряд на несколько частей для лучшего продовольствия, как вероломные хивинцы предательски напали на русских и по частям истребили отряд до последнего человека. Сам Бекович-Черкасский погиб мучительной смертью: с него сняли кожу и, сделав из нее чучело, выставили на позор над городскими воротами.

Пятьсот отборных Гребенских бойцов и большая часть Терских казаков погибли тогда в руках полудиких варваров, или под ударом предательского ножа, или в цепях тяжкого рабства. Сотни семей осиротели на Терек, и памятником этого остаются в Гребенских городках до сих пор своеобразные фамилии, данные оставшимся при вдовах мальчикам по именам их отцов: Семенкин, Федюшкин, и тому подобное. Осенью того же 1717 года четверо случайно ушедших пленных: яицкий казак Емельянов, татарин Алтын, гребенской казак Белотелкин и вожак похода туркмен Ходажа-Нефес — перед сенатом и в присутствии самого Царя передали, что видели и знали о несчастном конце индейского похода. Еще известны два станичника, которым, и то уже чрез многие годы, тоже удалось вернуться на родину. То были: Червленого городка казак Иван Демушкин и Шедринского городка — Петр Стрелков. (Последнего до самой смерти звали «хивинцем» и это прозвище унаследовали и его дети.) Оба они, переходя от одного бусурманского хозяина к

другому путем продажи, попали наконец в Персию, откуда и выбежали уже в старости.

Вот как рассказывал об этом несчастном походе Демушкин.

«Взяли мы, пятьсот Гребенских казаков, от отцов и матерей родительское благословение, навеки нерушимое, распрощались с детьми и женами, братьями и сестрами, и отправились к Гурьеву-городку, в отряд князя Бековича-Черкасского. С того сборного места, от Гурьева-городка, начался наш поход бесталаный через неделю аль через две после Красной-Горки. Потянулась пред нами степь безлюдная, и нет ей конца-краю. Жары наступили пуше, чем у нас в Успеньев пост. Идем все по пескам сыпучим, песенки попеваючи; становимся на отдых, где попадается поляна с копанью (колодец. — *Примеч. ред.*) и тощей травкой. Воду пьем соленую и горькую, страсть какую противную, кормимся казенным сухарем, а домашние кокурки (лепешки. — *Примеч. ред.*) давно уж вышли. Где трафится бурьян, колючка какая, сварим кашу, а посчастливится подстрелить сайгака, поедем печеного мяса. Сайгаков подсиживать мы выучились у Яицких казаков; таким только способом его шайтана и добудешь, а конем, хоть бы тебе Шолохова завода был, ни в жизнь не догонишь. Недели через три кони у нас крепко исхудали, а еще через неделку стали падать. Да что кони, и казенные верблюды валиться начали. На седьмой аль на восьмой неделе мы дошли до больших озер: сказывали Яицкие казаки, река там большая перепружена. До этого места киргизы и трухмены делали на нас два больших нападения, — слышь, хивинским ханом были подкуплены, — мы их оба раза, как мякину, по степи развеяли. Яицкие казаки дивовались, как мы супротив длинных киргизских пик в шашки ходили, а мы как понажем поганых халатников да погоним по-кабардинскому, так они и пики свои по полю по-

разбросают; подберем мы эти шесты оберемками да после на дрова рубим и кашу варим. Так-то!.. У озер князь Бекович велел делать окоп: идет, вишь, на наш отряд сам хан хивинский с силой великой басурманской. И точно подошла орда несметная, напуски делала со всех сторон и билась три дня. На четвертый день и след ее простыл, а мы тронулись к Хиве. Тут было нам небесное видение. Явилось оно после половины дня, на привале. Солнце пекло немилосердно; ни единой тучки не было на небе, да их в той стороне и не бывает вовсе в летнюю пору. Вдруг солнышко начало примеркать, темнеть; темнеет оно больше и больше, в чугунную сковороду, с позволения сказать, оборачивается, и дошло до того, что от него остался один лишь небольшой краешек наподобие молодого месяца. Сделались сумерки, а до вечера-то было далеко. В отряде все притихло, на всех нашел страх. Лошади и верблюды ежатся, торопятся, как бы чуют зверя. Мы крестимся, говорим про себя: “Господи Иисусе”, а какие были в отряде татары, те раскинули по песку епанчи и стали делать поклонение явленному в денную пору, молодому месяцу. Прошло полчаса, коли не больше, в этом страхе и ужасе; потом солнце начало мало помалу открываться, прогонять мрак бесовский, и наконец опять пришло в свой прежний вид. Опять пошел по отряду говор, да толки не веселые. Все старые люди, казаки, драгуны, астраханские купцы, в один голос сказали: “Сие знамение на радость махаметам, а нам не к добру!” Так оно и вышло. За один переход до Хивы хан замирился, прислал князю Бековичу подарки, просил остановить войско, а самого князя звал в гости в свой ханский дворец. Собравшись ехать в гости, Бекович взял с собою наших гребенских казаков триста человек под коими держались еще кони, а у остальных уже не было их: часть были за поход побиты либо ранены, и брошены на съедение бирюкам (волкам. — *Примеч.*

ред.), а часть подошли от безкормицы. Я с дядей Иевом в числе трехсот конных находился. Отправились мы в Хиву прибравшись в новые чекмени и бешметы с галуном, а коней поседлали с наборной сбруей. Хива город большой, обнесен стеной с каланчами, да только улицы очень тесны. У ворот нас встретили знатные ханские вельможи; низко кланялись они князю, а нам с усмешкою говорили: “Черкез-казак якши, рака будет кушай”. Уж и дали ж они нам раки (анисовая водка. — *Примеч. ред.*), изменники треклятые, трусы подлые, что умеют бить только лежачего. Справивши почетную встречу, повели они нас в город, а там были положены две засады да с боков скрытно расставлены две орды в дворах за высокими глиняными заборами. Уличка, где эта ловушка была устроена, и по коей они нас вели, была узенькая и изгибалась как змея; проезжали мы по два и по три коня — больше нельзя; задним совсем не видать передних по кривулинам. Как только миновали мы первую засаду, она поднялась, запрудила улочку и бросилась на наших задних, а вторая загородила дорогу передним и начала по ним палить. Не знают наши, вперед ли, назад ли действовать? А в это самое время показалась орда с обоих боков улочки и давай жарить с заборов, с крыш, с деревьев, из окон домов. Вот в какую западню мы втюрились. И не приведи же, Господи, какое началось там побоище: пули, камни сыпались на нас со всех сторон, даже пиками трехсаженными донимали нас сверху: знаешь, как рыбу багряют на Яике зимой. Старшины и пятидесятники с самого начала крикнули: “С конь долой! ружье в руки!”, а потом все подают голос: “в кучу, молодцы, в кучу!” Куда ж там в кучу, коль двум, трем человекам с лошадьми обернуться негде. Бились в растяжку, да и бились же не на живот, а на смерть, поколь ни одного человека не осталось на ногах. Раненые, и те отбивались лежащие, не хотели отдаваться в полон. Раненых

было много, затем, что неприятель бил все сверху, прячась за свои заслоны, и неловко попадал, а какой смело выставлялся, того наша пуля не миновала. Под конец дела, наших раненых топтали лошади, в переполохе, а хивинцы их дорезали. Ни один человек не вышел из треклятой трущобы, все там полегли. Не пощадили изверги и казачьих трупов: у иных отрезывали головы, вздевали на пики и носили по базарам. Бековича схватили раненого, как видно, не тяжело, поволокли во дворец и там вымучили у него приказ к отряду, чтоб расходился малыми частями по разным аулам на квартиры; а когда разошлись таким глупым порядком, в те поры одних побили, других разобрали по рукам и повернули в ясыри. После того, как Бекович подписал такой приказ в ханском дворце, его тиранили всякими лютыми муками, еще с живого сдирали кожу, сперва с головы, а потом с рук и с ног, да все приговаривали: “Не ходи, Довлет, в нашу землю! не отнимай у нас Аму-Дарьи реки! не ищи золотых песков!” Каким же родом, спросите вы, я-то остался жив? А вот каким. Я безотлучно находился с боку дяди Иева: сказано, — от дяди ни пяди. Когда спешились, он велел мне держать коней, а сам все отстреливался; кони дюже бились, а он мне: “Держи, держи, Ванюша, не робей, дурачок! даст Бог отмахаемся, а там опять на конь и тогда вот как погоним их, поганцев!” Тут покойник изругался неладно, а меня вдруг трахнуло камнем по голове, в глазах пожелтело, и я повалился без чувств лошадям под ноги. Долго ли находился я в этом бесчувственном состоянии, сказать не умею, только очнулся, себе не на радость, в дворе одного знатного хивинца; двор большой, вокруг меня много народа с зверскими лицами, а дядина голова, смотрю, торчит на пике. На меня надели цепь, как на собаку, и с того страшного дня началась моя долгая горькая неволя. Нет злее каторги на свете, как жизнь в ясырях у басурман».

Спустя полтора года с лишком лет после несчастного похода князя Бековича, вновь Терские казаки приняли участие в походе на Хиву, в 1873 году. Русские войска вели наступление тремя отрядами по различным направлениям от Туркестана, Оренбурга и Мангишлака (Кавказский отряд). В Мангишлакском отряде в числе прочих Кавказских войск (7 рот Апшеронцев, 2 роты Самурцев, 3 роты Ширванцев, 1 рота Саперного батальона, 4 орудия 2-й батареи и 1 единорог 1-й батареи 21-й артиллерийской бригады) были и четыре сотни Кавказских казаков: Кизлярско-Гребенская, Владикавказская, Сунженская и Ейская. Войска почти не встретили сопротивления, и 29 мая 1873 года Хива была занята русскими.

В 1879 году были за Каспием и Волгцы: 2-я и 4-я сотни Волгского полка участвовали в Ахал-Текинской экспедиции и при штурме Геок-Тепе, а когда в 1885 году после Кушкинского столкновения на Афганской границе двинуты были за Каспий войска, то в числе прочих находился и 1-й Кизлярско-Гребенский полк. Все эти походы последнего времени хотя и не дали случая Терцам записать в истории своих подвигов яркую страницу, все же лишней раз доказали, что и современные поколения Терцев несколько не уступают своим предкам в самых характерных для линейца качествах — в лихости и предприимчивости.

II. Первые турецкие и персидские войны

Первые встречи Терцев с турками. Терцы под Азовом. Анапские походы Текелли и Гудовича. Поход Зубова в Персию. Начало постоянной службы Терцев в Закавказье. Первые подвиги

Исконными противниками Руси на Ближнем Востоке являлись два слабые ныне, но могущественные в былые времена мусульманские государства — Турция и Персия. По горло занятые боевыми делами у себя дома на Тереке, где не смолкая грохотали выстрелы то в одной, то в другой стороне, Кавказские казаки не всегда имели время и возможность принять непосредственное участие в столкновениях России с этими державами и показать свою удаль казацкую на турецких и персидских головах.

Тем не менее первое серьезное боевое знакомство Терцев с турками и подвластными им крымцами и темрюкскими черкесами произошло еще около 1593 года, когда Турция предъявила русскому послу Семену Безобразову требования принять меры против дерзости Терских казаков. Посланник писал к Царю: «Да чтоб ты, государь, унял Терских казаков, что они чинят Царя Турского людям обиду великую: приходили де к городу Темрюку и посады пожгли; и буде ты, государь, казаков Терских не уймешь и не сведешь (с Терека реки), и миру довека нельзя остаться»... (Дела Крымские, XX, 9 и 10).

Вновь встречаем мы Терцев близ Азовского моря в 1646 году, когда после беспримерного в истории, славного Азовского сидения (1641) Донских казаков, турки и крымцы грозились громить Дон, то по Цареву указу Гребенцы и Терцы под предводительством Астраханского воеводы князя Пожарского и вождя Терского войска князя Муцала Сунчалеевича Черкасского с «многими Терскими Царского Величества ратными людьми, и с Черкасскими, и с Горскими, и с Кумыцкими князи и мурзы, и с Ногайскими, и с Эдисанскими мурзы и с Татары» пришли в Черкасск, на Дон, для совместных военных действий против Крыма. 6 июля под самым Черкасском Муцалу Сунчалеевичу с Терской ратью пришлось выдер-

жать упорный бой с неожиданно, ночью порой, напавшим многочисленным (до 10 000 человек) противником. «И учинил он» писали о том в Москву Донцы (Д.Д. I, 910), «князь Мусал с ними бой. И послыша мы тот их бой и крик, вышли мы к нему, к князю Мусалу, на выручку тотчас наспех всем войском, конные и пешие, и учинили мы с ними бой. И князь Семен Романович Пожарский пришел со всею ратью не замешкав же ни часу. И билися мы, Государь, с ними с утра и до вечера, и кровопролитие у нас, Государь, было с ними великое. И Божиею милостью, а твоим Государевым Царевым счастием, с кошу (лагерь, стан. — *Примеч. ред.*) мы их сбили, и многих людей побили, и языков у них побрали. А царевич (Крымский) со всеми своими людьми пошел от нас отводом с великою нуждою. И на том, Государь, бою князь Семена Романовича Пожарского ранили из лука, да письменного голову Якова Хрушова ранили ж; да и наших, Государь, казаков и князь Мусаловых узденей и Терских казаков многих переранили и коней у нас наповал многих же побили».

Затем довелось быть Гребенцам и Терцам в боях под Чигирином, в Малороссии, в 1677 году, а в 1687 и 1689 годах в походах князя Голицина на Крым. В 1695 году они снова бьются с турками под Азовом в составе русского осадного корпуса Гордона. После постройки Кизляра и заключения с Персией прочного мира на условиях перенесения русской границы с Сулака на Терек, мы видим Гребенцов, Терцев и неразлучных с ними кабардинцев под Азовом в 1736 году и с калмыкским ханом Дондуком-Омбо в Прикубанском крае, где бьются они и с татарами, и с турками, и с закубанскими черкесами (бесленевцами и темиргоевцами), и с некрасовскими казаками (перешедшими после восстания К. Булавина на сторону Турции. — *Примеч. ред.*).

Во всех этих походах Терцы участвуют на случайных неопределенных началах, — в их «станицы» (отряды) собираются только лишь «кто пожелает и у кого кони есть». Со второй же половины XIX века участие Терских казаков в внешних войнах России становится более обычным и принимает более правильные формы.

В русско-турецких войнах того времени Терцам пришлось не раз побывать в турецком Закубаньи и между прочим три раза под сильной турецкой крепостью Анапой, лежавшей на берегу Черного моря между Суджаком (ныне Новороссийск) и устьями Кубани.

Первоначально на месте Анапы стоял небольшой редут, но в 1781 году турки обратили его в первоклассную крепость, настолько хорошо оборудованную, что она получила название «ключа азиатских берегов Черного моря». Первое появление русских под Анапой, в 1788 году, под предводительством генерал-аншефа Текелли, носило характер усиленной рекогносцировки и кончилось ничем. В походе под Анапу принимали деятельное участие Моздокцы, Волгцы, Терцы и Гребенцы, особенно отличившиеся в бою с турками (2 1/2 тысячи) и с закубанскими черкесами (до 8000) в верховьях реки Убина, 26 сентября. Во время этого боя Терцы и Гребенцы, руководимые отважным подполковником Селим-Гиреем, племянником последнего крымского хана, разгромили черкесскую конницу и отбили в схватке неприятельское знамя.

Ранней весной следующего года генерал Бибииков попытался овладеть Анапой, но несмотря на необычайное мужество и выносливость войск, поход был крайне неудачен и отряд почти весь погиб. Однако через два года (1791) генерал Гудович, осадивший Анапу с отрядом, не превышавшим 10 000, взял ее штурмом. Не спасли Анапу ни чрезвычайно выгодные природные условия, ни об-

разцовые оборонительные укрепления, ни огромная артиллерия, ни фанатически настроенный многочисленный гарнизон, доходивший до 15 000 человек.

Разделив отряд на четыре колонны, Гудович в полночь с 21 на 22-е июня двинул три из них на приступ, а четвертую (генерала Загряжского) поставил с противоположной стороны лагеря заслоном против нападения черкесских полчищ, оказывавших деятельную помощь осажденной крепости. В эту-то колонну и попали наши славные Терцы. Когда штурмующие уже ворвались в крепость, то 8000 черкес, высыпав из соседних горных ущелий, ударили вдруг на горсть Линейцев, стоявших впереди отряда Загряжского. Но «отменно храбрые Гребенские и Терские казаки не подались ни шагу назад», как писал об этом в своем донесении сам Гудович. Поддержанные Таганрогскими драгунами, ударившими черкесам во фланг, казаки перешли в наступление и окончательно опрокинули противника. Отдавая должное лихости казаков, Гудович о Гребенцах писал Императрице Екатерине II: «Гребенские казаки отменно храбрые, хорошо стрелять умеющие и для здешнего горского края полезны; можно оных почестъ конными егерями. Они и в прошедший поход под Анапой везде себя особливо отличали».

Через пять лет мы находим Линейцев уже на противоположной стороне Кавказа, — на побережье Каспийского моря, в Дербенте, Баку и в далекой Муганской степи, принимавшими участие в славном, но бесполезном походе графа В.И. Зубова на Персию. Еще 19 декабря 1795 года, как бы в виде авангарда, был двинут из Кизляра к Таркам и далее генерал Савельев, бывший командир Моздокского полка, с отрядом из трех родов оружия, имея в том числе более 500 Линейцев (100 Моздокцев, 100 Гребенцов, 200 Терцев и 116 человек Моздокской

легионной команды). В составе главных сил Зубова было кроме того до 2000 казаков, в числе которых было 300 Гребенцов, 75 Терцев, 320 Волгцев, 300 Моздокцев и 12 казаков Легионной команды. Недолго тянулась осада Дербента, в которой особенно отличились Гребенцы и Волгцы: 10 мая крепость сдалась и графу Зубову поднесены были серебряные ключи города. 13 июня отряд уже занял Баку, и на зимовку казаки расположились в Муганской степи, на правом берегу реки Куры, через которую переправились 21 ноября. Поход этот, несмотря на сопутствовавший ему успех, оказался совершенно бесполезным, так как со вступлением на престол Императора Павла I, зимой же 1796 года, частям отряда было приказано возвратиться на Линию.

Весной 1802 года генерал-лейтенант Кнорринг, назначенный начальником Кавказского края, отправляясь в недавно присоединившуюся к России Грузию, сформировал на Линии семисотенный Сборный Линейный казачий полк, который взял с собою в виде конвоя. С этих пор началась постоянная служба Линейцев в Закавказье, где всегда находился при главном начальнике края Сборный Линейный казачий полк, численность которого колебалась между 300 и 500 казаков. Линейцы принимают после того участие во всех крупных и во множестве мелких сражений в Закавказье, причем везде и всюду отличаются с самой лучшей стороны, особенно выделяясь своей «храбростью и предприимчивостью», качествами, которые у них подметил строгий ценитель и знаток людей Ермолов. В следующем же (1803 году) сменная команда Гребенцов в 30 человек, возвращаясь из Закавказья домой, оказывает существенную поддержку генералу Тучкову в схватке его с горцами, занявшими Дарьяльское ущелье, причем спешенные Гребенцы смело и решительно атакуют засевшего в скалах противника.

В 1804 году Линейцы отличаются в бою под Эриванью, когда, одержав с чрезвычайными усилиями победу над персами, главнокомандующий князь Цицианов не решился пустить утомленные походом и битвой войска преследовать противника, между тем как Линейцы есаулы Сурков и Егоров с 30 казаками Семейного и Гребенского войска, обскакав гору, успели отрезать часть бегущей персидской армии и отбили 4 знамени и 4 фальконета (легкие орудия. — *Примеч. ред.*) на верблюдах.

В 1807 году Линейцы участвуют в бою под Гумрами (ныне Александрополь) 18 июня, а 4 октября они преследуют с генералом Портнягиным бежавшего из Эривани Гусейн-Кули-хана Эриванского. Через год, 17 октября 1808 года, вновь отличаются во время преследования того же Гусейн-Кули-хана в составе особого отряда подполковника Подлущкого (200 егерей 15-го полка, 4-го эскадрона Нарвских драгун и 200 Линейцев), который доносил Гудовичу: «Весь его (хана Эриванского) лагерь и собственный его экипаж, катеров до 50-ти с вьюками, в добычу достались грузинским, шамшадильским, борчалинским и российским войскам, кои ныне все тяжело обвьючены. У казаков добычи нет никакой, потому что за ними драгунские фуктели (“рубачи”) вслед летели»...

В 1812 году мы находим Линейцев в Кахетии, где они принимают участие в усмирении восстания кахетинцев, и в Карабахе с генералом Ртищевым (в числе 350); в Хевсурии, в карательной экспедиции, и т.д. Словом, Линейцы появляются везде, сопутствуя Главной Квартире Начальника края, и все больше и больше укрепляют за собой славу лучших бойцов, превосходящих всех прочих в отваге, смелости, расторопности и сообразительности. И донныне еще приходится слышать про линейского казака полупрезрительную-полузавистливую поговорку, что он «голый, как мышь, а острый, как бритва».

III. Русско-турецкая война 1828—1829 годов

Повод к войне. Первые стычки. Линейцы под Карсом и Ахалцихом. Взятие Гакки-паши. Подвиг 12-ти Линейцев на Эрзерум-Бейбуртской дороге. Образование Варшавского дивизиона

Начатая еще Петром Великим упорная борьба России с Персией за обладание Каспийским побережьем и восточным Закавказьем закончилась 9 февраля 1828 года Туркманчайским мирным договором, условия которого и донныне являются основой взаимных отношений Персии и России. Но не успела кончиться война с Персией, как завязалась новая борьба — с Турцией.

Поводом к войне послужило освобождение Греции из-под Турецкого владычества и уничтожение турецкой эскадры под Наварином (в Греции) соединенными флотами России, Франции и Англии 18 октября 1827 года. Война разыгралась на Балканском полуострове и на Кавказе. Линейцам довелось принять участие только в боевых действиях на Азиатском театре войны. В начале войны в действующей Кавказской армии графа Паскевича находились две линейные части — Сборный Линейный казачий полк, бывший под командой подполковника Верзилина (впоследствии Наказного Атамана Линейного Войска), составлявший конвой Главнокомандующего, и конно-артиллерийская Линейная казачья № 5-й полурота. Впоследствии прибавились 2-й Сборный Линейный казачий полк и конно-артиллерийская Линейная казачья № 6-й рота.

14 июня Паскевич двинул свои войска (до 12 000) через Арпачай (близ нынешнего Александрополя) против турок, армия которых доходила до 60 000 человек. Уже 19 было первое дело Линейцев с турками, причем Ли-

нейцы, двинутые в помощь Донцам, теснимые делибашами, сначала стойко держались против наседавшего противника и лихо перестреливались, джигитуюя в конном строю, а затем, ударив в шашки и сбив делибашей (что значит «сорвиголова», т.е. обрекший себя на смерть), заставили их предпочесть бегство лютой смерти под казачьими шашками.

На другой день русские осадили первоклассную турецкую крепость Карс, во время усиленной разведки к которому Линейцы опять отличились: сотня Линейцев спешившись, шла в передовой цепи, а два орудия картечным огнем помогали штурмующим. Еще больше отличились «батареицы» 12 июня, когда два казачьих орудия под командой есаула Зубкова заставили замолчать шестиорудийную турецкую батарею. Руководивший наступлением генерал Муравьев говорил, что пальму первенства перед всеми батареями в этот день нужно было отдать конно-артиллерийской Линейной казачьей роте, отличавшейся особым проворством прислуги и лучшим сортом лошадей, которые были привычны к горам и не знали препятствий. Сам есаул Зубков был выдающийся офицер, постоянно отличавшийся во всю войну отважными и смелыми действиями. Он всегда сам наводил орудия, не любил диоптров и заменял их своими двумя указательными пальцами, которые ставил на тарель орудия, и ядро, пущенное с его батареи, редко не попадало в цель.

23 июня Карс был взят штурмом. За ним русские овладели Ахалкалакской крепостью и 4 августа подошли к Ахалциху, десятитысячный гарнизон которого решил драться до последней капли крови и долго выдерживал осаду. Известие о приближении турецких подкреплений заставило Паскевича решиться на штурм. Упорный бой кипел всю ночь, и только утром 15 августа Ахалцих пал.

Ермак Тимофеевич. Неизвестный художник первой половины XVIII в.

Гетман Богдан Хмельницкий

*Поединок казака с уланом.
Художник В. Мазуровский*

Татарские воины

*Казачи, преследующие наполеоновские войска.
Художник О.-Ж. Дезарно. 1820 гг.*

Казак и француз

Кавказский горец. Акварель 1840-х гг.

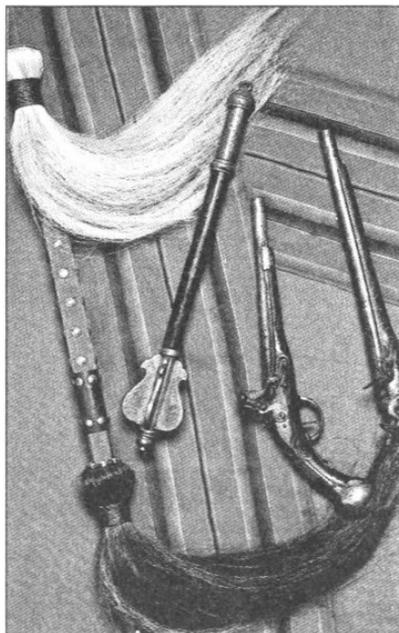
Кавказский казак. 1860 г.

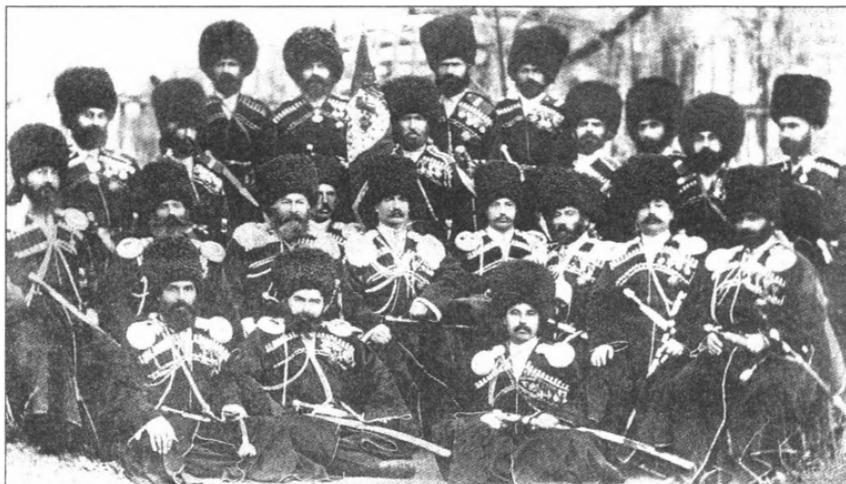
Терский казак

*Семья казака 1-го Волгского полка
Пятигорского отдела
Терского казачьего войска*

*Казачья амуниция.
Пистолы, бунчук, пернач*

Группа кавказских казачьих офицеров. 1860-е гг.

Битва с чеченцами под Акбулат-Юртом

*Шамиль деятельно
вел борьбу с Россией
в течение 25 лет*

*Медаль за покорение
Чечни и Дагестана. 1859 г.*

*Пленный Шамиль представляется
князю Барятинскому. 1859 г.
Художник А. Кившенко. 1880 г.*

Линейные казаки

Казачий пикет. Рисунок начала XIX в.

*Обер-офицер команды Кавказского казачьего
линейного войска.*

Художник Д. Монтен. 1830-е гг.

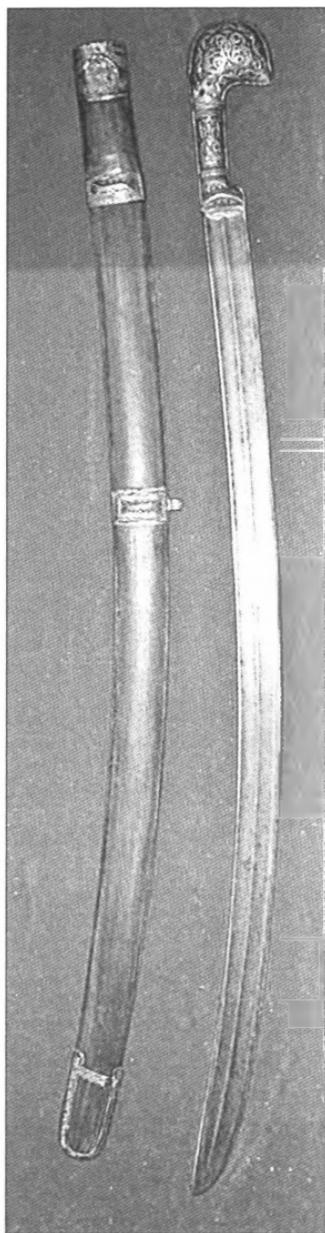
*Офицерская шашка кавказского образца со знаком ордена
Св. Анны. Конец XIX в.*

Терские казаки в форме. 1871 г.

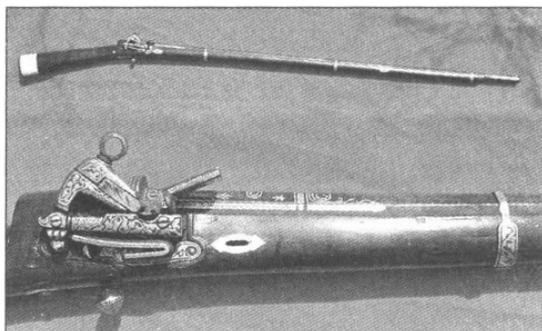
*Казак-кавказец. Художник
Е. Лансере. 1921 г.*

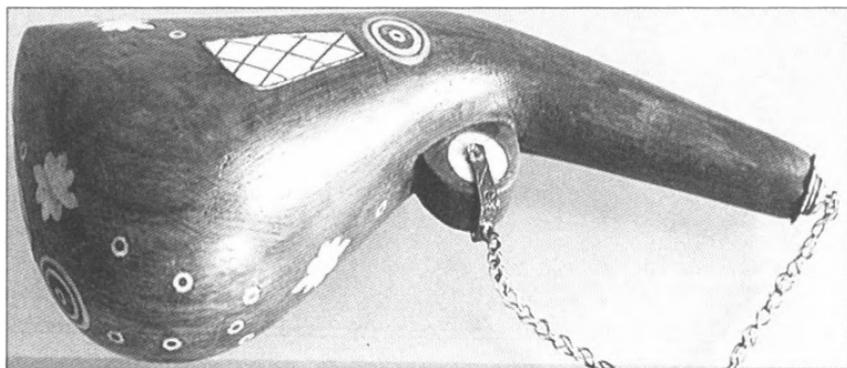
*Кавказская
казачья шашка.
Конец XIX —
начало XX в.*

*Костюм казака Кавказского
линейного войска*

Кавказское кремневое ружье

Казачья пороховница XIX в.

Генерал П. И. Мищенко

Полковник Н. Н. Баратов

*Упорная борьба с Шамилем
выдвинула ряд героев,
среди которых был
атаман Я. П. Бакланов*

Генерал-майор Ф. А. Круковский

Терские казаки уходят на фронт. 1914 г.

Терские казаки на фронте. Первая мировая война

Главная роль в этом бою принадлежала Ширванцам, которых поддержал в самую трудную минуту все тот же есаул Зубков, следом за ними ворвавшийся с помощью сапер чрез палисад в крепость с орудиями и открывший огонь через головы Ширванцев. Несмотря на две контузии, полученные в грудь, храбрый есаул Зубков, лежа на бурке, руководил огнем батареи. За это дело он получил Георгия 4-й степени.

В следующем году покрыли себя Линейцы славой, совершив чудеса храбрости в деле у Катанлы, за Саганлугом, когда тридцатитысячный корпус турецкого сераскира (главнокомандующего) был разбит наголову, и в бою 20 июня у Милли-Дюза с Гакки-пашою, спешившим с 20 000 турок на соединение с сераскиром. В этом последнем бою Сборному Линейному полку, бывшему под командой Верзилина, удалось во время преследования отступавшего неприятеля изрубить более 200 турок и 100 человек взять в плен, а в том числе и самого начальника корпуса Гакки-пашу. Счастье захватить в плен пашу выпало на долю двух урядников Горского казачьего полка Александра Венеровского и Бориса Атаршикова, известных еще на Линии своим удалством. Несмотря на то, что паша был окружен большой свитой, смельчаки врубались в толпу турок и схватили его. Растерянная свита кинулась в рассыпную, но вся пала под шашками Линейцев. В 11 часов утра Венеровский и Атаршиков представили Гакки-пашу Паскевичу, который тут же произвел их в офицеры.

27 июня Паскевич уже без сопротивления занял Эрзерум, и войска были двинуты к Бейбурту, где в бою 27 сентября сотник Волгского полка Чуксеев отбил турецкое знамя. Боями под Бейбуртом закончились военные операции в Азиатской Турции. Мир между державами был заключен 2 сентября в Адрианополе, и по до-

говору Россия получила Ахалцихский и Ахалкалакский округа, а также Черноморское побережье от Анапы до Поти.

В числе прочих частей получили боевые награды и Линеицы: Линеиной казачьей конно-артиллерийской № 6-й роте даны были знаки «За отличие», а Войскам Гребенскому, Терскому Семейному, Кизлярскому и полкам Кавказскому, Кубанскому, Хоперскому, Волгскому, Горскому и Моздокскому, из которых комплектовались Сборные Линеиные полки, были пожалованы знамена с надписью «За отличие в Турецкую войну и за дела против горцев».

В течение двух лет войны храбрые Линеицы имели много случаев выказать свою беззаветную отвагу и необычайную находчивость при самых трудных обстоятельствах. Из их бесчисленных подвигов нельзя умолчать еще об одном, наиболее ярко обнаруживающем удаль терского казака, — о 12-ти линеицах 2 Сборного полка, отправленных с депешами из Эрзерума в Бейбурт. Уже в начале своего пути казаки встретили транспорт, конвоируемый сильным прикрытием, которое предупредило их, что по дороге проехать крайне опасно, так как вся окрестность наполнена турецкими шайками. Тогда линеицы выбрали из своей среды старшим старого гребенского казака Семена Бакалдина, бывшего в кавказских переделках, осмотрели еще раз коней и оружие и, возложив упование на милосердие Божие, тронулись в дальнейший путь, усилив свою бдительность. Но как ни осторожно ехали казаки, на третьем переходе они вдруг лицом к лицу столкнулись с 30-ю конными турками, внезапно выехавшими из придорожного оврага. Казаки, по знаку Бакалдина, спешились и, залегши за камнями, открыли огонь; турки сделали тоже, — и

на большой дороге закипала оживленная перестрелка. Бакалдин смекнул однако, что сколько бы времени они ни стреляли, а ехать вперед все же надо, да и турок пульей с дороги не стонишь, — крикнул: «наконец!» В одну минуту линейцы были уже в седлах, дали залп и выхватив шашки, ринулись на неприятеля. Внезапность нападения до того озадачила турок, что толпа их бросилась с дороги в сторону, к ближайшей деревне, не успев захватить даже тело одного из своих товарищей. Казаки неслись за ними с ужасающим гиком, но заметив, что из деревни скачет другая толпа, они, отстреливаясь, отступили опять на дорогу и, проскакав по ней во весь дух несколько верст, поехали шагом. Погони не было. Но вот на дороге узкий каменный мост. С двух сторон подступали к нему громадные скалы и, сдвинувшись вместе, образовывали такой узкий коридор, по которому можно проехать только гуськом. Казаки приостановились. Кавказское чутье подсказало им, что здесь должна быть засада. И, действительно, несколько выстрелов, пущенных наудачу, разом вызвали 20-ть ответных пуль. Теперь не было сомнения, что неприятель засел по гребню скалы и сторожит свою добычу. Но миновать это роковое место было нельзя. Казаки попытались было выбить врата меткими выстрелами, но пули только рикошетировали, ударяясь о камни, и безвредно проносились над головами турок. Патроны, между тем, все были израсходованы, и оставалось одно — прорваться чрез ущелье. Бакалдин опять крикнул «наконец!» — и казаки гуськом, по кустам и острому каменнику, понеслись под перекрестным огнем неприятеля. Но видно Бог хранил удальцов, — ни один турок не загородил им дороги, ни одна пуля не попала в цель, и через несколько минут удальцы были вне

опасности. Дав вздохнуть коням, Бакалдин раздал товарищам несколько патронов, случайно сохранившихся у него в переметных сумках, и снова казаки тронулись в дальнейший путь. Едва они проехали версты две, как в третий раз перед ними явился неприятель, в числе 28-ми человек, преградивший им дорогу. Но, изведав уже на опыте, что перестрелка не приведет ни к чему, казаки, выхватив шашки, ринулись на турок, и через минуту вогнали их в лесистое ущелье... Еще час пути, — и вдаль показался Бейбурт... Казаки вздохнули свободно.

Главнокомандующий произвел Бакалдина в урядники и пожаловал ему знак отличия Военного Ордена; два другие креста украсили грудь его товарищей, по выбору самих казаков. Это были: Терско-Семейного Войска казак Андрей Панков и Моздокского — Мартын Мельников.

Отдавая должное выдающимся боевым качествам Линейцев, граф Паскевич настолько к ним привязался за время Кавказских походов, что получив в 1831 году назначение в Польшу на борьбу с польским восстанием, взял с собой и туда Сборный Линейный казачий дивизион. В следующем же (1832) команда отборных казаков Варшавского дивизиона вошла в состав Собственного Его Величества Конвоя и послужила ядром для образования впоследствии Терских сотен Конвоя.

IV. Восточная война 1853—1856 годов (Севастопольская кампания)

Начало войны. Ахалцих. Баш-Кадыкларское дело 19 ноября 1853 года. Бой у Кюрюк-Дора 24 июля 1854 года. Обложение Карса. Лихое дело Линейцев у Пеняка 30 августа 1855 года. Падение Карса и Парижский мир

По окончании Турецкой войны 1828—1829 годов русское влияние сделалось в Константинополе настолько преобладающим, что в 1833 году между Россией и Турцией был заключен оборонительный договор, по которому мы должны были, в случае необходимости, помогать Турции войсками, а она обязалась не пропускать чрез пролив в Черное море иностранных военных кораблей. Наши давнишние соперники на европейском Востоке — англичане и французы, опасаясь возроставшего могущества России и желая уничтожить наш черноморский флот и все военные портовые сооружения, рассорили нас с Турцией, а потом приняли ее сторону, объявив нам войну; к Англии, Франции и Турции присоединилась и Сардиния. Таким образом России пришлось иметь дело с союзом четырех держав, почему и сама война получила также имя «Союзнической».

Начавшиеся в конце 1853 года военные действия застали наши войска на Кавказе совершенно не готовыми. Между тем турки двинули в октябре сорокатысячную армию к Александрополю и 18 000 человек к Ахалциху. 2 ноября наш семитысячный отряд под начальством князя Орбелиани, высланный навстречу туркам главнокомандующим князем Бебутовым, был разбит под Баяндуром и избежал полного поражения только вследствие своевременного прибытия подкреплений. В это время все враждебные нам элементы на Кавказе заволновались, и положение наше стало критическим.

Однако благодаря энергии некоторых начальников и несравненной отваге наших войск, дела наши начали вскоре поправляться. 14 ноября князь Андроников с отрядом в 7000 человек разбил наголову под Ахалцихом восемнадцатитысячный отряд Али-паши, причем в наши руки попало 11 орудий, 5 знамен, 18 значков, весь лагерь и даже канцелярия Али-паши; наша

потеря была 361 человек, между тем как турки потеряли более 3 1/2 тысяч.

Гром Ахалцихской победы произвел успокаивающее влияние на местное население и возбудил соревнование в главном русском отряде, который в числе 10 000 человек с 32-мя орудиями стоял под Александрополем, наблюдая за турецким отрядом у Баш-Кадыклара, под командою Ахмеда-паши, силой в 36 000 человек при 46-ти орудиях. Наступление этого небольшого отряда, 19 ноября, против сильно укрепленной турецкой позиции, прикрытой с фронта скалистым оврагом, казалось туркам столь дерзким, что Ахмед-паша сказал окружавшим его лицам: «Русские или с ума сошли, или упились своей поганой водкой!» Однако решительное наступление гренадерской бригады в штыки и смелые действия конницы на нашем левом фланге вскоре окончательно склонили победу на нашу сторону. Руководивший конницей генерал Багговут двинул имевшиеся в его распоряжении 9 сотен линейцев (3 сотни полковника Камкова и 6 сотен полковника Евсеева) с Донским артиллерийским дивизионом есаула Кульгачева и дивизион Нижегородских драгун на обходившие наш левый фланг массы турецкой регулярной кавалерии и курдов, опрокинул их и в пылу преследования попал на правый фланг турок. Лихой есаул Кульгачев в 50-ти шагах от турецкого каре снялся с передков и осыпал картечью не ожидавшего ничего подобного неприятеля. Линейцы кинулись в шашки, за ними пошли Нижегородцы, — и весь правый фланг (с частью центра) турецкого расположения был смят и опрокинут. Главная турецкая батарея в 20 орудий досталась победителям. Турки были совершенно разбиты, потеряв лагерь, весь обоз, 24 орудия и около 6000 человек; наша потеря состояла из 1243-х человек. Последствия Баш-Кадыкларской победы были громадны; все

население Кавказа ясно увидело, что наша власть стоит прочно, и что многочисленность и сила наших врагов не обеспечивает еще им верного успеха: готовившееся в крае восстание сразу затихло.

1854 год начался удачными действиями наших войск в Гурии и Имеретии. В июне месяце александропольский отряд под начальством князя Бебутова, силой до 22 000 человек двинулся к Карсу и занял позицию у Кюрюк-Дора, не решаясь атаковать крепость по недостатку осадного парка. Между тем 60-тысячная турецкая армия Зарифа-паши, по настоянию руководивших ею иностранных офицеров, двинулась для атаки нашего отряда, который одновременно перешел в наступление. На рассвете 24 июля обе армии случайно столкнулись на равнинах в трех верстах от Кюрюк-Дора и завязали ожесточенный бой, в котором Линейцы покрыли себя неувядаемой славой. В самом разгаре боя, стоявшие на правом крыле казаки были пущены в атаку на обходившую нас турецкую конницу. Три сотни полковника Скобелева (отца «Белого генерала»), за ними полк Камкова, три сотни Донцов и конно-мусульманская бригада, поддержанные дивизионом Тверских драгун с дружным «ура!» кинулись вперед. Вся масса турецкой кавалерии была в миг рассеяна. Линейцы Скобелева, захав вперед правым плечом, атаковали дивизион конной артиллерии и взяли три орудия. Турецкий уланский полк, бросившийся на выручку орудий, был атакован с фронта сотнями Скобелева, Донцами и Тверскими драгунами, а с фланга — Линейцами Камкова, и почти весь истреблен. Увлеченные преследованием Линейцы гнали противника до тыла его расположения сквозь интервалы турецкой пехоты. В конце концов турки были разбиты наголову и в полнейшем расстройстве отступили в Карс, потеряв в этом бою 15 орудий, 26 знамен и значков и до 10 000 че-

ловек убитыми, ранеными и пленными; кроме того, у них разбежалось до 12 000 башибузуков. Наша потеря была около 3000 человек. Несмотря на эту блестящую победу, князь Бебутов все-таки не решился приступить к осаде Карса, защищавшегося 40 тысячной турецкой армией, и осенью отошел обратно к Александрополю.

Одновременно с этими событиями разыгрались серьезные военные действия и на Эриванском театре военных действий.

Военные действия 1855 года на Азиатском театре не были столь решительны, как первые два года. Турки, очистив Закавказье, отступили к Эрзеруму. Только лишь в Карсе оставили они 20-тысячный гарнизон, в надежде на сильные естественные и искусственные укрепления, делавшие эту крепость неприступной. Русские обложили Карс и успешно блокировали его до половины ноября.

Несколько раз турки пытались прорвать блокаду и пробиться на выручку к Карсу, но напрасно. Одна из таких попыток была сделана в конце августа и дала случай «закаленным в боях» Линейцам показать во всю ширь свою удаль и умение пользоваться минутой и обстоятельствами. Получив известие, что сильный кавалерийский отряд турок (более 3000 при 4-х горных орудиях) сосредоточился в Пеняке (верстах в 120-ти к западу от Карса, по Карсо-Ольтинской дороге), Муравьев двинул против турок отряд Ковалевского, передовую часть которого составляли 4-е сотни Линейцев, ракетная команда и сотня охотников (разведчиков-добровольцев. — *Примеч. ред.*). Давно уже тяготясь вынужденной бездеятельностью под Карсом, казаки, радуясь встрече с врагом, понеслись вперед «по-линейски», как привыкли скакать дома на тревоги. Длинной вереницей растянулись они по тесному ущелью, когда головные удальцы, в 6 часов вечера 30 августа, домчались до Пеняка. Несмотря на встречный ру-

жейный огонь, передовая сотня князя Туманова бросилась в шашки на встретивших ее башибузуков и на их плечах ворвалась в селение Пеняк. Подоспевшая ракетная команда сотника Вакульского очистила склоны ущелья от стрелков, — и Пеняк был наш. Хотя Линейцам не давалось задачи атаковать весь отряд, но упоенные успехом, они кинулись в шашки на пораженных неожиданностью турок. Те, не выждав удара, обратились в бегство, сперва право-фланговый а потом и лево-фланговый полк; примеру их последовали и все прочие неприятельские войска. Есаул Сердюков взял с боя одно орудие, остальные же ушли вместе с их прикрытием. Али-паша покушался остановить бежавшие войска, и если не был убит окружившими его казаками, то спасся, вероятно, только благодаря капитану Романовскому, который, усмотрев раненного, но все еще продолжавшего сопротивляться, пашу, успел остановить казаков. Али-паша был захвачен в плен. Главная масса турок бежала по ольтинской дороге, а другая к селению Котык. Капитан Романовский, собрав, по возможности, казаков, из которых одни были увлечены в разные стороны преследованием бежавших турок, а другие кинулись в их лагерь, направил казачьи сотни по ольтинской дороге. Линейцы гнали неприятеля на протяжении 15 верст, и только наступившая темнота и совершенное утомление лошадей заставили их прекратить преследование, в продолжение которого взяты ими еще два орудия, четвертое же захвачено по дороге в селение Котык, куда сам Ковалевский послал часть своей колонны. Урон неприятеля простирался одними убитыми до 300 человек. В плен взяты, кроме начальника отряда Али-паши, один офицер и 45 нижних чинов, остальные разбежались по горам. С нашей стороны убитых не было; ранены два казака и 6 милиционеров (ополченцев. — *Примеч. ред.*).

16 ноября Карс сдался, причем 30-тысячная турецкая анатолийская армия во главе с главнокомандующим муширом Вассиф-пашей и восемью другими пашами попала в плен. Однако, невзирая на такой успех на Азиатском театре, война в общем не была удачна для России. Падение Севастополя привело к тому, что согласно Парижскому миру, окончившему эту кровопролитную войну, мы должны были, кроме других тяжелых условий, возвратить Турции все завоеванные нами у нее в эту войну области.

V. Русско-турецкая война (За освобождение славян)

Повод к войне. Распределение русских войск. Участие Терцев в войне. Славные дела Гребенцов, Моздокцев, Волгцев и Владикавказцев. Восстание в Чечне и Дагестане. Приказ Наказного Атамана

12 апреля 1877 года Россия объявила Турции войну, и наши войска перешли границу как в Закавказье, так и на Балканском полуострове. Ближайшим поводом к войне послужило восстание славянских народов (Сербов и Болгар) против власти турок и страшные зверства, допущенные турками при подавлении этого восстания. Война кончилась в 1878 году полной победой русских, и по Берлинскому мирному договору к России отошли Карская и Батумская области.

Для ведения военных операций на Европейском театре была сформирована Дунайская армия, поступившая под командование Великого Князя Николая Николаевича, а руководство военными действиями на Кавказе было вручено Наместнику Кавказскому Великому

Князю Михаилу Николаевичу. Кавказские войска были разделены на отдельные отряды: Кобулетский генерала Оклобжио (до 38 000 человек), для действия на черноморском побережье, Александропольский генерала Лорис-Меликова (до 25 000 человек) у Александрополя, Эриванский генерала Тергукасова (до 11 1/2 тысяч человек) у Игдыря и Ахалцихский отряд генерала Девеля (до 9000 человек) у Ахалкалак.

С самого начала войны на Кавказском театре находилось семь полков и одна батарея Терского Войска, распределявшихся по отдельным отрядам (в Александропольском — полки 1-й и 2-й Горско-Моздокские, 1-й и 2-й Волгские, 2-й Кизляро-Гребенской, и 1-я Терская казачья батарея; в Ахалцихском — 2-й Владикавказский полк и в Эриванском — 2-й Сунженский полк), а на Дунай пошел только лейб-гвардии Терский казачий эскадрон Собственного Его Величества Конвоя, бывший при главной квартире, и 1-й Владикавказский полк, вошедший в состав Кавказской казачьей бригады полковника Тутолмина, отличившийся в боях под Плевной и особенно в деле под Ловчей. Таким образом, Терскому Войску пришлось принять участие в Турецкой войне более всего на Азиатском театре.

Начиная с первых часов войны, когда Терцы первые перешли турецкую границу на Арпачае у селения Шиш-Тапа, причем первой жертвой с русской стороны оказался казак 1-го Горско-Моздокского полка, убитый при снятии турецких постов у Хаджи-бека, и кончая взятием Карса 6 ноября казаки твердо переносили все тягости войны и невзгоды, которых выпадало на казачью долю немало.

В течение войны боевые летописи славных полков Терского Войска украсились многими яркими страницами, на которых пестреют блестящие дела у Магараджикского оврага (2-й Кизляро-Гребенской и 2-й Волг-

ский полки) 13 мая, Бегли-Ахмета 17 мая (2-й Кизляр-Гребенской, 1-й и 2-й Волгские полки), Аравартана 3 июня (2-й Кизляр-Гребенской полк), Даяра 9 июня (2-й Сунженский полк), Зивина 13 июня (2-й Кизляр-Гребенской и 2-й Волгский полки), Никополя 2 июля (1-й Владикавказский полк), Самовида в ночь с 3 на 4-е июля (1-й Владикавказский полк), Суботана 6 июля (2-й Владикавказский), под Плевной на Зеленых Горах 8 и 18 июля и 30 августа (1-й Владикавказский полк), под Ловчей 22 августа (1-й Владикавказский и Конвойцы), у Ягнов 20 сентября (2-й Горско-Моздокский и 1-я батарея), Хаджи Халиля 2 октября (2-й Кизляр-Гребенской и 2-й Волгский полки), Аладжинских высот 3 октября (2-й Горско-Моздокский и 2-й Владикавказский полки), Горного Дубняка 12 октября (1-й Владикавказский полк), Гасан-Кала 17 октября и при Деве-Бойну 23 октября (2-й Горско-Моздокский, 1-й Волгский, 2-й Волгский, 2-й Сунженский и 1-я батарея) и у многих других мест, бывших свидетелями беззаветной преданности Терцев своему долгу и нелицемерной их службы Царю и Отечеству «не жалея живота своего». Турецкая война доказала, что слава о храбрости, сметливости и исполнительности Кавказского казака не пустой звук, а действительность, и что новое поколение казаков ничем не уступает своим дедам и отцам, создавшим эту славу.

И хотя все полки горели одинаковым желанием добыть «честь и славу командирам, честь и место казакам», однако более всех посчастливилось эскадрону Конвоя и полкам 1-му Владикавказскому, 2-му Кизляр-Гребенскому, 1-му и 2-му Горско-Моздокским и 2-му Волгскому. Делу под Ловчей, где отличились Конвойцы и Владикавказцы, мы посвящаем особую главу, а здесь в кратких словах укажем на славные дела Гребенцов, Моздокцев, Владикавказцев и Волгцев в Азии.

2 октября 1877 года 2-я сотня 2 Кизляро-Гребенского полка, под командой майора (ныне генерала) Ржевусского, вместе с 3-м эскадронам Нижегородцев была направлена на разведку к селению Хаджи-Халиль. Возвращаясь на соединение к своим частям, казаки и драгуны наткнулись на шедшие в походном порядке 6 батальонов турецкой пехоты, но не падая духом, бросились в шашки, прорубились сквозь турецкую колонну, а затем, встретив на пути непроходимый овраг, вновь повернулись к пехоте, еще раз врезались в нее и опять прорубили себе путь, понеся значительные потери в людях и конском составе. В этом деле был убит хорунжий Ушинкин.

1-й Горско-Моздокский полк, еще в самом начале войны, 26 апреля, при разведке Карсских укреплений, был атакован с фланга и тыла превосходящими силами турок, но казаки спешили и продолжали движение, отбивая ружейным огнем неприятельские атаки на протяжении пяти верст; 5 мая при штурме крепости Ардагана полк преследовал отступающего противника на протяжении восьми верст, причем казаками было взято в плен несколько турецких офицеров и более 100 солдат.

2-й Горско-Моздокский полк особенно отличился 20 сентября, когда вследствие приказа командующего действующим корпусом генерала Лорис-Меликова, 3-я и 4-я сотня во главе с командующим полком лихим майором Алтадуковым (из кабардинцев) атаковали 4 роты турецкой пехоты и обратили их в бегство, изрубив до 150 турок и в том числе 3-х офицеров. 3 октября Моздокцы захватили на Аладжинских высотах 4 турецких орудия, а 23-го, во время боя у Деве-Бойну, еще 6 орудий.

Волгцы в бою 2 октября, заняв спешенной частью отрог горы около Базарджика, открыли жестокий ружей-

ный огонь во фланг турецкой обходной колонны и, прикрытые болотом, мешавшим туркам перейти против казаков в наступление, не только задержали турок, но и нанесли им значительный урон своей меткой «линейской» стрельбой. За дело 2 октября командир полка князь Орбелиани получил орден Георгия 4-й степени.

2-й Владикавказский полк 6 июля один, без участия других частей войск, имел лихое дело под Суботаном, когда двинутый на прикрытие движения нашей конницы из Паргета к Баш-Кадыклару, сначала отбил теснившую его неприятельскую кавалерию, вдвое превосходившую казаков числом, затем занял стрелковую позицию и стал отбиваться огнем от окруживших его масс турецкой кавалерии. Израсходовав все патроны, полк вынужден был пробиваться через кольцо неприятеля, причем умело направленные командиром полка, полковником Паниным, казаки быстрым и решительным натиском заставили турок очистить путь и дать возможность полку не только уйти самому, но и вынести из боя своих раненных. За это молодецкое дело полку пожалован Георгиевский Штандарт с надписью «За дело 6 июля 1877 года».

Между тем вслед за объявлением Турции войны в Терской области начались волнения в нагорной части Чечни. Мятежники собрались в несколько шаек, избрали имамом некоего Али-бека и двинулись в плоскостную часть Чечни, надеясь поднять восстание и там. Однако быстрые и решительные действия наших войск, руководимых генералами Свистуновым (бывшим тогда начальником области) и Смекаловым, остановили движение в самом начале. 22 апреля мятежники были разбиты близ аула Маюртуп, а 28 около аула Шали. К сентябрю месяцу волнение было подавлено в Чечне, но разыгралось с большой силой в Дагестане, где улеглось только лишь с

наступлением зимы. Вызванная этими волнениями потребность в вооруженных силах принудила мобилизовать третьеочередные полки Терского Войска и пустить их в дело борьбы с восстанием в Чечне и Дагестане. Казаки занимали кордонные линии и посотенно были распределены по разным отрядам. Таким образом, Турецкая война повлекла за собой чрезвычайное напряжение сил Терского войска, которое с честью вышло из тяжелого испытания, быстро и в полной исправности снарядив 8 полков и 1 батарею в Турцию и 5 полков с батареей на службу в области.

«Знаю, товарищи, — писал Наказный Атаман в приказе по Войску, — чего вам стоило это снаряжение после бедствий, постигших край в нынешнем году: после майских морозов, уничтоживших сады, после засухи, доведшей до совершенного бесплодия наши луга и нивы, после саранчи, унесшей многие посевы на Кизлярских низменностях. Знаю, что отцы выводили на продажу последний скот для того, чтобы купить коней сыновьям; что жены ваши, оставляя детей, сами становились за плуг, дабы освободить мужей на службу. Совершить это могла только присущая вам вековая казачья доблесть, в одной лишь смерти находящая преграду к исполнению Державной воли Царской...

Честно исполнив свой долг, вы стали выше всякой похвалы и не мне благодарить вас, товарищи: вашу службу не забудет Батюшка-Царь, сумеет оценить ее мать-Россия. Ваш Атаман может только гордиться вами.

Вас первых, из всего русского казачества, осчастливил словом призыва со льготы Государь Император через Августейшего Наместника: не сомневаюсь, что и в случае встречи с врагом на вас, как в былые годы кавказских битв, с уважением и гордостью посмотрят братья-казаки со всех концов земли русской!»

VI. Дело под Ловчей 22 августа 1877 года

Ловча. Подвиг Мордвинова. Боевая обстановка под Ловчей. План наступления. Начало боя. Взятие Ловчи. Преследование. Трофеи боя

Дело под Ловчей составляет одну из самых блестящих страниц в боевой летописи Терского Казачьего Войска. «Ловчинское дело — чисто и бело», так охарактеризовал его славный участник боя командир лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона ротмистр П. Т. Кулебякин. Здесь Терцы блестяще доказали, что вовремя направленная в дело и не раздробленная конница не упустит неприятельскую пехоту и сумеет с полным успехом использовать саблю против штыка.

Ловча — небольшой городок в Болгарии, лежащий верстах в 30-ти от получившей в 1877 году общую известность Плевны, взятие которой стоило нам многих тысяч жизней. Чрез городок пробегает своенравная горная речка Осма, иногда легко проходимая повсюду, а иногда (после дождей) наполняющаяся водой настолько обильно, что переправа вброд становится невозможной.

Впрочем, для казаков и тут не было ничего невозможного, что видно из отчаянно смелого поступка казака Владикавказского полка Мордвинова, переплывшего через бурную Осму 30 июля. Вот как описывает этот случай генерал Тутолмин. «Мордвинов показался на правом берегу Осмы. Вот он переговаривается с казаками, стоящими на нашем берегу, но за шумом водобега не слышать его голоса; однако, по всему видно, что он хочет переправиться. Ему машут и кричат, советуя переждать напор порывистого потока; но он снял шапку, вынул из нее бумагу, показал ее на воздухе, как бы говоря этим: “знайте, донесение везу!”, снова засунул бумагу за кур-

пей папахи, перекрестился и бухнул в воду. Вспенилась Осма под конем; но конь, послушный седоку, храпел и плыл, пока не изменили ему силы. Усталый, он клонился под напором потока, и не устоял против сильной волны, которая опрокинула его и смыла Мордвинова с седла. Но всплыл казак, а через мгновение и конская голова показалась из воды. Мордвинов успел поймать его за повод, ухватил за гриву, и вот они поплыли оба рядом и достигли нашего берега. Спешное, — сказал Мордвинов, вылезая из воды, — “надо было плыть”.

Пройдя Ловчу, Осма меняет свое северное направление на северо-восточное, к Омар-Киою и Иглоу. Плевну и Ловчу соединяет шоссе, идущее в южном направлении к Трояну. К западу от Ловчи лежит селение Микре, а к востоку идет шоссе на Сельви, и оттуда на Трново и Габрово. По обе стороны Осмы тянется чрезвычайно гористая местность, пересеченная в разных направлениях оврагами и пропастями.

Кавказская казачья бригада генерала Тутолмина уже с 23 июля стояла к северу от Ловчи между Осмой и Плевнинским шоссе, неослабно наблюдая за сильным турецким отрядом, занявшим Ловчу и окружающие ее высоты, на которых турки возвели ряд укреплений, главный фронт которых направлен был к востоку против отряда князя Имеретинского. Большая возвышенность («Курган»), поднимающаяся к западу от городка, была приведена в сильно оборонительное состояние, и вершину ее венчал огромный редут, у которого смыкались турецкие окопы, опоясывавшие Ловчу. На 22-е августа назначена была атака Ловчи, причем войска распределены были на три колонны: левая (генерала Скобелева) направлялась по Сельвинскому шоссе; правая (генерала Добровольского) брала несколько в обхват, со стороны Осмы турецкие позиции; третья (генерала Энгмана) составляла

общий резерв и держалась за колонной Скобелева, так как главный удар предполагалось нанести туркам в их правый фланг. Кавказской казачьей бригаде (Владикавказский полк, Кубанский полк, Осетинский дивизион и 8-я Донская батарея) дана была задача: наблюдать за дорогой в Плевну, содействовать наступлению наших войск и в случае отступления турок на Микре, преследовать их насколько будет возможно. Наблюдение за левым флангом возложено было на две сотни 30 Донского полка. Кроме того, в колонне Скобелева находились Терский эскадрон Собственного Его Величества Конвоя и две сотни Кавказских казаков (2-я сотня Владикавказского полка и 1-я сотня Кубанского полка).

С 3-х часов утра бригада изготовилась к бою: открытие огня было назначено в 5 часов. Заняв Плевно-Ловчинское шоссе, Тутолмин выдвинул вперед Владикавказский полк и 4 орудия, оставив в резерве Кубанцев с 2 орудиями. Как только артиллерия большого «Кургана» открыла огонь по нашим наступающим колоннам, 8-я Донская батарея стала осыпать ее снарядами, учащая огонь по мере развития боя. Турки принуждены были отвечать на огонь казачьей батареи, но казакам причиняли мало вреда. Когда же пехотные цепи дошли уже до Осмы, батарея была продвинута насколько можно было ближе к турецкому расположению и частым огнем стала поддерживать наступление нашей пехоты. Вместе с батареей продвинут был вперед и Владикавказский полк, причем осетины и 1-я сотня заняли цепью стрелков гребень холма правее батареи, а 3-я и 4-я рассыпались левее. Частый и меткий огонь казаков, вооруженных скорострельными ружьями Бердана (тогда как вся армия имела на вооружении ружья системы Крнка), производили такое впечатление на турок, что они приняли жидкую казачью цепь за два батальона.

В 2 часа дня штурмующие колонны заняли город. Оставалось выбить турок из редута на «Кургане», по которому казачья батарея усилила свой огонь с севера, в то время как с востока уже стала карабкаться на холм пехота, скоро облепившая весь его склон. Кавказская бригада была уже на конях. Полковник Левис движением нагайки дал знак Терцам двинуться под «Курган».

«Рысью тронулась бригада», описывает бой Тутолмин. «Укоротили поводья казаки, нагнулись черные папахи и десять сотенных значков по ветру шелестели в прозрачной синеве долины.

В это время русская пехота врывается в окопанный венец кургана, и видно было, как турки опрокинулись и побежали вниз. В то же мгновение из-за соседней с курганом деревни, что была правее Владикавказского полка, обозначилась турецкая густая пехотная колонна. Завидя казаков, она как будто бы остановилась; еще минута, еще сажень двести и Терцы на нее насядут. “С Богом, други, шашки вон!” прокатилось в рядах Владикавказского полка, и четыре его сотни вырвались из рук и полетели (3-я и 4-я Владикавказские и 1-я и 2-я Осетинские).

Обрывистый, невидимый доселе, ручей преградил им гладкую дорогу, и казаки на миг укоротили ход. Тутто вот, во рву ручья, стояло несколько домов, а Владикавказцы шли между курганом и этими домами. Переправа сузила длину полка и оттянула его крылья; атака выходила клином. Турки встретили ее ружейным огнем. Осетины перелетали через ручей и ударили в пол-оборота налево; Кубанцы подходили, и для хорошего начала не хватало одной сотни вправо; турки могли уйти с тылу.

— “Где же Астахов?” — нетерпеливо спросил Левис тем голосом, в котором сказывалась надежда на Астахова (командир 1-й сотни Владикавказского полка, “надежнейший и опытнейший офицер бригады”); а в ответ

ему отозвался размашистый топот серого аргамака, который мчал Астахова из-за Кубанского полка. Занимая спешенными казаками тот холм, который находился на правом крыле Владикавказского полка, 1-я сотня должна была позднее других сесть на коней и пропустить Кубанский полк, опередивший батарею. Как только дозволило место, Астахов выпустил свою сотню и подоспел в то время, когда в нем нуждался Левис. “Я здесь, полковник”, ответил он, придерживав коня. “Рубите вправо за деревню”, приказал Левис. “Слушаюсь, полковник!” И снова мчался аргамак вдогонку своей сотни.

Она, смекнув в чем дело, сама взяла указанное направление; Астахов опередил ее на переправе, и сотня охватила турок с тылу. Замолотили шашки в разладе выстрелов турецкой пехоты, и она припала к копытам Владикавказского полка; поредела пыль, взвита атакой, поредела и турецкая пехота. Не менее двух таборов (основная тактическая единица турецкой армии, численностью 600—650 человек в пехоте. — *Примеч. ред.*) легло на этом месте под страшной сечей казаков, и тем выразился первый приступ Кавказской бригады к погрому турок 22 августа. Но в этом славном его начале, два сотенных командира были в числе немногих раненых. Есаул Скоритовский был пулей контужен в грудь, Астахов остался без руки. В голове своей сотни он врубился в свалку и в тесной, рукопашной схватке схватил рукой штык турецкого пехотинца. Ружье дало выстрел и раздробило Астахову кисть правой руки; но у него оставалась еще левая рука, и у седла, в прежде отбитых турецких кобурах, висели пистолеты; его левая рука повалила стрелявшего в него турка, и Астахова вывезли из сечи¹.

¹ Герой Ловчинского боя, безрукий полковник Тимофей Варламович Астахов в настоящее время проживает в родной своей станице Луковской.

В то время как Терцы бросились в атаку, а Кубанцы подошли уже к ручью, Кавказская бригада только и могла видеть, что в первое мгновение терского урагана вправо от нее были турки, а перед ней прямо на юг распростиралось холмистое поле.

Что делается за этими холмами и кто скрывается за ними, — должен был решить Кубанский полк, выстроившись уступом за левым крылом Владикавказского полка. В это самое мгновение по направлению от кургана был подан сигнал: “батарея на позицию!”. Первый раз в жизни певучий звук этого сигнала показался неприятным, — пришлось остановить Кубанский полк на берегу ручья и вызвать батарею. Не замешкали наши пушки, но Кубанский полк должен был пропустить их и следовать уже за ними; казалось, что он отстанет на уступе. Но так казалось в рядах Кавказской бригады, а на самом деле, из-за холмов, как буря летела дружная помощь Владикавказскому полку. Против нас, на гребне пологого холма, обозначился широкоплечий кавказский казак, а за ним выскочил на холм и серый конь трубача Собственного Его Величества Конвоя. В широкоплечем казаке нельзя было не признать ротмистра Кулебякина, командира Терского Его Величества Конвоя, и ясно было, что он выравнивался с своими братьями Владикавказского полка. Он подоспел в то самое время, когда Владикавказский полк разделил турецкие таборы. Эскадрон его находился за холмом, посланный наперерез туркам с левого фланга генералом Скобелевым. Внезапное его появление в то мгновение, когда нужно было иметь кого-нибудь именно на том месте, было выше счастья. Гвардейский эскадрон стал рядом с Владикавказским полком, и они вместе понеслись на турок, — и еще пуше дрогнула земля под ними. Батарея и Кубанский полк, выжидая своей очереди, следовали

рысью. Скоро должна была наступить она и для них, так как гонец за гонцом скакали от князя Имеретинского и от генерала Скобелева, с приказанием: “преследовать донельзя”. Но вот выбились из сил и терские кони, измученные трехверстной сечей на полном ходу. Тогда-то и пригодилась батарея, которая и была вызвана на позицию, а Кубанский полк сменил Владикавказцев и Терской эскадрон Собственного Его Величества Конвоя. Этот последний через несколько времени был отозван в Ловчу, Владикавказцам дана передышка, Кубанцы заняли места их обоих и наступила менее блестящая, но более трудная половина работы».

Через несколько дней князь Имеретинский доносил Великому Князю Главнокомандующему из-под Плевны о последствиях сражения под Ловчей и говорил: «Кроме взятия Ловчи, результаты эти следующие: взято два знамени (а не значка); одно из них представляю, другое хранится в Калужском полку, дерущемся в настоящее время с противником; а потому представить его не могу. По выступлении моем из Ловчи, генералом Давыдовым в центре и на левом фланге позиции неприятеля похоронено 1200 тел. Во время нахождения отряда в Ловче 23 августа похоронено 1000 тел. Во время преследования неприятеля 22 августа, Кавказской бригадой и эскадрон Собственного Его Величества Конвоя изрублено до 4000 тел. Массу патронов, брошенных неприятелем и уничтоженных нами, определить трудно, но во всяком случае количество это далеко превышает миллион штук. Нам досталось несколько зарядных ящиков, полных снарядами; часть ящиков сломана. Массу брошенного оружия и одно орудие, сломанное и брошенное турками при преследовании, пришлось оставить на месте. По распоряжению генерала Давыдова приняты меры к отысканию орудия». Оставленная при выступлении Кавказской

бригады из Ловчи 1-я сотня Кубанского полка, действительно, вскоре отыскала орудие и вытащила его из кручи вместе с тремя зарядными ящиками.

VII. Русско-Японская война 1904—1905 годов

Начало войны. Стремление казаков на войну. Мобилизация и выступление. Прибытие в конный отряд генерала П.И. Мищенко. Участие в майском набеге на Факумынь-Синминтин. Разведка Санвайзы 21 мая. Бой под Ляоянвопынем 3 июня. Штурм Санвайзы 18 июня. Сунженцы с генералом Мищенко во Владивостоке

28 января 1904 года под далекими стенами Порт-Артура вдруг загремел неожиданно для всей России гром японских орудий. Японцы готовились к войне 10 лет: начиная с того времени, как в 1894 году Россия остановила Японию в ее успешной борьбе с Китаем и заняла, под видом аренды, Квантунский полуостров и крепость Порт-Артур, облитую уже японской кровью. Долголетняя подготовка Японии к борьбе с Россией прошла для нас совершенно незаметно. До последней войны большинство в России относилось совсем пренебрежительно к «желтомордым макакам (обезьянам)», как называли у нас японцев. Поэтому понятно было всеобщее удивление, вызванное дерзким нападением Японцев на нашу окраину.

Однако последствия показали, что дело борьбы с Японией значительно сложнее, чем это казалось многим раньше. Правда, русский солдат не только не уступает в храбрости и выносливости японцу, но даже, несомненно, превосходит его, но все же Россия в этой борьбе находилась в чрезвычайно невыгодных условиях.

Отдаленный и малознакомый театр войны, чуждое и даже враждебное местное население, затруднительное сообщение с центром при помощи узкой и длинной полосы Сибирской железной дороги, протянувшейся на многие тысячи верст, и притом вдоль внешней границы и по чужой территории, — все это до крайности затрудняло для России ведение войны.

В нашу задачу вовсе не входит изложение истории последней войны во всех ее подробностях, еще живых и свежих в памяти современного поколения. Достаточно будет только сказать, что первые же неудачи в Корее, на Ялу и на Квантуне поставили Россию в необходимость напрячь все силы в тяжелой борьбе.

Уже с самого начала войны казаки Терские загорались желанием полететь на Дальний Восток и подновить боевую славу своих дедов и отцов. Когда стала формироваться так называемая «дикая» бригада — Терско-Кубанский и 2-й Дагестанский горские полки, кадры которых (офицеры, урядники и часть казаков) должны были быть составлены из Терцев и Кубанцев, то от охотников не было отбою.

Офицеры 1-го Сунженско-Владикавказского полка во главе с командиром полка, полковником Н.Н. Баратовым, воодушевляемые незабвенной памятью своего шефа героя-удальца генерала Слепцова, по получении известия, что генерал-адъютант Куропаткин назначен на Дальний Восток главнокомандующим, послали ему телеграмму с горячей просьбой взять на войну полк славного Слепцова в полном составе. Но долго пришлось «Слепцовцам» ожидать исполнения просьбы, которую Куропаткин обещал иметь при случае в виду.

Наконец пришло давно желанное известие. 13 сентября в Сунженском полку получена была от командира

полка телеграмма, извещающая о том, что полк предназначен к походу. На другой же день были получены подробности. Оказалось, что решено для отправки на Дальний Восток сформировать Сводную Кавказскую казачью дивизию, в состав которой назначались два полка Кубанцев — Екатеринодарский и Уманский, два Терцев — Кизляро-Гребенской и Сунженско-Владикавказский, две батареи — 1-я Кубанская и 2-я Терская. 22 ноября в 3 часа дня 1-му Сунженско-Владикавказскому полку была объявлена мобилизация. Казаки, истомившиеся долгой стоянкой на Персидской границе, приняли известия о мобилизации с выражениями самой живой радости, как бы предчувствуя ожидающий их успех — за блестящие дела полку по окончании войны пожалованы были георгиевские петлицы. До поздней ночи по штаб-квартире полка то и дело срывался и разносился от казармы к казарме радостный клич «В Манжурию!»...

С 3 декабря начали эшелоны Сунженского полка выступать из Хан-Кендов. По пути на сборный пункт дивизии, в селение Армавир Кубанской области, полку приходилось проезжать вдоль всей линии станций Сунженского полкового округа. На станциях делались казакам встречи и проводы, служились молебны, играли хоры музыки и пелись боевые казачьи песни.

В Армавире дивизии пришлось простоять до первых чисел марта, почему на Дальний Восток части дивизии стали прибывать только в половине апреля, т.е. уже значительно позже Мукденского боя. В то время армия наша занимала прекрасно укрепленные и выгодные в боевом отношении Сипингайские позиции. Дивизия назначена была в состав 2-й Армии, а затем поступила в Сводный кавалерийский корпус славного героя Японской войны генерал-адъютанта П.И. Мищенко. Корпус сто-

ял впереди вне правого фланга армии, на правом берегу реки Дун-ляо-хе, на самой границе Монголии, у городка Ляоянвопыня.

2 мая дивизия представилась своему командиру корпуса и боевым товарищам Уральцам (4-й и 5-й Уральские полки) и Забайкальцам (Читинский и Верхне-удинский полки), а через день, 4 мая, в 7 1/2 часов утра, конный отряд выступил из Ляоянвопыня в набеге на Синминтин и Факумынь.

Отряду ставилось задачей пройти вдоль большой дороги Кайпын-Факумынь-Синминтин и пробраться поглубже в тыл западной группы японской армии. В бой с противником, по возможности, не ввязываться, особенно с противником на укрепленной позиции. При встрече же с конным неприятелем в чистом поле, особенно с хунхузами (китайские бандиты. — *Примеч. ред.*), решительно атаковать. Истреблять всякого рода склады, транспорты, портить телеграфы и вообще пути подвоза. Главное назначение набеге — оттянуть силы японцев с фронта, вместе с тем задержать переход их в наступление и произвести при этом разведку их левого фланга.

По слухам, японская армия к 1-му мая уже пополнила свои мукденские потери, и можно было ожидать с их стороны скорого наступления. У нас же пополнения стали подходить к передовым линиям лишь с 5 мая по 5—6 тысяч в сутки. Кроме того, носились упорные слухи, что японцы сосредоточивают свои войска на правом фланге, угрожая нашему левому. Надо было расстроить планы японцев, и эта задача была возложена на Мищенко с его казаками.

Отряд пошел к югу двумя колоннами. В одной была Сводная Кавказская казачья дивизия — 23 сотни и 4 орудия, в другой — Сводная же Уральско-Забайкальская дивизия с придачей к ней одной сотни Дагестанцев и

Терско-Кубанцев с двумя пулеметами и 2 орудия 1-й Забайкальской батареи, т.е. тоже 23 сотни и 2 орудия.

В первый же день 4 мая отряд без сопротивления прорвал линии передовых застав армии Ноги и, пройдя 50 верст, зашел далеко в тыл противника. Лишь на другой день против отряда японцы двинули достаточные силы с артиллерией, но отряд ушел от них дальше без всякого для себя вреда. Работали только разъезды, причем Екатеринодарцам удалось поймать японского офицера с донесением к Ноги и порвать телеграфную линию Кайпин — Факумынь, а Уманцам захватить санитарный транспорт. К югу отряд двигался до 7 мая, а 8 повернули уже обратно, дойдя таким образом до самого Синминтина и блестяще исполнив свою задачу, — произведя переполох в тылу у японцев и оттянув на себя гораздо больше сил, чем это было нужно. 11 мая отряд благополучно возвратился в Ляоянвопынь, привезя с собой всех своих раненых¹ и более 200 человек пленных японцев, — большинство «порт-артурцы». Особенно в этом отношении посчастливилось Сунженцам, 3-я сотня которых под командой подьесаула Филиппова и сотника Борисова наткнулась 7 числа на деревню, занятую японцами. После упорной перестрелки японцы бросили оружие и сдались, причем это, оказалось, была целая рота с офицерами. За удачное дело 7 мая сотник Борисов и подьесаул Филиппов получили Георгиевские Кресты. Тут казакам пришлось на деле убедиться, что не такой грозный враг японцы, как это приходилось им слышать, идя на войну: десятки японцев, вооруженных ружьями со штыками сдавались нескольким казакам, вооруженным ружьями без штыков.

¹ Из всего отряда только лишь один казак пропал без вести, убитых же похоронили с честью на полях японского расположения.

Это первое впечатление, произведенное на казаков японцами, еще больше подтвердилось в бою 3 июня, разыгравшемся при такой обстановке. По возвращении из набега отряд занял опять позиции у Ляоянвопыня, японцы же, продвинувшись вслед за отрядом, остановились в 12-ти верстах к югу, у Санвайзской горы. 21 мая нами была произведена усиленная разведка неприятельского расположения, обнаружившая, что позиция прочно занята отрядом из трех родов оружия с тяжелой артиллерией. Японцы, видимо, вновь готовились к переходу в наступление. И действительно, в глухую ночь на 3-е июня, в то время как в отряде шло торжество приема германского принца Леопольда, японцы двинулись вперед, опрокинули жидкую цепь конного охранения (в охранении стояла Кубанская бригада) и в третьем часу ночи подошли к Ляоянвопыню. Отряд был расположен частью в городе, а частью в рошах на северной окраине города, южную сторону которого занимала дежурная сотня, которой и на этот раз оказалась та же 3-я сотня Сунженцев под командой того же подъесаула Филиппова. Послав хорунжего Одржеховского с разездом на левый фланг, командир сотни занял позицию, и когда в пред-рассветном сумраке стали показываться силуэты японцев, открыл жестокий огонь «пачками». Вскоре на поддержку к нему явился офицер его же сотни, хорунжий Караулов 3-й, лежавший на биваке в лихорадке, но, по получении известия о начавшемся бое, собравший оставшихся там казаков сотни и поспешивший к месту боя, а затем подошли посланные командиром полка 2-я сотня есаула Хатаева и 1-я сотня подъесаула Лысенко. Жаркая стрельба продолжалась до 9 часов утра, когда сотни получили приказание отойти к коноводам и присоединиться к полку: было получено сведение (потом оказавшееся ложным), будто бы против нашего правого флан-

га, со стороны Монголии, показался конный отряд в 35 эскадронов. Желая их встретить атакой, Мищенко приказал прекратить огонь и сесть на коней для конного боя. К сожалению, никаких японских эскадронов не оказалось, а между тем стрелковые позиции уже были оставлены... Неприятель, заняв Ляоянвопынь, стал обстреливать конные части шимозами (гранатами) и принудил отряд отойти на несколько верст к северу. Впрочем, на другой день японцы, сжегши в огромных ямах трупы своих убитых, отступили вновь к Санвайзы, и отряд снова занял Ляоянвопынь и лежавшую к северу от него деревню Саньичен, в которой Кавказская дивизия простояла уже до заключения мира и отхода на зимние квартиры. В бою 3 июня 3-я сотня расстреляла до 10 000 патронов, 1-я до 4000 и 2-я до 3000. Потери были: в 3-й сотне семь казаков ранено и один урядник (Гаврилей) убит, в 1-й ранены хорунжий Турпев и 3 казака, во 2-й ранены хорунжий Татонов, трубач и фельдшер; во всех трех сотнях при посадке было убито и ранено несколько лошадей.

Еще раз пришлось Кавказским казакам принять участие в серьезном боевом столкновении с японцами. Это было 18 июня, когда Конный Отряд был двинут на укрепленную японскую позицию на холмах у деревни Санвайзы. После жестокой перестрелки, тянувшейся почти с утра и до наступления сумерек, японская позиция была взята штурмом, причем и тут пришлось больше поработать Сунженцам, потерявшим в бою убитыми подьесаула Гуржибекова и 10 казаков; ранены были хорунжий Панкратов и 43 казака, из которых пятеро умерло потом от ран.

В октябре дивизия в составе всего корпуса была передвинута на зимние квартиры к 74-му разъезду. В январе месяце генерал-адъютант Мищенко был послан с отрядом во Владивосток, где беспорядки в гарнизоне дош-

ли до крайних пределов, — комендант крепости генерал Селиванов подвергся обстрелу со стороны бунтовщиков, в руки которых попала вся крепость и город. На генерала Мищенко возложена была обязанность привести крепость к порядку. И здесь Сунженскому полку выпала на долю высокая честь быть избранным генералом Мищенко для передвижения во Владивосток в качестве войсковой части испытанной верности и преданности долгу.

Несмотря на то, что бунтовщики высылали навстречу отряду генерала Мищенко угрожающие письма, в которых обещали расстрелять отряд «из 11-дюймовых орудий», и наглость их дошла до того, что в местной революционной газетке «Листок союза союзов», в № 4 (22 января 1906 года), было даже напечатано, что «появление казачьей части в городе неминуемо повлекло бы к страшному кровопролитию и поголовному истреблению казаков», все-таки 23 января казаки мирно и спокойно вступили в город, руководители бунта поспешно ускользнули в Японию на пароходе, а в городе сразу же, без насилий и кровопролития, воцарился полный порядок и спокойствие, сохранявшиеся до самого выезда генерала Мищенко и Сунженцев из Владивостока (в первых числах июня 1906 г.).

Несколько месяцев походно-боевой жизни на полях далекой Манчжурии и Владивостокская командировка дали всем возможность лишний раз убедиться, что умеет терский казак верой и правдой служить Царю и Отечеству, не теряя твердости духа и веры в себя ни в тяжелых условиях походной жизни, ни в жарком бою с врагами внешними, ни в години общей разрухи при столкновениях с врагами внутренними.

Часть IV

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

«По камням струится Терек,
Плещет мутный вал»...

I. Территория Терской области

Границы ее и площадь. Устройство поверхности: горы, долины и степи. Войсковая территория

Терская область лежит между $59^{\circ} 29'$ — $65^{\circ} 11'$ восточной долготы и между $42^{\circ} 29'$ — $45^{\circ} 8'$ северной широты, имея таким образом около 400 верст длины и от 150 до 250 верст ширины. Прилегая южной границей своей к Главному Кавказскому хребту, а частью восточной — к Каспийскому морю, она соприкасается своей территорией: на юге с двумя губерниями Закавказья — Кутаисской и Тифлисской и с Дагестанской областью, расположенными по южному и частью по северному склону Главного хребта; на востоке с Дагестанской областью; на севере с Астраханской и Ставропольской губерниями, а на западе с Кубанской областью. Как северная, так и южная границы области представляют собой ломаные линии с резкими отклонениями от их главного направления.

Площадь, занимаемая Терской областью, включает в себе 6 630 805 десятин земли, что составляет 63 655,68 кв. верст или 72 337 кв. километров. Таким образом, Терская область значительно превосходит по своей площади не только многие губернии Центральной России (например Московскую губернию более, чем в два раза), но и довольно значительные государства Западной Европы: Греция равна лишь $\frac{9}{10}$ Терской области, Сербия $\frac{7}{10}$, Швейцария и Дания $\frac{3}{5}$, Голландия $\frac{1}{2}$, а Бельгия даже $\frac{2}{5}$; королевство Бавария лишь на $\frac{5}{100}$ больше по своей площади, чем Терская область.

На сравнительно все же небольшом пространстве области мы находим удивительное разнообразие в устройстве земной поверхности: огромные, резко очерченные горы, поднимающиеся выше линии вечных снегов, прорезанные глубокими ущельями, уступают место широким долинам предгорья, переходящим в степи с тучным черноземом, в сыпучие пески, в солончаковые пустыни или болотистые прикаспийские низменности, лежащие ниже уровня Черного моря.

Со стороны устройства поверхности Терскую область можно разделить на три пояса, протягивающиеся почти с запада на восток: Нагорная полоса, Предгорье и Степная полоса.

Кавказский горный массив своими бесчисленными вершинами, хребтами и отрогами заполняет все пространство Нагорной полосы. Здесь на линии Главного хребта или на его отрогах лежат все более значительные Кавказские вершины, в большинстве случаев обледеневшие потухшие вулканы: двуглавый Эльбрус (18 470 футов над уровнем Черного моря = $5\frac{1}{4}$ верст), Дых-тау (17 054 фута), Шхара-тау (17 003 ф.), Коштан-тау (16 880 ф.), Джанги-тау (16 569 ф.), Казбек (16 546 ф.), Катын-тау (16 296 ф.), Мижирги (16 135 ф.), и. т. д.

Параллельно Главному хребту и тесно с ними связываясь поперечными отрогами, тянутся хребты: Передовой, Скалистый (или Пестрый), и Черные горы. Передовой хребет представляет собой исполинский кряж, поднимающий свои скалистые зубцы местами (у Казбека) выше Главного хребта. Средняя его высота, достигая 14 400 футов, почти на $3 \frac{1}{2}$ тысячи футов превышает линию вечного снега. Далее к северу раскинулись красивой цепью известковые вершины скал Пестрого хребта, называемого так потому, что склоны его представляют собой пеструю смесь скал, лугов и рощ березы, сосны, чинара и других лесных пород: это горы Герты, Мат-хох (Столовая гора, краса Владикавказа), Адай-хох, Криухох, Кион-хох и др.

У подножья Пестрого хребта лежат Черные горы, получившие свое имя от чернолесья, густо покрывающего их склоны и заполняющего отделяющие их от Пестрого хребта долины, наиболее обширной и красивой из которых, несомненно, надо признать Тарскую долину под Столовой горой, славящуюся своей известью, родниками и форелью.

Предгорье представляет собой обширную равнину, падающую легким склоном к северу и востоку, изрезанную бесчисленными балками (оврагами), ручными руслами и горными гребнями. Гребни эти тянутся длинной полукруглой цепью, начинаясь под именем Кабардинских гор, или Кара-дага (т.е. «Черного хребта»), служащих водоразделом рек Уруха и Дурдура, проходят в северо-восточном направлении, пересекаясь в Эльхотовском ущельи рекой Тереком, и поворачивают затем на восток вдоль левого берега Сунжи, под именем Сунженского хребта, наибольшая высота которого не превышает 420 футов. Севернее Сунженского хребта, вдоль правого берега Терека, протянулся Терский гребень, в выс-

шей своей точке достигающий 2500 ф. и оканчивающийся крутыми обрывами близ станицы Кахановской, у впадения Сунжи в Терек. Продолжением Терского гребня за Сунжей служит Кочкалыковский хребет, принимающий юго-восточное направление и смыкающийся с общей массой Кавказских гор.

Выше слияния Кумы с Подкумком, в районе Минеральных вод Пятигорья, одиноко поднимаются на открытой равнине потухшие малые вулканы: Бештау («пять гор») со своими пятью остроконечными вершинами, давшими название как самой горе, так и всему району, Машук, Железная, Змеиная, Верблюд, Развал, Бык и утесы Медовка и Тупой.

К северу от линии рек Малки и Терека тянется широкая Степная полоса, частью (на западе) имеющая вид совершенно ровной поверхности, а частью представляющая собой беспорядочную массу песчаных «бурунов».

Из общей площади Терской области (6 630 805 десятин) Терскому казачьему войску принадлежит почти треть часть. Вся войсковая территория составляет в общем 1 964 409 десятин, из которых станичные наделы занимают 88 %, — 1 738 310 десятин; в том числе удобной земли 1 414 711 дес., лесу и кустарника 133 992 и неудобной земли 189 607 десятин. Кроме того, к войсковой территории относятся 108 203 дес. войскового земельного запаса, значительная часть которого уже предназначена к разделу между малоземельными станицами войска и 117 896 дес., отмежеванных по положению 23 апреля 1870 года войсковым офицерам и чиновникам взамен пенсии. Впрочем, надо заметить, что в настоящее время только самая ничтожная часть «офицерских» участков осталась в руках лиц войскового сословия, а вся масса давно уже распродана лицам других сословий и национальностей.

II. Орошение и климат

Характер рек Терской области. Терек и его притоки. Кура и Кума. Озера. Атмосферные осадки. Климат Терской области. Климатические станции

Реки Терской области все принадлежат бассейну Каспийского моря, т.е. по направлению к нему катят свои воды. Впрочем, до самого моря доходят лишь Терек со своими притоками, а остальные реки частью уходят в степи и там теряются в песках (Кума и Кура), частью же (Аксай, Яман-су, Ярык-су и Акташ) разбираются почти без следа по бесчисленным арыкам (оросительным каналам).

Скатываясь с крутых склонов огромного Кавказского массива, все эти реки носят обычный характер горных потоков: быстрое, непостоянное течение; изменчивое русло, засоряемое в верховьях огромными каменными глыбами, в среднем течении мелкими валунами и щебнем, а в низовьях илом; множество бродов, часто меняющих свои места; неожиданные подъемы воды и выход ее из берегов после ливней в горах, — все это не только мешает местным рекам быть более или менее удобными средствами сообщения, но, наоборот, частые размывы, занысы и разливы уничтожают труды целых поколений и надолго прекращают всякое сношение между отдельными частями области. Терек и все важнейшие его притоки берут свое начало в ледниках Главного хребта, почему наибольший подъем воды в них происходит в пору летних жаров, сопровождающихся усиленным таянием снегов в горах, тогда как зимой они обращаются в ничтожные речонки.

Начинаясь под горой Зильги-хох, близ Казбека, Терек проходит по знаменитому Дарьяльскому ущелью, и

около Владикавказа вырывается из гор на равнину, где сразу умеряет быстроту своего бега: уже около Владикавказа скорость его течения падает до 10—9 верст в час. Прорезав в Эльхотовском ущелье Кабардинский хребет, он огибает западную оконечность Терского хребта и, соединившись с многоводной Малкой, поворачивает к востоку, а приняв в себя воды Сунжи, сбивается к северо-востоку, к выходу в море, у которого разливается по своей дельте массой больших и малых рукавов, протоков и ериков (пересыхающее русло, «старица». — *Примеч. ред.*), образуя порастающие камышом болота, занимающие под Кизляром большие пространства и служащие рассадником малярийных заболеваний (Кизлярские лихорадки).

С правой стороны в Терек впадают: Кистинка («Белая»), Камбилеевка, Курп, Сунжа с многочисленными и многоводными притоками Ассой, Аргуном, Белой и другими, а с левой Гизель-дон, Фиаг-дон, Ар-дон, в верховьях которого находится красивейший из ледников Кавказа — Цейский, Урс-дон, Урух, Лескен и Малка, принимающая в себя многоводные притоки: Черек, один из истоков которого берет начало в величайшем леднике Кавказа — Безенгиевском, и Урван с Нальчиком, Шалушкой, Чегемом и Баксаном.

Степные реки Кура и Кума далеко не так обильны водой, почему для питания первой из них существует Курско-Малкинский канал, выходящий из Малки близ станицы Марьинской. Другой канал «Эристовская Неволька» проведен из Малки же и проходит между Курой и Тереком до наделов станицы Галюгаевской. Кума принимает в себя слева маловодные притоки, выходящие со Ставропольской возвышенности, а с правой стороны — Подкумок с Бугунтой, Ессентуком, Эшкаконом, Березовкой, Белой (Юцей) и Золку.

На сплошь изрезанной реками и речками, оврагами и ущельями поверхности Терской области более или менее значительные озера совершенно не встречаются, если не считать за озера обширные мелководные болотистые разливы в низовьях Терека. Причиной такому явлению служит, очевидно, крутое падение скатов даже в равнинных участках края, не говоря уже о напоминающих гигантскую лестницу огромных уступах горного массива. В прибрежье Каспийского моря находится несколько соляных озер, да небольшие озерца, почти лужи, разбросаны там и сям по широкому степному простору Караногая и Гребенских юртов. Из горных озер наибольшим является лежащее у самого Андийского хребта на границе с Дагестаном, по пути из Ведено в Ботлих, озеро Эзень-Ам, известное обилием крупной горной форели. Значительно меньше по размерам озеро Галанчоч, в верховьях р. Гехи, красивые Голубые Озера в долине Черекка, по дороге из Нальчика в Болкарию, и минеральные озера Пятигорской группы — Тамбукан и Горькосолёные.

Атмосферные осадки (дождь, снег, роса) выпадают на пространстве области крайне неравномерно, что и само собой понятно, если принять во внимание чрезвычайное разнообразие в устройстве поверхности, в высоте над уровнем моря и в направлении скатов возвышенностей. Нагорная полоса и Предгорье орошаются, местами даже более чем достаточно, проточными водами, присутствие которых вызывает большую влажность воздуха и почвы, что в свою очередь влечет за собой более частые и обильные дожди и росы. Исключение во всем предгорье представляет только лишь обширная Алхан-Чуртская долина, занимающая между Терским и Сунженским хребтами площадь около 57 000 десятин, лишенная всякой влаги: ни реки, ни дождей. Казаки при-

сунженских станиц, наделы которых расположены в Алхан-Чуртской долине, принуждены во время полевых работ возить воду не только для себя, но и для своего скота за 10—15 верст из Сунжи, по тяжелой дороге через высокий, крутой, изрытый балками, каменистый Сунженский гребень. А между тем, если бы дать этой долине орошение, то она кормила бы досыта не одну тысячу ртов. В таком же бедственном положении находится и Моздоко-Кизлярская степь, где в одних местах не поенная земля ничего не родит, а в других за недостатком водопоя невозможны никакие полевые работы. В настоящее время областной администрацией уже разрабатывается огромной важности план орошения этой степи путем отвода в нее лишней воды из Малки и Терека, особенно во время половодья.

Протянувшись на значительном пространстве вдоль Кавказского хребта и включив в свои границы на юге линии снежных хребтов и гор, поднимающихся до высоты 5 с лишком верст, а на севере уходя в необъятный простор Прикаспийских степей, в восточной своей части опускающихся на 12 саженей ниже уровня Черного моря, Терская область представляет чрезвычайное разнообразие и климатических условий. Это разнообразие в связи с обилием минеральных источников и необыкновенными красотами горной природы создает полную возможность широкого использования многих уголков области в качестве климатических станций для слабогрудых, дачных мест, экскурсионных центров и т.д.

На первом месте в этом случае стоят уже получившие громкую известность Кисловодск и Нальчик, из которых первый с 1910 года официально объявлен зимним курортом, а второй за последние годы сделался излюбленным местом летнего пребывания для слабогрудых. Помимо этого, Кисловодск является центром интересных в науч-

ном отношении прогулок и экскурсий по группам минеральных вод Пятигорья и к ледникам высочайшей горы Кавказа — Эльборуса. Из Нальчика же с успехом устраиваются экскурсии по окрестному Черногорью, на Голубые Озера, в Болкарию (родину целительного кефирного грибка, откуда он распространился по всему свету), в Хуламскую теснину Бешенного Черека, на величайший и красивейший ледник Кавказа — Безенги, к следующим за Эльборусом, по высоте, горам Коштан-тау и Дых-тау, к богатейшим залежам глинистых конкреций (стяжений) на Ак-Топраке (Белая Земля) в Чегемском ущелье, и т.д.

Вслед за Кисловодском и Нальчиком, несколько уступающая им в климатическом отношении, идут Владикавказ (центр интереснейших экскурсий по Военно-Грузинской дороге, к ледникам Казбека: Девдоракскому, Абано, Гергетскому, Чачскому, Джимаранскому и др., в угрюмый Дарьял, к замку царицы Тамары, в дикое Кистинское ущелье, в Джерах, Мещаль и Цори к ингушам, на Столовую гору, в прекрасное ущелье Вогай-Чоч, к родникам Тарской долины, и т.д.), Ала-гир (начало богатой красотами Военно-Осетинской дороги и пути к серебряным Садонским рудникам и на Цейский ледник), Воздвиженская (при входе в Аргунское ущелье — в Горную Чечню), Ведено (преддверье сурового Дагестана), и т.п.

III. Почва; растительный и животный мир

Дельта Терека. Горные склоны и ущелья. Предгорные равнины. Степная полоса. Животный мир области

В почвенном и растительном отношениях Терскую область нужно разделить также на три полосы: Нагорную, Предгорье и Степную.

Особняком стоит в этом отношении низовье р. Терека, представляющее собой обширную площадь наносов плодороднейшего ила, дающего при орошении баснословные урожаи. Значительная часть Теречной дельты, особенно северо-западный ее край, благодаря низменному своему характеру (до 12 саж. ниже уровня Черного моря), покрыта болотистыми разливами Терека, поросшими камышом и чаканом. Остальное же пространство требует, наоборот, обильного орошения, при котором получают отличные урожаи пшеницы, риса, проса, хлопка, винограда и нежных фруктов: персиков, черешен, гранат и др. А ближе к морскому берегу, на солончаковых пустырях, произрастают в диком виде каперсы (по-местному, «капорцы»), сбор которых составляет оброчную статью станицы Александрийской и является некоторым подспорьем в хозяйстве местных жителей. Лесов в низовьях Терека, можно сказать, нет, если не считать за лес густые поросли колючего лоховника (дикой маслины) и таловника (ивняка).

Совершенно иной характер носят почвы горных склонов и ушей Нагорной полосы. Здесь каждый клочок годной к обработке земли представляет огромную ценность; малейший выступ скалы служит местом для устройства крохотной нивы горца: туда натаскивается земля, удабривается навозом, проводится оросительная канавка... Сеют в горах, по преимуществу, ячмень, местами кукурузу и овес. Плодовых деревьев почти нет. Изредка встречаются абрикосы, сливы, орешник. По речным долинам массами растет барбарис, смородина, крыжовник. По лугам роскошная альпийская растительность с обильным цветением. Под ледниками выются рододендроны, цветут анемоны, колокольчики; ниже кустятся душистые азалии. Склоны Черных гор, а отчасти и Пестрых, покрыты великанами-чинарами (буками), грабами, ду-

бами, липами, карагачем, кленом, свидовником, ольховником, дикой черешней, грушей, яблоней, плодоносным кизилом, малиной, черной смородиной, ежевикой, земляникой. Выше плетется костяника, брусника; по скалам цепляется можжевельник; красуются березовые и сосновые роши...

Предгорные равнины (Владикавказская, Кабардинская, Чеченская и Кумыкская) покрыты в большинстве случаев тучным черноземом, под которым местами обнажается его подстилка: хрящевые или глинистые наносы. Лет сто тому назад большая часть Предгорья представляла собой непроходимые заросли дремучих лесов, служивших лучшей защитой для хищников горцев. В борьбе с кавказскими народами русским войскам приходилось действовать, держа в одной руке ружье, а в другой топор, под ударами которого тысячами падали вековые исполины, союзники свободолюбивых горцев. В настоящее же время от былых лесов остались одни воспоминания, и необработываемые клочки земли ныне покрыты лишь густой одеждой держидерева, терновника и мелкого кустарника разных пород: ивы, ольхи, дубняка, шиповника и т.п. На тучных нивах Предгорья выращиваются все виды хлебных злаков и других сельскохозяйственных растений: пшеница, рожь, овес, ячмень, просо, гречиха, кукуруза, горчица, подсолнечник, лен, картофель, огурцы, помидоры, арбузы, дыни... По речным долинам раскинуты сады винограда, яблонь, груш, вишен, черешен, персиков, айвы, слив.

Значительно в более худших условиях находится население раскинутых к северу от Терека степей. Это население составляют почти исключительно казаки Моздокского и Кизлярского отделов. Урожайи здесь получают более или менее сносные только на «поду» (так называется черноземная прибрежная полоса), в «бурунах» (пес-

чанных. — *Примеч. ред.*) же развитию сельского хозяйства, кроме малой производительности почвы, препятствуют всего больше постоянные засухи, сопровождающаяся «захватами». А тут еще, массами гибнут посевы под тучами прожорливой саранчи, и мало-помалу заносятся сыпучими песками разбросанные там и сям по степному пространству плодородные клочки земли. Все это принуждает население степной полосы жить скученно в удобных для хозяйства местах, главным образом вдоль берега р. Терека, занимаясь бахчеводством, садоводством, огородничеством, скотоводством и посевами проса, ржи, горчицы (гардана) и других злаков. По всему же степному простору, вперемежку с горами сыпучих песков, раскинулись беспорядочные бугры бурунов, покрытых полынью, свиноем, кугой, курой, перекатихой; кое-где только ютится чахлый колючий караганник, жидкий гребенчук (тамариск), тальник и другие малоценные породы кустарников.

Животный мир области также чрезвычайно разнообразен. В низовьях Терека, по болотам и озерам, по морским прибрежным кутам, не умолкают крики уток, гусей, лебедей, цапель, бабур и других пернатых обитателей. По камышам рыскают кабаны, населяющие и Черные горы, где наряду с ними встречаются медведи, козы, олени, волки, лисицы, куницы, изредка барс, дикий кот, рысь... В глубине скалистых гор вольно скачет гордость Кавказа, горный козобык — тур, увлекающий за собой смельчаков охотников на недосыгаемые горные выси. В камнях и в траве извиваются и таятся змеи самых различных видов и величин, начиная от маленькой, но страшно ядовитой медянки до безобразно большого желтопуза, достигающего нескольких аршин длины; бегают ящерицы, мыши; ползают муравьи, прыгают кузнечики, порхают яркоокрашенные разноцветные бабоч-

ки, стрекозы, жуки... На утесах гнездятся орлы; ниже носятся одинокие ястреба и целые тучи ворон, галок, сорок... В степях укрываются дудаки (дрофы), а в прибрежном кустарнике по Тереку — фазаны...

Рыбные богатства Терской области издавна пользовались вполне заслуженной известностью. В широко раскинутых мелководных «кутах» (заливчиках) Каспийского побережья значительная часть обитателей моря всегда находит громадное количество питательных веществ и свежую пресную воду, столь необходимую для икрометания различным ценным породам «красной рыбы» (осетру, севрюге, огромной белуге, доходящей до 65 пудов весом, и др.). Бесчисленные ерики, «ильмени», озера, заросшие камышом и чаканом, захватывающее почти всю дельту р. Терека, служат прекрасными пастбищами для выгула всех пород «черной» (она же «белая»), или «частиковой», рыбы: сазана, леща, воблы, шамаи, судака и т.п. В прибрежных водах Каспийского моря носятся тучами сельди, а в быстрых горных потоках, родниках и озерах разводятся различные породы форели, имеющей хороший сбыт на местных рынках.

IV. Минеральные богатства

Минеральные воды Терской области. Курорты Пятигорья, Серноводск, Гребенские Горячие Воды. Источники меньшего значения. Руды и другие полезные ископаемые области: нефть, серебро, свинец, цинк, строительный камень и др.

Минеральные богатства Терской области настолько велики и разнородны, что при правильной их разработке, они уже одни могли бы служить прочным основанием к развитию народного благосостояния. Богатства эти

можно разделить на три группы: 1) минеральные воды, 2) залежи металлических руд и 3) другие полезные ископаемые.

В ряду многочисленных минеральных источников, разбросанных во всех краях области, первое место по праву принадлежит источникам курортов Пятигорья. Нигде в мире больше не встречается такого благоприятного соединения самых разнообразных целебных источников редкой силы в непосредственной близости друг от друга.

Курорты Пятигорья разделяются на четыре минеральных группы: Пятигорск, Ессентуки, Железноводск и Кисловодск, расположенные один от другого на $\frac{1}{2}$ —1 час езды по железной дороге и связанные одним общим управлением.

Каждый из этих курортов имеет свои особенности, свои лечебные средства: в Пятигорске источники серные (горячие и холодные), в Ессентуках — щелочные, соляно-щелочные и серно-щелочные, в Железноводске — железисто-землистые, а в Кисловодске знаменитый «Бога тырь Ключ» — Нарзан. Воды этих источников употребляются и для питья и для ванн. К Пятигорской группе причисляются также находящиеся в его окрестностях целебные грязи Тамбуканского озера и принадлежащий к горько-слабительным водам Баталинский Горький источник, близ колонии (немецкой. — *Примеч. ред.*) Каррас.

Вторым по значению целебным курортом области является имеющий большую будущность «Серноводск» — минеральные источники близ станицы Михайловской, Сунженского отдела. По химическому своему составу ключи Серноводска имеют один общий характер (серно-щелочная вода с небольшой минерализацией), но в частности между ними есть и некоторые различия в составе (большее или меньшее содержание соли

и т.д.) и в температуре (холодные — 16° Реомюра, горячие — 56°). Это различие между отдельными ключами сближает курорт Серноводск с Пятигорском и выгодно отличает его от подобных ему источников Гребенских и Брагуновских.

Гребенские Горячие Воды находятся близ станицы Барятинской, Кизлярского отдела, на северном склоне Терского Гребня, в 18-ти верстах к северу от города Грозного. Они состоят из двух групп ключей: западной («Св. Екатерины») и восточной («Железистые»). По химическому составу обе группы почти тождественны и относятся к серно-соляно-щелочным водам. Температура ключей более горячей западной группы — 96° Цельсия.

Помимо получивших широкую известность минеральных вод Пятигорья, Серноводска и Гребенских вод, бесчисленные минеральные источники меньшего значения разбросаны в различных местах области. В предлагаемом ниже перечне помещены только более известные из них.

На первом месте по распространенности стоят сернистые ключи (горячие и холодные), находящиеся в следующих местах: 1) в бассейне р. Подкумка, группа «Пятигорских» источников (более 12-ти) под горой Машук; 2) под Эльбрусом, близ ледника Гарасу; 3) на обоих берегах р. Ардона, верстах в 15-ти выше Алагира; 4) в Тагарском ущелье, на правом берегу Гизельдона, близ селения Даргавс; 5) в Ассинском ущелье, на левом берегу Ассы, близ бывшего хутора Цорх; 6) в верховьях Сунжи, в балке Кульки-бос; 7) у подошвы Сунженского хребта, в 1—2 верстах от станицы Слепцовской; 8) курорт Серноводск близ станицы Михайловской; 9) в Мамакаевской балке в 15 верстах к северо-западу от Грозного; 10) на южном склоне Терского гребня, в Алхан-Чуртской долине, верстах в 20 к северо-западу от Грозного (источ-

ники «св. Павла»); 11) там же, в 8 верстах к западу от предыдущих; 12) «Гребенские», близ станицы Барятинской, на северном склоне Терского гребня; 13) «Брагунские», или «св. Петра», в 7 верстах к юго-западу от селения Брагуны; 14) там же, «Умахан-Юртовский»; 15) на правом берегу Сунжи, в 4 верстах ниже станицы Кахановской; 16) близ селения Истису («Горячая вода»), на склоне Качкалыковского хребта, три группы источников; 17) на левом берегу Чанты-Аргуна, близ развалин укрепления Башин-кале, в Аргунском ущелье.

Сернисто-щелочные: 1) при впадении р. Бугунты в Подкумок, «Ессентуки»; 2) у подошвы горы Бык, в 7 верстах к северо-западу от Железноводска, «Калмыкаевский»; 3) на левом берегу р. Сулака, в 6 верстах от с. Миатлы, «Миатлинские» или «св. Андрея».

Углекислые (Нарзан и подобные ему): 1) в Кисловодске, знаменитый Нарзан; 2) в 8—10 верстах выше Кисловодска, в ущелье р. Березовки; 3) на северо-восточном склоне Эльбруса, в 10 верстах от его вершины, «Теплый Нарзан»; 4) в Хасаутской долине, в верховьях Малки; 5) в верховьях Кич-Малки; 6) в ущелье Гара-су, в верховьях Чегема; 7) в верховьях Болкарского Черема, под горой Дых-тау.

Углекисло-железистые: 1) в Хасаутском ущелье; 2) в ущелье Гара-су и 3) в Ардонском ущелье, на 48 версте Военно-Осетинской дороги, у самого шоссе.

Углекисло-щелочные: 1) в верховьях Малки, по обоим берегам ее, три группы и 2) в верховьях Юнгешли (Ингушли), у подножья Эльбруса.

Соляно-щелочные: 1) в Ессентуках, 2) в 13 вер. к северо-западу от них, в верховьях р. Киркили; 3) в Тагаурском ущелье, в верховьях Генал-дона и 4) по р. Ачалук, ниже селения Средний Ачалук.

Соляные: 1) в истоках Гунделена, левого притока Баксана; 2) в истоках Гижгита, левого притока Баксана;

3) на правом берегу Малки близ селения Бабукова; 4) в верховьях Ардона; 5) в верховьях Урс-дона; 6) у селения Нижний-Ачалук; 7) близ станицы Михайловской, в балках Соляной, Крестовой и Казак-Кичинской, 8) в Датыхском ущелье, по р. Фортанге; 9) в верховьях р. Нехтой, правого притока Фортанги; 10) в верховьях р. Гудермес, в 8 верстах от селения Дышни-Ведень; 11) близ станицы Троицкой, на северном склоне Сунженского хребта, в Рошупкиной балке (горько-соленый) и 12) на южном склоне того же хребта, близ Слепцовской дороги (горько-соленый).

В приморской полосе Караногайской степи, по бывшему Астраханскому тракту лежат соляные самосадочные озера: Оразай, Кара-Каска, Уч-Как, Ачиколь (горько-соленое), Шекир, Яинлы, Сандык, Ак-Мурза, Мурза-Киши (горько-соленое), Бадуган-Туз (горько-соленое), Топ и др.

Глауберово-соляные: 1) близ колонии Каррас; 2) близ станицы Лысогорской и 3) близ станицы Михайловской. В окрестностях Пятигорска: в 7 верстах к северо-востоку — Джамгатские озера и в 10 верстах к юго-востоку — озера Большой и Малый Тамбукан.

Железистые: 1) в Харвесском ущелье, в верховьях Уруха; 2) близ селения Ногкау и 3) в Ассинском ущелье, близ хутора Алкун, в Лонжинской балке.

Железисто-щелочные: (горячие, теплые и холодные) выходят из горы Железной, в Железноводске, 15 источников.

Купоросные: 1) в 3 верстах к северо-западу от Железноводска и 2) в местности Кок-Таш («Синий Камень»), на левом берегу Чегема.

Целебные грязи известны: 1) Тамбуканские, из озера Тамбукан; 2) Миатлинские, на Сулаке; 3) Ачалукские, по р. Ачалуку и 4) Чеченские, на острове Чечень на Каспийском море.

Из металлов наибольшее распространение и большую мощность имеют залежи сребросвинцовых руд, содержащих в себе значительную долю и цинка. Известнее других Садонское месторождение, близ Военно-Осетинской дороги, в 3 верстах от нее, представляющее собой мощную жилу, имеющую на поверхности толщину не более $\frac{1}{8}$ дюйма, но на глубине доходящую до 12-ти и более саженей толщины. Для обработки Садонских руд существует во Владикавказе Алагирский серебро-свинцо-цинко-химический завод, вырабатывающий серебро, свинец, цинк и кислоты серную и азотную. Залежи серебро-свинцовых руд известны также в ущельях рек Баксана, Малки, Уруха, Фиаг-дона, Гизель-дона, Терека, Сунжи и Аргуна.

Признаки золота в россыпях обнаружены по р.р. Дурдуру, Уруху, Малке и Тереку (около Моздока). Медь встречается в горах Терской области небольшими залежами преимущественно, в виде медного колчедана, иногда с малахитом, и редко в виде куприта («красной медной руды»), в верховьях Гунделена, Баксана, Сунжи, по ущельям Кистинки, Ардона, Уруха, Фиаг-дона, Гизель-дона, Чанты-Аргуна и др. В верховьях Аргуна и в Болкарских горах имеются залежи киновари и даже, говорят, самородной ртути. Сера найдена в не особенно значительных залежах в горах Чечни, по Шаро-Аргуну и Чанты-Аргуну. Гораздо значительнее в тех же горах месторождения железной руды, разработка которой была довольно широко организована имамом Шамилем в 1840—1850 годах. В горной Осетии обнаружены также руды марганцевые, мышьяковые и молибденовые, а в Чечне, по Шаро-Аргуну, и сурмяные.

Из прочих полезных ископаемых, разрабатываемых в Терской области, на первом месте надо поставить нефть и ее продукты, которых было в 1910 году добыто

более 74 000 000 пудов. Главные месторождения нефти находятся в Грозненском промысловом районе, хотя обнаружена нефть и в других местах области: близ Ессентуков, Владикавказа, Карабулакской, Михайловской, Вознесенской, Базоркина, Ачалуков, Брагунов, слободы Воздвиженской, Истису и во многих местах в Чеченских Черных горах. В Чеченских же горах найден озокирит (горный воск), а близ станицы Михайловской находятся значительные залежи горной смолы (асфальта). Каменный уголь, горючий сланец, гагат, графит, аспид, купорос, квасцы, асбест, хотя и найдены в горах, но не в таких еще значительных количествах, чтобы подвергаться правильной разработке. Залежи каменной соли известны в Соляной балке, в Ассинском ущелье, по Уруху и в Салатавских горах. Гипс в более значительных залежах находится у горы Бермамыт (в верховьях Малки), по Ардону, Уруху, Фиагдону, Ассе и Аргуну (огромная Ченохайская гипсовая скала), близ Дарг-Коха (на горе Заманкул), Брагунов, Датыха и Беноя. Тарская станица славится своей известью, редких достоинств (чистота, крепость и прочность), несколько уступает Тарской извести Балтийская. Наконец, во многих местах Терской области находятся неисчерпаемые залежи превосходного строительного камня разных пород: песчаника, мелкозернистых и крупнозернистых известняков, мрамора, доломита, туфа, кварцевого порфира, гранита, гнейса и т.п.

Уже из этого краткого перечня минеральных богатств Терской области легко видеть, что она находится в чрезвычайно благоприятных природных условиях, наличие которых дает полное основание рассчитывать на широкое развитие края при соответствующем направлении производительных сил местного населения.

V. Население

Племенной состав населения Терской области. Плотность его. Историческое прошлое области и связь его с ее этнографией. Осетины. Татарское владычество. Болкары. Кабардинцы. Чеченцы и ингуши. Кумыки. Горские евреи. Караногайцы. Распределение по вероисповеданиям

Разнообразие природных богатств области, ее растительного и животного мира вполне соответствует и чрезвычайная пестрота и разноплеменность ее населения. На, относительно говоря, небольшой площади, на какой, например, в Баварии, населенной в 6 $\frac{1}{2}$ раз гуще, живет совершенно однородное по своему происхождению, нравам и обычаям население, вся масса которого составляет лишь одну ветвь германской народности, мы находим в Терской области длинную вереницу разноплеменных народностей, общее число которых доходит до двух десятков: русские (248 тысяч человек при общем числе населения области 1 146 000 душ обоого пола), казаки (229 $\frac{1}{2}$ тысяч), чеченцы (234 тысячи), осетины (131 $\frac{1}{2}$ тысячи), кабардинцы (100 $\frac{1}{2}$ тысяч), ингуши (55 тысяч), караногайцы (36 тысяч), болкары (34 $\frac{1}{2}$ тысячи), кумыки (33 $\frac{1}{4}$ тысячи), армяне (22 $\frac{1}{4}$ тысячи), немцы (15 $\frac{1}{4}$ тысяч), евреи горские и европейские (8 $\frac{1}{4}$ тысяч), грузины (7 $\frac{1}{2}$ тысяч), поляки (4 $\frac{1}{2}$ тысячи), персы (4 $\frac{1}{2}$ тысячи), калмыки (1 $\frac{3}{4}$ тысячи), дагестанцы, греки, французы, итальянцы и т.д.

Несмотря на такую пестроту населения, все же Терскую область в общем далеко нельзя признать густо населенной. Сравнивая ее в этом отношении с некоторыми государствами Западной Европы, приходится прийти к тому выводу, что все они населены гораздо гуще: Болгария и Греция в 3 раза, Сербия в 4, Дания в 5, Фран-

ция в 5 1/2, Бавария в 6 1/2, Швейцария и Пруссия в 7, Англия в 10, Голландия в 12, а Бельгия даже в 20 раз.

Причиной такой пестроты, с одной стороны, и малой плотности населения, с другой, является прежде всего то обстоятельство, что Терской области пришлось разделить в прошлое время, вместе со всем юго-востоком России, печальную судьбу придорожной страны, чрез которую то и дело проносились беспощадные ураганы диких нашествий. Сменялись один за другим народы, и гибли без следа плоды работы целых поколений. Зато мало где можно встретить страну, представляющую столько интересного в археологическом и этнографическом отношениях, как Терская область.

По сведениям арабских географов IX и X веков и по первым известиям русских летописей, древнейшими обитателями Северного Кавказа нужно считать осетин, которые по происхождению своему и по языку являются народом, составляющим промежуточное звено между древними персами и германцами. Они занимали, под именем аллан, яссов или оссов, как равнины предгорья, так и центральную часть Кавказского хребта, переливаясь и за него в Грузию, в долины Лиахвы и Куры. В более древние времена пределы расселения осетин, или племен им родственных, были, очевидно, значительно шире и захватывали весь юг нынешней России, доказательством чему служат сохранившаяся донныне названия главных южнорусских рек — Дона, Днепра и Днестра, имена которых находят себе прекрасное объяснение в осетинском языке. «Дон» по-осетински просто значит «вода, река», и слышится в этом значении в названиях большинства рек Осетии: Ар-дон, Фиаг-дон, Гизель-дон, Сау-дон, Нар-дон, Урс-дон и т.д. «Днепр» представляет собой несколько видоизмененное выражение «дон абр-шта», что значит «река поборола», одолела стеснявшие

ее пороги и спокойно пошла дальше своей дорогой. «Днестр» легко сопоставляется с выражением «дон стр», что означает «река большая».

Волна монгольского нашествия в начале XIII века снесла и поглотила остатки кочевых племен, бродивших в степях Северного Кавказа, а осетин загнала в глубину горных теснин. Ханы могущественной Золотой Орды часто заходили со своими кочевьями в пределы Терского края, где в лесах и болотах Терско-Дагестанской равнины страстные охотники монголы могли всегда найти себе богатую добычу. С другой стороны равнины Предгорья, закрытые Терским, Сунженским и Качкалыкковским хребтами от суровых степных буранов, представляли великолепные места для зимних стоянок бесчисленных ханских стад и табунов. Этим-то и объясняется появление в Эльхотовском ущелье на Тереке ханской ставки в Татартупе («Татарский стан»), называемом иначе Верхним Джулатом, в отличие от Нижнего Джулата, находящегося на правом берегу Терека против станции Котляревской. Принимая во внимание, что еще до самых последних времен у местного населения держался обычай ежегодно справлять большой праздник в Татартупе, сопровождавшийся конскими состязаниями, можно слово «Джулат» сопоставить с татарскими словами Джул — «год» и ат — «лошадь», т.е. объяснять его как «место годичных конских состязаний».

Древний минарет, одиноко возвышающийся в ущелье, и донныне отчетливо указывает священное место Татартупа. И теперь еще у окрестных жителей (кабардинцев и, особенно, осетин) считается самой страшной и нерушимой клятва, данная в Татартупе, где несколько веков тому назад присяга приносилась пред грозными очами всемогущего ордынского хана. Здесь же, как говорит история, знаменитый Тамерлан на голову разгромил

в 1395 году хана Золотой Орды Тохтамыша, бежавшего после боя «в болгарские (болкарские) леса». Вероятно, в пределах Терской же области был 22 ноября 1319 года замучен в Орде святой князь Михаил Тверской. Как известно, хан в то время охотился за Терекком, в горах под городом Дедяковым, находившимся в трех днях пути от города Мажар (на Куме, близ нынешней Прасковей). Этим городом могло быть только осетинское селение Тетти-кау, стоявшее, по словам народного предания, на р. Фиаг-доне, в нынешнем Куртатинском ущелье.

Ближайшими соседями осетин являются болкары, занимающие горные ущелья к западу от осетин, по бассейнам рек Черека, Чегема и Баксана, и составляющие пять горских обществ: Болкарию, Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. В соседней Кубанской области, под западными отрогами Эльбруса, живут соплеменники болкар — карачаевцы. Язык болкар тождествен с языком ногайцев. Вероятно, они представляют собой остатки древнего сильного племени Камских болгар, которые сдвинулись с Камы в южнорусские степи, откуда большая часть их хлынула на Балканы, где положила основание Болгарскому царству, а часть еще в XIV веке кочевала между Кубанью и Азовским морем в стране, известной тогда под именем Черной Болгарии. Кабардинцы, появившиеся в Предкавказье в XIV—XV веках, оттеснили болкар в горы и впоследствии сделали их своими полуподвластными-полусоюзниками.

Кабардинцы принадлежат к многочисленной группе родственных между собой племен «адыге», известных ныне под именем черкес, а тысячу лет тому назад называвшихся «косогами» (у арабских географов — «кешак»). Главная масса черкесских племен населяла Западный Кавказ, между Черным морем и Кубанью, а Кабардинцы составляли восточную группу адыгского народа. Появив-

шись в районе Пятигорья, кабардинцы оттеснили населявшие эти места татарские орды к северу, а болгар заперли в горных ущельях под Эльбрусом, и вскоре вся западная половина Терского края признала над собой их владычество. Осетины и ингуши разделили участь болгар и не рисковали показываться на равнине. Часть чеченцев также подчинилась кабардинцам, в то время как другая часть признала над собою власть кумык.

В настоящее время Кабарда делится на Большую и Малую. Первая занимает всю предгорную равнину к югу от течения реки Малки, а вторая — западную часть Терского хребта, имея восточной границей реку Курп, правый приток Терека. Это деление установилось еще в незапамятные времена, и русское владычество застало Кабарду уже разделенной между кабардинскими княжескими родами: в Большой господствовали Кайтукины, Бек-Мурзины, Мисостовы и Атажукины, а в Малой — Бековичи, Ахловы и Тау-Султановы. Сословность искони составляла отличительную черту кабардинцев, среди которых насчитывалось одиннадцать отдельных сословий. Во главе народа стояли князья — «пши», за ними следовали три дворянских сословия — «уорков», или «узденей». Уорки первой степени были почти независимы от князей и имели своих подданных узденей 2-й и 3-й степени. Холопских сословий в Кабарде было четыре: «азатами» — оброчные крестьяне, «оги» — барщинные крестьяне, «логунапыты» — дворовые и «уна-уты» — полные, бесправные рабы.

До самого последнего времени кабардинцы во всех отношениях стояли впереди прочих народностей Терской области, среди которых они имели то же значение, что и французы в Западной Европе, являясь законодателями моды. Все кабардинское признавалось совершенством: кабардинский конь, седло, бурка — лучше всех прочих;

манера одеваться, ездить верхом, действовать оружием, кабардинские нравы и обычаи — все это служило образцом долгое время не только для прочих туземных народов, но даже и для линейского казака, а за ним и вообще для кавказской армии. И донныне кабардинцы сохранили свое первое место среди других народностей края, обнаруживая склонность и способность к быстрому усваиванию культуры, цивилизации и просвещения, делающих заметные успехи в Большой и Малой Кабарде.

Центральная часть Терской области занята многочисленной ингушеско-чеченской народностью. Откуда и каким путем попала в Терский край эта народность, никаких достоверных сведений не имеется. Известно только лишь то, что местом их первоначального поселения являются горные теснины в верховьях Ассы и Аргуна. Только к концу XVII века появляются первые чеченские поселения на плоскости, ингуши же выдвигаются на равнину еще позднее, — к концу XVIII века. К этому же времени относится и появление чеченских аулов на правом берегу Терека против станиц Моздокского полка и по Сунже, когда на места эти были вызываемы из горных трущоб чеченцы, соглашавшиеся «подчиниться России». Под именем «мирных» они заняли своими поселениями лучшие земли на правом берегу Терека, прежде принадлежавшие гребенским казакам. Начало поселениям «мирных» чеченцев было положено в 1770 году генералом Медемом, командовавшим в ту пору войсками на Линии. С течением времени поселения эти размножились настолько, что генералу Ермолову пришлось уже употреблять самые решительные и даже жестокие (до уничтожения селений включительно) меры против этих «мирных» чеченцев, являвшихся лучшими пособниками для «немирных» и участниками во всех их грабежах и разбоях на Линии.

Название чеченцев и ингушей дали этой народности уже русские. Сами себя ингуши называют «галгай», или «ламуро» (т.е. «горец», от чеченско-ингушского слова «лам» — гора), а чеченцы — «нахчуо», что значит просто «народ, люди»¹. Названия же они получили по именам главных своих селений: первые по имени города Ангушт, лежавшего на р. Камбилеевке, на месте нынешней Тарской станицы, а последние по имени селения Чечен. Соседи чеченцев — кумыки — знают их под именем «мичикан», так как впервые столкнулись кумыки с чеченцами на речке Мичик. В то время чеченцы жили еще совершенно разрозненными родами, имевшими между собой мало общего, и представляли собой мирно настроенный, пастушеский народец, легко признавший над собой власть кумык. Однако с течением времени нрав чеченцев круто изменился. Постоянные обиды, причиняемые им хищными в то время кумыками, и особенно появление в Чечне еще более хищных калмык, принудили чеченцев дать отпор непрошеным гостям. Постоянные междоусобия, препятствовавшие объединению народа и крепость родовых уз, и по сию пору сохранившаяся среди ингушей и чеченцев, не вышедших еще и доныне из поры родового быта, заставили чеченцев поручить иноплеменникам дело государственного строительства. Поэтому они пригласили к себе князей Турловых из Дагестана, из селения Гумбет, причем дали им обещание, что все веления Турловых будут свято исполняться, если только они сумеют защитить Чечню от кумык и калмык. Явившись в Чечню с сильной дружиной, Турловы живо навели порядок:

¹ Интересно, между прочим, что название древних печенегов (или баджинаков) находит себе объяснение в ингушском языке: «баджы» — трава, луг, а «нах» — народ, и таким образом «баджи-нах» значит «луговой (степной) народ».

установили правильное соби́рание податей на общенародные нужды, ввели воинскую повинность для всего населения, способного носить оружие, причем обязали чеченцев не только свое селение защищать, но и спешить на помощь, в случае опасности, к жителям других, даже и самых отдаленных чеченских селений. Все эти меры дали возможность Турловым не только отражать нападения мелких хищнических кумыкских шаек, но даже и калмык совершенно изгнать из Чечни. Это событие произошло в начале XVIII века. Хотя Турловы недолго продержались в роли владык свободолюбивой Чечни, так как к концу того же века чеченцы их изгнали и принудили выселиться в «мирные» аулы, к Тереку, однако начатое дело объединения народа не заглохло: чеченцы уже считали себя одним народом и привыкли вместе давать отпор своим врагам. Этими врагами в ту пору являлись уже только русские, так как кумыки и кабардинцы давно уже подчинились России. Привыкшие к войне чеченцы долго и упорно сопротивлялись могущественной России, и понадобились многие десятилетия для окончательного приведения их к покорности.

Кумыки, населяющие в настоящее время плоско-стную часть Хасав-Юртовского округа, представляют собой народность тюркского происхождения, с давних пор населяющую Предгорье по обе стороны реки Сулак. Самое название свое они получили от степей, обитателями которых были долгое время: «кум» по-татарски значит «песок», т.е. степь, почему «кумы-ком» называется «степняк», в отличие от жителя гор — «тавлинца» (от слова «тау» — гора), как называются вообще все жители гористой Дагестанской области. Когда-то кумыки составляли довольно сильное государство — шамхальство Тарковское, основание которому было положено еще

арабами, завоевавшими Каспийское побережье в VII веке и поставившими в пограничной области своего «шамхала» — наместника.

Горские евреи, по языку и обычаям сильно отличающиеся от евреев европейских, принадлежат к числу древнейших обитателей Терского края. Если верить их собственным преданиям, то они являются остатками израильтян, расселенных Навуходоносором по окраинам Вавилонского государства после разрушения им царства Израильского. Некоторые, впрочем, считают горских евреев потомками великого когда-то хозарского народа, исповедовавшего, как известно, иудейскую религию и составлявшего могущественное государство на юго-востоке России в VIII—IX веках.

Караногайцы, кочующие ныне в прикаспийских степях, только со времени постройки Кизлярской крепости (1736) заняли степи между Тереком и Кумой, а отвод им земель произведен Высочайшим указом в 1799 году. Караногайцы оказываются несомненными потомками Великой Золотой Орды, к числу владений которой принадлежала в XIII—XIV веках вся Русская Земля. В XVI веке ногайцы были еще сильным народом, дружбой с которым дорожили московские цари, но уже к концу этого века могущество их погубило со времени разделения орды на три части: Большой Ногай, Малый Ногай (или Казыевы улусы) и Джетысан, т.е. семидесятитысячный. Затем от Большого Ногай отделилось несколько сот кибиток и откочевало за Яик (Урал) к реке Эмбе, по имени которой приняли эти кибитки название «джембойлуков». Большой Ногай расположился между Волгой и Уралом, а Малый занял степи между Волгой, Доном и Кубанью. Потеряв свое могущество, ногайцы скоро лишились и самостоятельности, подчиняясь то Крымским, то Калмыкским ханам.

В настоящее время ногайцы, занимая степи Терской области и губерний Астраханской и Ставропольской, разделяются на восемь народностей: калаусо-джембойлуковцы, калаусо-саблинцы, бештау-кумцы, ачи-кулакцы, эдишкульцы, эдиссанцы (джетысанцы), эдиссано-джембойлуковцы, закубанцы и караногайцы. Из всех этих племен в пределах Терской области кочуют только караногайцы, разделяющиеся в свою очередь на четыре «куба» (рода): Кипчак, Мин, Найман и Терк. Кубы делятся на «аулы» (фамилии), а эти на кибитки (семьи).

За исключением осетин, большей частью исповедующих христианство, и калмык-язычников, все инородцы Терской области исповедуют магометанскую религию. Большинство народностей приняло магометанство лишь в XVIII—XIX веках, древнейшей же религией их является христианство, занесенное еще в VII—XI веках из Грузии. В настоящее время, несмотря на численное преобладание в области инородцев, все же христианство занимает среди вероисповеданий первое место: на тысячу населения приходится христиан 548 человек. Перевес христианству дают осетины, большинство которых (пять шестых) христиане. Впрочем, православные осетины сплошь и рядом дают своим детям языческие и магометанские имена, исполняют языческие обряды, всем христианским святым приписывают свойства языческих богов приносят им жертвы и вообще обнаруживают полную религиозную неустойчивость. В частности, из населения области православных 46,9 %, старообрядцев (большинство их — казаки) и сектантов 4,2 %, других христианских исповеданий (армян, католиков и других) — 3,7 %, магометан — 44,2 % (в том числе есть и казаки (имеются в виду «показаченные» представители мусульманских народов и их потомки. — *Примеч. ред.*), иудеев — 0,7 %, прочих нехристианских исповеданий — 0,3 %.

VI. Административное деление области

Округа и отделы. Порядок управления. Областная администрация. Войсковое управление

Административное разделение Терской области вполне соответствует распределению на ее пространстве главнейших национальностей. Терская область состоит из четырех отделов, шести округов и одного областного города — Владикавказа, не входящего в округа и отделы, которые вполне соответствуют уездам прочих губерний России. Казаки занимают своими поселениями все четыре отдела, соответствующие полковым округам: в Пятигорском отделе расположены станицы Волгского полка, в Моздокском — Горско-Моздокского полка, в Кизлярском — Кизляро-Гребенского, а в Сунженском — Сунженско-Владикавказского полка. Осетины живут во Владикавказском округе, ингуши — в Назрановском, чеченцы — в Грозненском и Веденском, кумыки и сала-тавцы — в Хасав-Юртовском, кабардинцы и болкары — в Нальчикском, кочевья же караногайцев образуют особое Караногайское приставство, составляющее 2-й участок Кизлярского отдела. Большинство торгового населения (т.е. населения, приписанного к торговому сословию. — *Примеч. ред.*) городов Моздока и Кизляра — армяне.

Управление отделами вверяется Атаманам отделов (генералам или полковникам), а округами — Начальникам округов. И тем и другим присваиваются все права и обязанности уездных исправников (т.е. полицейских чиновников. — *Примеч. ред.*), но, кроме того, на них возлагается надзор за деятельностью общественных управлений в поселениях отделов (округов). Управления отделов и округов находятся в следующих пунктах: Пя-

тигорского отдела — в Пятигорске, Моздокского отдела — в Моздоке, Кизлярского отдела — в станице Грозненской, Сунженского — в городе Владикавказе, где находятся также и управления Владикавказского и Назрановского округов; управления остальных округов находятся в соименных им населенных пунктах: в городе Грозном и в слободах Ведено, Хасав-Юрт и Нальчик. Для несения в пределах округов охранно-полицейской службы, при управлениях округов существуют команды особой Терской охранной стражи преобразованной в 1910—1911 годы из бывшей Терской постоянной милиции.

Округа и отделы делятся на соответствующие российским станам административно-полицейские участки, вверяемые особым начальникам участков (преимущественно офицерам), соединяющим в себе права и обязанности станового пристава (полицейский чин. — *Примеч. ред.*) и, отчасти, земского начальника (кроме судебной части).

Общественное управление в казачьих станицах, соответствующих российским селам, действует на основании особого Положения о таком управлении 3 июня 1891 года. Общественное же управление в инородческих селениях области (в аулах), а равно и в слободах, образованных при бывших военных штаб-квартирах, крепостях и укреплениях, определяется временными правилами, утвержденными бывшим Наместником Кавказским 30 декабря 1870 года (для аульных обществ) и 1 июня 1879 года (для слобод). Управление в городах области образуется на общих основаниях, с той лишь разницей, что по отношению к городам Терской и Кубанской областей права министра внутренних дел предоставляются Наместнику Кавказскому и Военному министру.

Наместнику же принадлежит и главное местное управление обеими областями (Терской и Кубанской), вместе со входящими в их состав городами, гражданским русским и инородческим населением и обоими казачьими войсками (Терским и Кубанским. — *Примеч. ред.*), по отношению к которым Наместнику присвоено звание Войскового Наказного Атамана Кавказских казачьих войск. Ближайшее управление областью составляют Начальник области (он же Наказный Атаман Терского казачьего войска) и Областное Правление. Кроме общих прав губернатора, Начальнику области присваиваются особые права по отношению к местной охранной страже, городскому населению и лицам, принадлежащим к составу Терского казачьего войска. При Начальнике области состоит его Канцелярия и два Помощника, из которых Старший имеет ближайшее наблюдение за военным образованием казаков служилого состава, помогает Начальнику Области в управлении и заменяет его в случаях отсутствия, а Младшему присваиваются остальные права и обязанности Вице-Губернатора.

Областное Правление ведает все дела по управлению областью, причем, кроме дел, относящихся обычно к ведению губернских правлений (по общему управлению, по охранению безопасности и общего спокойствия, по охранению народного здоровья, по хозяйственной жизни области, по делам строительным и дорожным, по казенному управлению, по межевой части и по судебному управлению), в Областном Правлении сосредоточены также и дела: по народному продовольствию, земским повинностям и дорожной части, по заведыванию землями и всякого рода угодьями, капиталами и иными имуществами, принадлежащими Терскому казачьему войску, на основании действующих о таких землях, угодьях,

капиталах и имуществах положений, по распределению казачьих земель на основании положений о поземельном устройстве в казачьих войсках и по общественному управлению в казачьих станицах, в слободах и в аульных обществах горского населения. При Терском Областном Правлении состоят: Межевая Чертежная, Кизлярский Береговой Комитет, ведающий исправным состоянием береговых плотин на нижнем Тереке, Войсковые Агрономы, Областная Типография и Редакция Терских Областных Ведомостей.

Центральное управление всеми казачьими войсками сосредоточено в Военном Министерстве, по Казачьему Отделу Главного Штаба (бывшее Главное Управление Казачьих Войск), а верховным главой казаков является Августейший Атаман Всех Казачьих Войск, Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич. Для местного же военного управления казачьими делами при Наказном Атамане существует Войсковой Штаб, во главе которого стоит Начальник Войскового Штаба, назначаемый по представлению Наказного Атамана Высочайшим Приказом. Войсковой Штаб наблюдает за исправностью нижних чинов, выходящих на службу, за своевременным получением от казны определенных войску довольствий, за исправным содержанием военных войсковых зданий и за развитием станичного коневодства. Кроме того, Войсковой же Штаб руководит деятельностью Атаманов отделов по вопросам военного характера.

Ближайшее наблюдение за исправным несением казаками всех обязанностей, связанных с исполнением воинской повинности, возлагается на Атамана Отдела, который надзирает также за соблюдением казаками правил чинопочитания и за правильным обучением казаков приговорительного разряда строевой службе. На Ата-

мана отдела возлагаются и заботы по формированию и комплектованию сменных команд и строевых частей; им же лично производятся инспекторские опросы и смотры возвращающимся с действительной службы строевым частям, командам и одиночным казакам. В отношении наложения взысканий на подчиненных чинов Атаман отдела пользуется правами командира бригады.

VII. Пути и средства сообщения

Водные пути сообщения. Характер рек Терской области. Железные, шоссейные и грунтовые дороги области. Особенное значение для края дорожного вопроса и современное его положение

Моря, озера и реки издавна повсюду признаются самыми лучшими путями сообщения. Большая грузоподъемность, удобство, скорость и легкость передвижения, отсутствие затрат на ремонт пути — все это дает огромные преимущества водным путям сравнительно с сухими.

К сожалению, Терская область, можно сказать, совершенно лишена водных путей: море омывает нездоровую, малонаселенную, непроходимо заболоченную ее окраину, а реки не только не служат к облегчению сношений между отдельными частями области, но до крайности затрудняют движение по грунтовым дорогам, сплошь и рядом размывая путь на значительном протяжении, срывая мосты, обрушивая берега, загромождая дорогу каменными выносами и т.д.

Таким образом, населению области приходится пока довольствоваться по преимуществу грунтовыми дорога-

ми, общее протяжение которых в пределах области достигает 10 000 верст, и железнодорожной линией с общим протяжением в 453,9 версты, из которых 194,8 версты находится под главной линией Ростов — Владикавказ, 193,6 под Петровской ветвью и 65,5 версты под Минераловодской ветвью. Из грунтовых дорог три более известные: Военно-Грузинская, по долине Терека, Военно-Осетинская, по долине Ардона, и Царская от Ведено через Андийский хребет на Ботлих, находятся в ведении Кавказского округа путей сообщения и частью шоссированы. В пределах области они занимают протяжение: Военно-Грузинская — 35 верст (от Владикавказа до Дарьяла, а дальше на протяжении 165 $\frac{1}{2}$ верст она находится в пределах Тифлисской губернии), Военно-Осетинская — 107 верст (дальше по Кутаисской губернии) и Царская — 65 верст, а всего 207 верст. Остальные дороги состоят в ведении областной администрации, причем шоссировано из них до 350 верст.

На содержание в исправности дорог, находящихся в ведении администрации, разрешено расходовать дополнительные земские сборы с торговых документов и питейных патентов, но за недостаточностью этих средств, ввиду расходования их и на другие земские нужды, многие существующие в области дорожные сооружения остаются без надлежащего ремонта и приходят в совершенную негодность, постройка же новых откладывается год за год в ожидании стоящего на очереди введения в области земских учреждений.

За три последних года из дополнительных земских сборов истрачено на ремонт и содержание дорожных сооружений в исправности 54 064 рубля 83 копейки и за счет общего войскового капитала Терского казачьего войска израсходовано на ту же надобность 66 633 руб. 25 коп., а всего 110 693 рубля 8 коп., т.е. около 37 000 руб. ежегодно.

В отношении путей сообщения в особенно тяжелых условиях находится Нагорная полоса области, где проведение и содержание в исправности дорог представляет значительные трудности и требует больших денежных затрат. А между тем помимо общего культурно-экономического значения путей и средств сообщения, отсутствие которых является самым серьезным препятствием к насаждению в области гражданственности и к поднятию на должную и соответствующую богатым природным условиям степень развития обрабатывающей и добывающей промышленности, дорожный вопрос в Терской области имеет другую еще, так сказать, чисто административно-полицейскую сторону. Дело в том, что отсутствие дорог и причиняемые разливами рек, снежными заносами, каменными обвалами и т.п., частые перерывы сообщений между отдельными частями области, лишая местную администрацию всякой возможности держать население вполне в своих руках, в то же время способствуют различным злонамеренным лицам из среды туземного инородческого населения укрываться от судебного преследования и ускользать от всякого наказания за совершаемые злодеяния. Военные дороги, проведенные вдоль и поперек горных ущелий в разное время при покорении Кавказа усилиями и средствами самих войск, теперь сделались совершенно непроходимыми не только для более или менее значительных военных сил, но даже и для одиночных лиц. Все это вызывает усиление в области грабежей и разбоев, при которых мирное процветание ее совершенно невозможно.

Поэтому развитие дорожного дела и расширение сети телефонных и телеграфных сообщений необходимо признать одной из важнейших мер для укрепления законности и порядка среди инородческого населения области.

Впрочем, в последнее время со стороны самого населения замечается стремление к улучшению своих путей и средств сообщения собственными силами: строятся мосты, разделяются и шоссировуются дороги, гатятся топкие места, проводятся телефонные линии и даже целые сети таких линий, и т.д. Однако пока дело идет, к сожалению, слишком медленными шагами, за отсутствием у населения Терской области общих исполнительных и распорядительных органов, т.е. земских учреждений, введение которых в законодательном порядке является вопросом ближайшего будущего.

Часть V

ТЕРЦЫ ДОМА (Домашний и общественный быт казака)

Я седельце боевое
Шелком разошью...

I. Землепользование Терских казаков

Земельные владения Терского Войска. Офицерские участки и земли войскового запаса. Станичные наделы. Распределение надельной земли по паям. Система хозяйства и землепользования

Терскому Казачьему Войску принадлежит около одной четвертой части (0,28) всей территории Терской области (1 851 023 десятины из 6 630 805 десятин), причем около одной шестой части этой площади вошло в состав войсковых земель в XIX веке, а остальные пять шестых еще в XVI—XVIII веках были собственностью войск и полков, образовавших впоследствии (1861) одно Войско Терское. При завершении казачьего землеустройства в половине прошлого столетия, согласно мнению Государственного Совета 21 апреля 1869 года, вся войсковая земельная наличность была разделена на три части: надел станичных обществ, участки войсковых офи-

церов и чиновников и земли войскового запаса. Мера эта имела значение внутреннего землеустройства в Войсках, так как при этом не только отвода новых земельных пространств в пользование казаков не производилось, но даже были изъяты из казачьего пользования значительные пространства земли, с одной стороны, в войсковой запас, а с другой, в частную собственность казачьим офицерам и чиновникам взамен ими выслуженной пенсии, которую надлежало выдавать им из незначительных в то время войсковых доходов, почему эти пенсии были возмещены им единовременно в форме пожалования в полную собственность соответствующих участков войсковой земли, по расчету генералам по 1500 десятин, штаб-офицерам по 400 дес. и обер-офицерам по 200 дес.; произведенным в первый чин при отставке причиталось меньше: генералам по 800 дес., войсковым старшинам по 300 дес. и хорунжим по 100 дес. Вместе с тем предполагалось из той же общевойсковой собственности вырезать определенные наделы станицам из расчета по 30 дес. удобной земли на мужскую душу. Могущий за тем образоваться остаток надлежало обратить в войсковой запас, предназначавшийся, во-первых, на дополнение станичных наделов до узаконенного количества, а во вторых, на разные общественные надобности (под дороги, под войсковые леса, для лагерей, для образования оброчных статей, и т.п.). Между тем, по приведении в известность наличности войсковых земель и войскового населения, определилось, что в Терском войске не только нет свободного остатка для образования войскового запаса, но даже не хватает до нормального наделения станиц, а потому была предпринята таксация (расценка) войсковых земель по степени их удобности для сельского хозяйства, причем вся земля разделена была на пять категорий, из которых каждая делилась на три разряда. За норму был

взят низший разряд 4-й категории, в котором и определено было вырезать душевой надел в 30 дес., а обер-офицерский в 200 дес., в остальных же разрядах отвод производился в соответственно большем или меньшем размере.

Таким образом, в конце концов, из общей площади в 1 846 513 дес. войсковой территории было выделено под офицерские участки 117 896 дес., в пользовании станиц ныне состоит 1 738 310 дес. (удобной земли 1 414 711 дес. леса и кустарника 100 456 дес., неудобной 223 143 дес.) и в войсковом запасе 108 203 дес., из которых около 10 000 дес. было прикуплено в недавнее время (после 1902 г.) за счет войскового капитала. Так как худшие по качеству земли в пределах войсковой территории находятся в Моздоко-Кизлярских степях и в прикаспийской болотистой дельте Террека, то наибольшая доля станичной войсковой земли находится в Кизлярском отделе — 640 143 дес. (в том числе неудобной 179 751 дес., т.е. две седьмых части); в Моздокском отделе — 449 640 дес., в Пятигорском — 377 861 дес. и в Сунженском — 270 666 дес. В настоящее время удобной земли Терский казак в среднем имеет вместо 30 дес., причитавшихся ему по положению 1869 года, всего лишь 12,3 дес. (Пятигорцы — 11,4 дес., Моздокцы — 14 дес., Кизлярцы — 16,6 дес., Сунженцы — 7,6 дес.), а вместе с неудобной — 15,1 на мужскую душу.

Сравнивая существующие земельные наделы станиц с теми, которые были отведены станицам уже принимая во внимание разделение земель по разрядам, нужно заметить, что наделы эти опустились далеко ниже нормы: из числа 70-ти станиц Терского Войска, к 1 января 1911 года только в 7-ми величина надела не опустилась ниже $\frac{2}{3}$ первоначального, в 3-х она равна $\frac{2}{3}$, в 20-ти — менее $\frac{2}{3}$, в 15-ти равна половине, а в 25-ти даже менее половины первоначального надела. В отдельных частях

области средний душевой надел казаков представляет довольно значительные колебания: наименьший средний надел — 9,5 дес. приходится на Сунженский отдел (по отдельным станицам — от 7,3 дес. в ст. Архонской до 13,8 в ст. Ассинской), наибольший — 24,7 дес. на Кизлярский отдел (по отдельным станицам от 10,9 дес. в ст. Грозненской до 44,0 в ст. Щедринской). Впрочем, действительное пользование станиц своими наделами для пахоты значительно меньше указанного благодаря тому, что дополнительные их участки, составляющие во многих станицах половину (а в ст. Сунженской даже $\frac{2}{3}$) всего земельного надела сдаются в аренду. Таким образом, например, в ст. Тарской, в которой числится на мужскую душу 11,6 дес., под распашку ежегодно поступает на пай в общем менее 2-х десятин, остальная же часть или в аренде (дополнительный участок), или под толок и покосом, или же по почвенным и климатическим условиям негодна для хлебопашества (болота, скалы, кустарник и т.п.).

Так как земельные наделы являются для большинства станиц единственным (за отсутствием других оброчных статей: озер, копей и т.п.) источником общественных доходов, то многие станицы вынуждены сдавать более или менее значительные участки из своих юртовых наделов в арендное содержание и на выручаемые от этой аренды суммы содержать станичные правления, училища, церкви и церковные причты, снаряжать неимущих казаков на службу и удовлетворять прочие общественные потребности. С другой стороны, многим станицам приходится сдавать в аренду свои дополнительные наделы почти за бесценок только лишь благодаря значительной удаленности этих наделов от станиц: верст 150 (Сунженская, Тарская, Воронцово-Дашковская) и даже более 250 (Петропавловская и Кахановская).

Общественная отдача в аренду станичной надельной земли не приносит казакам особенных выгод; арендная плата не превышает в среднем 1 р. 66 к. на десятину, а весь годовой доход войскового населения по этой статье выражается цифрой 6 р. 6 к. на мужскую душу, и далеко не покрывает собой станичных и мирских расходов, входящих до 9 р. 48 к. в год на мужскую душу.

В зависимости от принадлежности к тому или другому виду сельскохозяйственных угодий, станичные земли частью распределяются на пай в пользование между всеми одностаничниками, а частью остаются в станичном пользовании для удовлетворения общественных нужд. Хотя по закону 1869 года право на пай приобреталось казаком по достижении семнадцатилетнего возраста (бездетная вдова казака имеет право на полпая, сирота на полпая, а вдова с сиротами или сироты, если их больше одного, на целый пай), однако и до издания этого закона и долгое время после него значительная часть сельскохозяйственных угодий не подвергалась правильному делению, и в пользовании покосами, лесами и даже пахотными землями до 80-х годов прошлого столетия во многих еще станицах существовало право захвата — «вольница», отошедшая в наше время в область преданий.

В способах раздела по паям, предоставленного усмотрению самих обществ, на пространстве Терского Войска встречается чрезвычайное разнообразие, зависящее как от почвенных и климатических условий, так и от системы полевого хозяйства, установившихся обычаев и других более или менее случайных обстоятельств. Делят на один год и на сроки более продолжительные (5—6 лет), делят на души отбивные (мужские взрослые) и на едочков (не исключая и девочек), делят по паям, по дворам, по десяткам, по улицам, по краям, по плугам и т.д. Об-

ший порядок раздела все еще не установлен, и в настоящее время на Тереке происходит постепенный переход к новым способам землепользования в зависимости от все большего и большего распространения в области усовершенствованных орудий и новых способов обработки почвы и уборки урожая.

II. Сельское хозяйство

Хлебопашество. Огородничество. Садоводство. Виноградарство и виноделие. Сенокосение. Пчеловодство

Хлебопашество составляет главный предмет занятия и источник благосостояния Терских казаков. К сожалению, неустойчивость климата, сопровождающаяся местами сыростью, местами засухой и градобитием, и разнообразные вредители, губящие посевы казаков ежегодно на сотни тысяч рублей (саранча, кузька, головня, ржавчина, известная в области под именем «захвата», просяная огневка, льняная бабочка и др.), в значительной мере препятствуют более успешному развитию хлебопашества и задерживают начавшийся уже в станицах переход от «экстенсивного» (т.е. основанного на запашке больших площадей полей) к «интенсивному» (т.е. основанному на более тщательной обработке поля) хозяйству, от залежно-переложной системы с «вольницей» к правильному плодосмену с долгосрочными переделами.

Требования и условия времени, с одной стороны, а с другой, наличие в Войске агрономической организации, учрежденной с 1906 года, приводят в общем к тому, что среди станичных сельских хозяев замечается усиленное расширение запашек, улучшение способов и орудий обработки, введение новых культур (травосеяния, улуч-

шенных семян). Площадь запасек под хлебные злаки, десять лет тому назад не превышавшая 200 000 десят., дошла в 1910 году до 378 919 десятин; особенное усиление заметно в отделах Сунженском и Пятигорском, где площадь эта увеличилась вдвое и втрое (с 34 075 дес. до 69 412 дес. в Сунженском и с 48 609 до 136 912 дес. в Пятигорском отделе). Сеется, по преимуществу, озимая пшеница — 98 937 дес., под просом — 95 522 дес., под овсом — 50 310 дес. За ними следует рожь — 39 093 дес., озимый ячмень — 35 452 дес., кукуруза — 20 841 дес., яровой ячмень — 18 542 дес., подсолнечник — 6931 дес., лен — 5738 дес., яровая пшеница — 1496 дес. и прочие яровые растения — 4922 дес. Урожай хлебных злаков неравномерен по отдельным районам области, но в общем на войсковой территории составляет почти сам — 7, колеблясь в среднем от сам — 5—6 в Кизлярском отделе до сам — 8—9 в Пятигорском, где злаки значительно лучше и по качеству. Как бы то ни было, за исключением Кизлярского отдела, не всегда обеспеченного собственным хлебом для продовольствия и обсеменения полей, все же станицы в общем производят хлеба в избытке, сбывая его и на сторону. Избыток этот в течение последнего пятилетия колеблется в Пятигорском отделе от 1,6 четв. на душу населения до 7,1 четв., в Моздокском от 3,0 четв. до 6,4 четв. и в Сунженском от 1,9 четв. до 3,8 четв.

После хлебопашества одну из важнейших отраслей сельского хозяйства в войске составляет огородничество и бахчеводство. Ни то ни другое, впрочем, за последнее десятилетие не сделало сколько-нибудь заметного шага вперед, причем площадь под огородными овощами, томатами, картофелем и бобовыми растениями с 9253 дес. (1901) увеличилась до 11 596 дес. (1910), а площадь под арбузными и дынными бахчами в общем даже сократилась с 26 211 дес. до 17 794 дес. В частности в Пятигорск-

ком и Сунженском отделах огородничество и бахчеводство видимо развивается, в Моздокском и Кизлярском отделах они заметно падают, причем бахчеводство в Кизлярском отделе опустилось за 10 лет с 14 116 дес. до 6463 д. А между тем почвенные и климатические условия вполне благоприятствуют обоим этим видам сельского хозяйства, давно уже упрочившимся среди Терского казачества и, особенно, в Сунженском отделе, где Самашкинские дыни, Ассинские, Змейские, Троицкие арбузы, Змейские огурцы давно уже приобрели заслуженную известность. Прекрасные качества Змейских огурцов создали такие условия их производства, что десятина земли, удобной для огурцов, идет там в аренду на год за сто и больше рублей.

Гораздо в менее благоприятных условиях находится садоводство, более распространенное в Сунженском и Пятигорском отделах, и виноградарство, искони составлявшее одну из важнейших отраслей в хозяйстве Гребенских, Кизлярских и Моздокских казаков. Хотя в общем число фруктовых садов и площадь, ими занятая, и увеличиваются (за 10 лет с 3759 садов на 1952 дес. до 4954 садов на 2634 дес.), однако садоводство является малопродуктивной статьёй в казачьем обиходе, принося в общем доходу на все станицы всего лишь около 26 000 руб., т.е. менее 10 руб. с десятины сада. Несмотря на возвысившуюся рыночную цену и более удобные условия сбыта фруктов и ягод, все же доходность казачьих фруктовых садов за 10 лет осталась без перемены (в 1901 г. она составляла также 10 руб. на десятину), тогда как за то же время находящееся в более благоприятных условиях развития частное садоводство в городах области не только расширилось количественно (623 дес. вместо 452), но и улучшилось качественно: доход с 30 руб. на десятину поднялся до 86 р. в год. Развитию виноградарства много

повредили распространившиеся в 90-х годах прошлого столетия виноградные болезни — филлоксера и мильдиу, почти совершенно уничтожившие виноградные сады по Тереку. В настоящее время посадкой устойчивых против болезней сортов винограда и занятием новых садов на песках казаки достигли того, что упавшее виноградарство вновь значительно развилось, давая войсковому населению ежегодного дохода до 100 000 руб. Площадь виноградных садов возросла особенно в Пятигорском отделе, где за 10 лет оказалось до 1600 дес. виноградников вместо 41 дес. (в 40 раз больше); в Моздокском и Кизлярском отделах эта площадь более чем удвоилась (с 1021 дес. и 2870 дес. поднялась до 2735 дес. и 5912 дес.). Что же касается до Сунженского отдела, то хотя почвенные и климатические условия его и не столь благоприятны для развития виноградарства, но и по Сунже в последние годы начинают казаки с успехом возделывать виноград, особенно в станице Слепцовской.

Обилие дикорастущих медоносных трав в Терской области, особенно в предгорной ее полосе, издавна делало пчеловодство удобным и выгодным подсобным промыслом для Терского казака. Усиленная распашка казачьих земель, начавшаяся в последние годы, повела к значительному количественному сокращению пчеловодства как в Войске вообще (за 10 лет с 737 пасек при 60 878 ульях до 561 пасеки при 43 325 ульях), так и, в особенности, в Сунженском отделе, где вместо 297 пасек с 26 400 ульями в 1901 году мы имеем теперь всего 163 пасеки с 12 000 ульев. Однако сократившееся количественно пчеловодство значительно улучшилось качественно: вместо старинных плетеных из прутьев «сапеток» теперь пошли в ход рамочные ульи (хотя около 50 % остается и «сапеток»), и доходность пчельников значительно повысилась, особенно в Пятигорском отделе,

где 374 пасеки при 29 057 ульях дают более 56 000 руб. дохода (12 839 пудов меда и 481 пуд воска) вместо 28 000 р. (3394 пуда меда и 301 пуд воска) в 1901 году от 31 109 ульев на 375 пасеках.

В связи с указанной выше усиленной распашкой станичных земель приходится указать и на довольно значительный недобор сена, достигающий в 1909 году более 900 000 пудов сравнительно с 1905 годом: 906 000 пудов вместо 1 891 000 пуд. Такой недобор сена представляет настолько угрожающее явление, что во многих станицах стали уже производиться опыты искусственного посева кормовых трав и расчистки кустарниковых зарослей, что несомненно, в конце концов, ускорит введение в казачий сельскохозяйственный обиход более усовершенствованных порядков в хозяйстве, — тех порядков, которые дают возможность немцам, французам и другим народам Западной Европы благоденствовать и богатеть в своих более густо населенных странах.

III. Рыболовство и скотоводство

Речное рыболовство. Морские воды. Рыболовство в море. Скотоводство. Коневодство

Скотоводство и рыболовство — исконные казачьи промыслы. Оба эти промысла близки полуоседлому-полукошачьему образу жизни казака-охотника первых времен казачества. Еще и донныне рыболовство составляет основу не только экономического благосостояния, но даже и общественного уклада Уральского казачества, играет огромную роль в обиходе Астраханцев, Кубанцев, низовых Донцов, а когда-то в нем находило существенное подспорье своему хозяйству и Терское казачество,

по крайней мере: станицы среднего и нижнего Терека. В настоящее время только лишь в жизни станицы Александринской («Копайской»), лежащей в самом низовье Терека, в 25 верстах от Каспийского моря, рыболовство сохранило первенствующее значение, и картина зимней «громки сома» у копайцев очень напоминает «багрень» на Урале. В прочих станицах рыболовы почти перевелись, потому что богатый когда-то рыбой Терек совершенно обезрыбел. «Прежде», говорят казаки в Гребенских станицах, «севрюжью икру ели ложками, а теперь и на кусок нету».

Несмотря на чрезвычайно благоприятные условия для развития рыбопромышленности в области, она заметно год от году падает. Причиной этому служит, с одной стороны, обмеление устьев реки Терека и его протоков, а с другой, хищнические способы лова рыбы, практикующиеся в области вследствие отсутствия охранительных по рыболовству законоположений, касающихся Терской области, и вызывавшие на себя нареkania местного населения еще более ста лет тому назад. В «Описании городов, крепостей и всех селений, заведенных на Кавказской линии», составленном в 1792 году по приказанию графа Гудовича, писалось, что в станицах Моздокского полка «рыбная ловля хотя бы и могла быть для жителей изобильная, но за отдачей от земского правительства рыболовных мест ниже города Кизляра в содержание людям разного звания, от делаемых ими как по реке Тереку, так и в его протоках, впадающих в Каспийское море, загородов, все жители по Тереку ныне оных лишаются».

В прежнее время в реку Терек шла рыба, с одной стороны, северными рукавами реки (Прорвой, Средней и Таловкой), впадавшими в Брянский залив, а с другой, восточными (Копайкой и Кордонкой), причем река Кор-

донка при впадении своем в Аграханский залив разделялась на три рукава — Анашкину, Расламбечиху и Бирючек; Анашкина и Расламбечиха впадали в пределах войсковых вод, а Бирючек служил границей казенных и войсковых вод в Аграханском заливе. Как Брянский, так и Аграханский заливы пресноводны и защищены от весенних восточных ветров Брянской косой и полуостровом Уч, что и способствовало всегда изобильному и свободному заходу рыбы в рукава Терека и дальнейшему движению ее вверх по реке. Теперь же эти пути, питавшие Терек рыбой, почти не существуют: река Прорва настолько обмелела, что после летнего половодья редко когда доходит до моря, и живущие по этой реке крестьяне вынуждены бывают рыть по руслу колодцы, чтобы иметь питьевую воду; река Средняя, по которой еще лет восемь тому назад процветало рыболовство, уже более не существует, а головная часть ее, у реки Таловки, совершенно занесена илом; река Таловка в расстоянии 10—15 верст от города Кизляра двумя «прорвами» (Александровской и Саломатинской) ушла в правую сторону, оставив свое прежнее русло сухим, и вливается в тот же Брянский залив бесчисленными мелководными заросшими камышом «ериками», выходящими к морю на всем протяжении между прежним руслом и селением Брянским; реки Анашкина и Расламбечиха представляют совершенно сухие русла, покрытые местами камышом, а местами даже уже степной травой. Таким образом, для прохода рыбы остаются более или менее свободными только Копайка и Бирючек, но и их устья совершенно обмелели и закрылись косами, запирающими свободный доступ в реку крупной рыбе, да и более мелкая, проскочив в реку, все же редко проходит выше Кизляра, попадая в руки хищников — арендаторов казенных, городских, станичных и частновладельческих вод на простран-

стве от моря до города Кизляра, до которого Терек доходит одним общим многоводным руслом.

Таким образом, рыболовство дает ежегодный доход станицам войска, не превышающий в общей сложности 100 000 рублей: в 1909 году 83 374 руб., из которых 80 749 руб. приходится на долю Кизлярского отдела.

Помимо речных вод, по общим законам принадлежащим станицам, как владельцам берегов, Терскому Войску в его целом принадлежат, в силу ст. 950—953 т. XII, ч. 2 отд. 6, III, Свода Законов, обширное пространство морских вод на Каспии против устьев восточных протоков Терека. Общая площадь войсковых морских вод составляет около 1625 кв. верст и может быть подразделена на три участка: южный, — захватывающий всю принадлежащую войску северо-западную часть Аграханского залива, от устья Бирючка до «ворот», западный, — лежащий между берегом материка и островом Чечень, и восточный, простирающийся от острова Чечень до восточной границы с водами, открытыми для вольного промысла, в 76 верстах от берега. Хотя казакам Терского Войска и предоставляется право свободного лова рыбы на всем пространстве войсковых вод, однако не много казаков рыбалит на море. Практиковавшаяся до осени 1908 года отдача войсковых морских вод в арендное содержание откупщикам-промышленникам ставила казаков в чрезвычайно трудные условия при осуществлении своего законного права лова рыбы, почему казаки не привыкли к морю. В устье Росламбечихи основался небольшой рыбацкий поселок, дворов 30—40, Калиновских казаков, да по берегу кое-где встречаются более или менее прочные ватаги Калиновцев, «Копайцев», Слепцовцев и других. Теперь казаки постепенно привыкают к морю, и число казаков-рыболовов на море год от году растет.

Лов рыбы в морских водах производится неводами (в Аграханском заливе), крючковой снастью (в восточном участке), или ставными сетями, употребляющимися на всем пространстве вод. Ставные сети разделяются, по назначению своему, на белужьи «оханы», сети севрюжки и лососевые и «частиковые сетки» (иначе «воблиные»). Различие это прежде всего сводится к неодинаковой толщине пряжи и большему или меньшему размеру ячеи: в то время как в «оханах» ячея доходит до 6-ти вершков, от узла до узла, лососевые имеют ее до 2-х вершков, а воблиные и того меньше. Разница есть и в способе постановки сетей: воблиные ставятся вблизи берега и причаливаются прямо к высоким кольям, вбиваемым в дно. Красноловные же сети располагаются длинными линиями от берега в море «порядками» (200—300 концов сетей), удерживаясь на месте постановки мочальными канатами — «сторожами» с «чипчиками» (приколышами). Крючковая снасть по месту своего расположения бывает «донная» или «поплавная»: первая располагается таким образом, что весь «ярус» лежит у самого дна, на которое ниспадают крючки, зацепляющие рыскающих в глубине моря белуг и других осетровых, ищущих в илистом дне себе пищу. Что касается до «плавных» сетей (неводов, «волокуш» и т.п.), то они употребляются, по преимуществу, для ловли «черной» рыбы. Лов сельди производится весной неводами с особо устраиваемых «тоней» (береговых плотов), тогда как обычно в ходу «распорные» невода, освобождаемые от пойманной рыбы прямо на воде в имеющуюся при неводе рыболовную лодку — «неводник». Самый успешный лов распорными неводами — ранней весной и поздней осенью, когда черная рыба ложится на зимнюю спячку.

Подобно рыболовству и бывшее казачье степное табунное коневодство и скотоводство пришло к совершенно-

му концу. Скот держится в станицах, по преимуществу, рабочий. С появлением конных железных плугов, сеялок, косилок, жаток, молотилок и т.п. главной рабочей силой является лошадь, почему заметно растет число лошадей в станицах, поднявшееся с 64 096 в 1901 году до 74 214 голов в 1910 году. В то же самое время число рогатого скота уменьшилось с 275 157 голов до 243 849 голов. Еще более понизилась численность мелкого рогатого скота (овец и коз), которого вместо 568 206 теперь насчитывается лишь 452 990 голов. Число свиней почти не увеличилось: в 1901 году 61 674 штуки, а в 1910 году 63 303. В общем, хотя скотоводство и занимает после земледелия второе место в казачьем хозяйстве, все же численность скота как абсолютная (общее число голов), так и относительная (число голов, приходящееся на 100 душ населения) очевидно падает: в 1901 году общее число скота в станицах было 969 286 голов, а на 100 душ населения приходилось 452 головы, к 1910 же году общее число понизилось до 846 327 голов при 304 на 100 душ. Падение относительного числа скота в станицах явление не исключительное, но правильно идет год от году: в 1901 году на 100 душ приходилось 452 головы, в 1905 году — 392 гол., в 1906 году — 352 гол., в 1907 году — 340 гол., в 1908 году — 337 гол., в 1909 году — 310 гол., в 1910 году — 304 головы. Особенно упало оно в Пятигорском отделе (с 386 до 192, т.е. вдвое) и в Кизлярском (с 604 до 439); в Моздокском относительное число опустилось с 585 до 434, а в Сунженском всего лишь с 218 до 177.

Для развития среди войскового населения улучшенного коневодства в последние годы войсковой администрацией принимался целый ряд самых разнообразных мер, направленных, с одной стороны, к укреплению подворного коневодства, а с другой, к поддержанию та-

бунного коневодства, которое явно погибает от недостатка свободных пастбищных мест. В Сунженском и Моздокском отделах конноплодовых табунов нет ни одного (в Моздокском вместо 18 бывших в 1902 г.), в Кизлярском их 24 (вместо 35); в Пятигорском отделе, наоборот, число табунов увеличилось в 1909—1910 годы с 7 до 20. Общее число частных казачьих табунов и косяков к 1911 году было 44 при 163 производителях, 1823 матках и 1541 голове приплода. Таким образом, в табунах и косяках оказывается всего лишь 3527 голов, т.е. $\frac{1}{20}$ общего числа находящихся у войскового населения лошадей, остальные же $\frac{19}{20}$ конского состава принадлежат подворному коневодству, так как ни общественных конноплодовых табунов, ни частных или войсковых конских заводов в пределах войсковой территории пока еще не имеется.

В числе мер, принимавшихся до настоящего времени войсковым начальством, на первом месте ставилось снабжение станиц жеребцами-производителями улучшенных пород. Жеребцы эти содержатся в станицах в особых конюшнях за счет общественных станичных сумм и предоставляются станичникам для покрытия принадлежащих им маток безвозмездно.

Кроме того, за счет войскового капитала выдаются ежегодные премии за лучшие экземпляры и лучшее содержание приплода, и устраиваются скачки в целях развития станичного коневодства. Премии эти установлены: А) за годовиков, рожденных только от общественных или собственных жеребцов улучшенных кровей, в каждом отделе четыре премии: I — 60 руб. и большая серебряная медаль, II — 40 руб. и малая серебряная медаль, III — 30 руб. и IV — 20 руб.

Б) за трехлеток — в том же числе и размере, но без медалей.

В) за строевых коней (4-х и более лет), рожденных от собственных казачьих маток и общественных жеребцов, выращенных дома и сдающихся в строй.

В настоящее время Войсковым Начальством разработан и представлен на соответствующее разрешение обширный проект переустройства коневодства в Войске: предусмотрено в каждом отделе иметь центральные войсковые конюшни, где содержать по 60 жеребцов английской крови или донской, улучшенной скрещиванием с английской породой, с некоторым количеством маток и приплода; на случной период жеребцы будут разводиться по станицам по мере действительной надобности.

Всеми этими мерами войсковое начальство имеет в виду обеспечить выходящих в строй казаков лучшим конским составом и поднять казачье коневодство до степени, соответствующей достоинству славного Терского Войска, сыны которого, как поется в казачьей песне,

Триста лет царям служили
На своих лихих конях...

IV. Промышленность и торговля

Виноделие. Горный промысел. Лесной промысел. Ремесла. Фабрики и заводы. Отхожие промыслы. Торговля

Несмотря на чрезвычайно благоприятные условия для развития самых разнообразных видов добывающей и обрабатывающей промышленности, все же в Терской области промышленность развита до крайности слабо. Кроме добычи сырых сельскохозяйственных продуктов и некоторой их предварительной обработки, почти никакой промышленности не заметно.

В связи с указанным выше исконным в казачьей среде на Тереке (см. стр. 110) возделыванием «виноградного кустя» стоит и выделка разносортного казачьего вина — «чихиря», которое еще старинные Гребенцы «и в город Терки возили продавать и про себя держали». Трудно сказать теперь, больше ли продавали свое родимое «питье» Гребенцы в XVII веке или старались оставить про себя, но что касается до современных их потомков, то они волей-неволей больше «про себя держат». Ежегодно в продажу поступает не более половины всего добываемого казаками сусла и вина: в 1910 году из 667 895 ведер добытых в станицах вина и сусла продано лишь 329 956 вед., а остальные 337 939 (т.е. больше половины) осталось «про себя». Не говоря уж о том, что обильное употребление спиртных напитков в конце концов губительно отражается на телесных и духовных силах подрастающих поколений, в корне их подрывая, и самая продажа добытого чихиря, происходя в невыгодных хозяйственных условиях, мало приносит пользы скудному хозяйству Терского казака. Полное бездорожье в районах производства казачьего вина, с одной стороны, поднимающее стоимость доставки его на места потребления, а с другой стороны, низкое качество его в массе (у отдельных станичников, впрочем, встречаются высокие сорта вина прекрасных качеств), понижающее его и без того незначительный сбыт, приводят к тому, что, невзирая на вполне благоприятные почвенные и климатические условия, виноделие на Тереке переживает в последнее время затяжной кризис, вызванный не столько опустошительными болезнями (филоксера и, особенно, мильдиу), сколько введением акциза на виноградный спирт местной выкурки, раньше свободный от налогов. Прежде весь избыток вина и сусла и виноградные отбросы (чапра) шли на спиртокурение, что вызвало в терс-

ком виноградарстве чисто винокуренное направление, т.е. казаки стали разводить исключительно сорта винограда, дающие массу сока, годного на выкурку, не заботясь о качестве вина. Теперь же, со введением акциза на винный спирт, винокурение даже из дешевых сортов стало невыгодным, и вино потеряло свой сбыт. Потребовались сорта чисто винные, а между тем переход от количественного виноделия к качественному все-таки слишком резок и требует свободных капиталов, которых в распоряжении бедного казачьего населения низовых притеречных станиц нет.

Хотя на воспособление виноделам 11-ти низовых станиц и был отпущен особый капитал в 170 000 р., но и он мало делу помог, так как казаку-виноделу представилась необходимость в корне изменить весь свой хозяйственный уклад, что до крайности затрудняется такими низкими рыночными ценами на чихирь, при которых разведение малоурожайных высоких сортов винограда становится бездоходным. В последние годы цены на чихирь на месте стоят в среднем не выше 80 к. за ведро (в Пятигорском отделе 50 к., в Кизлярском 60 коп., в Моздокском 90 коп. и в Сунженском 1 р. 20 к.), и таким образом десятина виноградного сада дает в среднем валового дохода всего 15—30 р., — доход, при котором о дальнейшем развитии и улучшении дела говорить трудно. Единственная надежда остается на возможность увеличения сбыта и низкопробных сортов местного чихиря в будущем, при улучшении путей сообщения в крае, т.е. с проведением железнодорожной линии Прохладная — Моздок — Кизляр, которая только одна может спасти притеречные станицы от конечной нищеты и разорения, на пороге которого стоят Гребенцы и Моздокцы.

Гораздо больше значения для благосостояния некоторых отдельных станиц и, в особенности, всего Тер-

ского Войска имеет горный промысел, так как главнейшее в области месторождение нефти — Грозненский промысловый район — находится на войсковой территории и является важнейшим источником доходов Терского Войска, составляя почти 2 000 000 руб. в год. Впрочем, характер, который носит нефтяная промышленность, таков, что непосредственного заработка местному населению он почти не приносит. Несколько лучшие условия для станичных жителей создает добыча строительного камня и извести (ею особенно славится станция Тарская), при добыче которых и доставке на рынок казаки имеют заработок от извозного промысла.

Станицы так называемого лесогорного района, расположенные по соседству с покрытыми лесом «Черными» горами, имеют довольно серьезное подспорье для хозяйства в лесном промысле. Казаки рубят и продают дрова, строевой лес, доски, рейки и т.п., выжигают угли, изготавливают колеса, ободья, корыта, лопаты, деревянную посуду, бондарные клепки и т.п. Однако надо заметить, что с течением времени лесной промысел становится маловыгодным, по мере уничтожения более ценных пород леса.

Что касается до изделий жестяных, тележного промысла, обработки растительных волокон и шерсти, изготовления пряжи, холста, сукон, войлока, выделки кож, гончарных изделий, выделки кирпича, черепицы и т.п., то все они носят характер мелкого кустарного производства, имеют весьма ограниченный сбыт и чаще всего дают заработок не местным жителям, а пришлым мастерам, и потому имеют ничтожное значение в хозяйственном быту казачьего населения, благосостояние которого все же главным образом зиждется на хлебопашестве и других видах сельского хозяйства.

Из числа 559 фабрик и заводов и других промышленных предприятий, находящихся в станицах Терского

Войска и имеющих общий оборот свыше $2\frac{1}{2}$ миллионов рублей в год при 3107 рабочих, большинство, как и следовало ожидать, приходится на водяные мельницы (283); далее следуют кирпичные, черепичные и гончарные заводы (152), маслобойные (47), лесопильные (12), нефтяные (11), известковые (9), веревочные (9), винокуренные (8), кожевенные (7), мыловаренные (7) и прочих 14. Большинство из них принадлежит лицам невоинского сословия, а потому они не могут служить мерилом казачьего благосостояния, тем более что казаки редко оказываются и в числе фабричных рабочих.

Пользуясь у себя дома, по преимуществу, трудами проезжих ремесленников — иногородних, казаки почти совершенно не имеют заработков от отхожих промыслов, и если все-таки среди казаков есть лица, ищущие заработка на стороне, то заработок этот дает им, главным образом, служба общественная, частная или государственная. Не много зарабатывают казаки и от занятия торговлей. Из числа 10 764 человек, занятых торговым промыслом в области, войскового сословия оказывается только лишь 356 человек, т.е. 3 %, с общим оборотом не более 800 000 руб., составляющим всего $2\frac{1}{2}$ % оборота всех торговых заведений области. А между тем войсковое сословие составляет не $2\frac{1}{2}$ %, а 20 % всего населения области.

V. Общественные дела, капиталы и повинности

Управление станичными делами. Станичный атаман. Станичный сход. Станичное правление. Станичное судопроизводство. Станичные доходы и расходы. Специальные капиталы. Денежные повинности (земские и мирские). Натуральные повинности

Все лица войскового сословия, числящиеся в станице или принадлежащих к ней хуторах, составляют станичное общество. Для управления общественными станичными делами состоят: станичный сбор, станичный атаман, правление и суд. Станичному сбору принадлежит власть распорядительная, станичному правлению и атаману — исполнительная и суду — судебная.

Станичный атаман, кроме того, является административно-полицейским лицом, которому подведомственны все проживающие в пределах станичного юрта (территория «земельного владения станичного общества». — *Примеч. ред.*) обыватели как войскового, так и не войскового сословия. Лиц, не пользующихся особыми правами состояния, станичный атаман имеет право за маловажные проступки подвергать своей властью денежному штрафу в пользу общественных сумм не свыше 3 руб., или аресту до трех суток, или назначению на общественные работы до 3-х дней; для лиц же неоднократно подвергавшихся таким наказаниям штраф может быть увеличен до 5 руб., арест и общественные работы до 5 дней. На станичного атамана возлагается обязанность вести неослабное наблюдение за порядком, спокойствием и благочинием в пределах станичного юрта, за соблюдением частными и станичными должностными лицами общественного интереса, за исполнением законов, судебных решений, общественных приговоров и частных договоров, за дорогами, мостами и т.д., за исправностью воинского снаряжения служилого состава, несением им служебных обязанностей и иных повинностей, и тому подобное. Станичному атаману предоставляется право разрешать отлучки из станицы казакам служилого состава до одного месяца, а остальным станичникам до одного года. Как отличие звания станичному атаману присваивается «насека» (традиционный жезл из дерева

с насечками, увенчанный небольшим шаровидным металлическим навершием. — *Примеч. ред.*) и особая форма одежды. Не имеющие офицерского звания станичные атаманы, пока состоят в должности, пользуются лично правами хорунжего.

Главным распорядителем всего станичного обихода и хозяином станичных земельных угодий, капиталов, доходов и т.п., является станичный сбор, который составляют: станичный атаман, его помощники (или кандидаты), судьи, казначей, доверенные станичного правления и от 30 до 100 человек выборных казаков-домохозяев, по расчету приблизительно от 10 дворов по одному. Право участвовать в выборах и быть избранными имеют все казаки, достигшие 25 лет от роду, за исключением: 1) состоящих под судом и следствием, 2) находящихся под общественным надзором по судебным решениям, 3) судившихся за кражу, мошенничество и т.п. и по суду не оправданных, 4) подвергшихся по суду тюремному заключению или еще более строгому наказанию и 5) лишенных права участия в сборах. Ведению станичного сбора подлежат дела, касающиеся избрания на станичные должности, распределения земельного довольствия, распоряжения станичными суммами, оброчными статьями, разверстки земских и станичных (мирских) повинностей, опекунские, наследственные и другие общественные и хозяйственные дела станичного общества или отдельных его членов. Жалобы на решения станичного сбора подаются атаману отдела.

Ближайшее заведывание станичными делами и исполнение поручений общественного сбора в каждой станице вверяется станичному правлению, состоящему из атамана, его помощников (или кандидатов), станичного казначея и доверенных, избираемых сходом в числе 2—4 человек. Жалобы на постановления станичного

правления приносятся станичному сбору. Для ведения письмоводства при станичном правлении имеются станичные писаря по строевой и по хозяйственной частям, находящиеся под ближайшим надзором станичного атамана.

Станичные суды, состоящие из двух инстанций: первой — суд станичных судей и второй (апелляционной) — суд почетных судей, действуют на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Положения 3 июня 1891 года об общественном управлении станиц казачьих Войск, причем ведомству их подлежат споры и тяжбы, а также маловажные проступки проживающих временно или постоянно на землях станичного юрта (и причисленных к станице землях) лиц войскового и невойскового сословия, не пользующихся особыми правами состояния, если цена иска не превышает 100 р. К маловажным проступкам подведомственным станичным судам относятся: не сопровождавшаяся увеличивающими вину обстоятельствами кража, мошенничество, покупка заведомо краденого на сумму не свыше 30 руб., обиды словами и действием, побои, не имевшие вредных для здоровья обиженного последствий, пьянство и нарушение общественной тишины и спокойствия. Станичный суд властен приговаривать за маловажные проступки к одному из следующих наказаний: к денежному взысканию не свыше 6 руб., к аресту не свыше 8 дней, или же к общественным работам не свыше 8 дней; лиц неоднократно подвергавшихся этим наказаниям станичный суд может приговаривать к денежному взысканию не свыше 10 руб., или же к аресту (или к общественным работам) не свыше 12 дней. Решения станичного суда по искам на сумму до 30 руб. и приговоры с присуждением к аресту (работам) не свыше 4 (6) дней или штрафу не свыше 3 (5) руб. считаются окончательными, а прочие могут быть обжало-

ваны в двухнедельный срок в суд почетных судей. Кассационной инстанцией для всех решений и приговоров станичных судов является областное правление. Судьям присваивается особый нагрудный знак, надеваемый ими во время заседаний и в других официальных и торжественных случаях. Почетные судьи, не имеющие офицерских чинов, и избранные на второй год станичные судьи пользуются, за время состояния в должности, лично правами хорунжего.

Доходы, получаемые станичными обществами из разного рода источников, идут на удовлетворение нужд подлежащих общественных учреждений и на различные земские и мирские надобности. Суммы, образуемые от превышения доходов над расходами, накапливаясь, составляют станичные общественные капиталы. Распределение станичных доходов и расходов по статьям и состояние станичных капиталов показаны в особой таблице в приложении. Здесь же необходимо заметить, что нужды станичных обществ в настоящее время возросли настолько, что даже при существовании питейного дохода на удовлетворение их в последние годы не хватало поступлений от общественных оброчных статей, и потому в некоторых станицах практикуются дополнительные сборы с жителей по особой раскладке, каковая чаще всего производится или по количеству скота, выпасываемого на общественных выгонах, или по числу распахиваемых десятин общественной земли. В 1910 году в станицах Терского Войска по означенной раскладке собрано: в Пятигорском отделе 2233 руб., в Моздокском — 17 815 руб., в Сунженском — 10 273 руб. и в Кизлярском — 1454 руб., а всего 31 775 руб. Сборы по раскладке год от году увеличиваются, несмотря на возрастание арендных цен на общественные земли: так, в 1905 году в станицах Войска этих сборов было 7889 руб.,

в 1906 году — 8147 руб., в 1907 году — уже 31 774 руб., в 1908 году — 36 813 руб., в 1909 году — 40 260 руб. и в 1910 году — 31 775 руб. В Пятигорском отделе сборы по раскладке за предпоследние четыре года увеличились более чем в 20 раз (с 858 руб. до 17 790 руб.), хотя в 1910 году вновь упали с 15 080 руб. до 2233 руб.; в Сунженском отделе за два последние года сумма этих сборов учетверилась.

Кроме общественных станичных капиталов, в станицах Терского Войска имеются еще суммы специального назначения: мобилизационный капитал, продовольственный капитал и сиротские капиталы, состояние которых показано также в особых таблицах. Мобилизационные капиталы, предназначенные для снаряжения на службу беднейших казаков и на расходы при мобилизации, составились из денежного сбора с неспособных к службе, но способных к труду казаков, а также из производившихся раньше отчислений 10 % станичных доходов. Эти отчисления прекращены в 1900 году, так как мобилизационный капитал достиг уже таких размеров, что может обеспечить все строевые и льготные части Войска на случай их мобилизации. Продовольственные капиталы, имеющие своим назначением обеспечение местных жителей на случай неурожая, существуют только в станицах, а также в нескольких русских и немецких поселениях Терской области. Помимо капиталов, в большинстве тех же поселений имеются и натуральные хлебные запасы, хранящиеся в общественных хлебных магазинах. Как из капиталов, так и из натуральных хлебных запасов выдаются ссуды и пособия деньгами и зерном на продовольствие и обсеменение полей. Сиротские капиталы, принадлежащие малолетним сиротам, состоящим в опеке, существуют в станицах всех четырех отделов Терской области, а также в некоторых селениях. До со-

вершеннолетия сирот они частью хранятся в кредитных учреждениях, частью же обращаются в ссуде у местных жителей для приращения процентов.

Все государственные прямые и косвенные налоги казаки Терского Войска уплачивают наравне с прочим населением Империи. Ввиду того, что земские учреждения в Терской области еще не введены, все расходы земского характера производятся из станичных или войсковых сумм, за счет которых относятся также расходы мирские и на военные надобности. Отделить в расчетах эти три разряда расходов (земских, мирских и военных) друг от друга не представляется возможным. Рассчитывая же общую сумму денежных повинностей, лежащих на всем войсковом населении, соответствующую общей сумме станичных и войсковых расходов, мы находим, что станицами этих повинностей несетя на 1 090 363 руб., а Войском на 1 837 408 руб., т.е. всего на 2 927 771 руб. Таким образом, на мужскую душу войскового сословия приходится денежных повинностей, не считая натуральных, приблизительно 25 руб. 50 коп., а на десятину казачьей земли выходит в год денежного налога 1 р. 49 к., т.е. на 82 к. больше средней арендной выручки (67 к.) с земель войскового запаса.

Что касается до натуральных повинностей Терского казака, то на первом месте надо поставить, конечно, несение военной службы, сравнительно с которой теряют свое значение все остальные натуральные повинности: исполнение различных общественных работ по наряду, наряд на внутреннюю станичную службу при правлении и по охране населенных пунктов, отвод квартир, поставка подвод и так далее.

Из прочих натуральных повинностей самой тяжелой является береговая — по укреплению берегов реки Терека, лежащая с половины XVIII века на понизовых ста-

нищах непосильным бременем. Тяжесть этой повинности еще более усугубляется тем, что исполнять ее приходится в самую горячую рабочую пору, во время летнего водоподъема, вызываемого таянием ледников в горах, и тем, что малейшее упущение в исполнении ее грозит уничтожением посевов, садов и даже усадеб и без того обездоленного низового Терского казачества.

VI. Войсковое хозяйство

Постепенное изменение устройства войскового управления. Современное управление войсковым хозяйством. Войсковые запасные земли. Войсковые леса. Войсковые доходы, расходы и капиталы

Мы выше видели, что до начала прошлого столетия составлявшие Терское казачество отдельные Войска пользовались самым широким самоуправлением. Всеми войсковыми делами, не только хозяйственными, но и прочими, ведал старинный Войсковой Круг, вверявший управление Войском Войсковому Атаману и прочей «старшине», избираемой сначала ежегодно, а затем на более продолжительные сроки. Порядку этому был положен конец в 1819 году, когда Начальник Края генерал А. П. Ермолов своей властью сменил Гребенского атамана Зачетова и на его место поставил сначала бывшего войскового знаменщика Фролова, а потом и постороннего Войску человека полковника Ефимовича. При объединении всех поселенных на Линии казачьих Войск и полков в Кавказское Линейное Войско в 1832 году все войсковые дела были вверены Войсковому Наказному Атаману из регулярных офицеров. Самое же войсковое управление было организовано значительно позже, по

положению 1845 года, причем это управление составили: Войсковой Наказный Атаман, войсковое дежурство, войсковое правление, бригадные управления, военно-судные комиссии, полковые и станичные правления и торговый словесный суд.

В 1860 году Кавказская линия была разделена на две части — правую и левую, из которых первая составила затем Кубанскую, а вторая Терскую область. Вошедшие в пределы Терской области бригады Кавказского Линейного Войска образовали Терское Казачье Войско, руководившееся в порядке управления положением 1845 года о Кавказском Линейном Войске. Начальник Терской области являлся и Наказным Атаманом Терского казачьего Войска, для управления которым в 1865 году была учреждена должность Помощника Наказного Атамана.

Вскоре, в 1869 году, вновь последовало преобразование областного и войскового управления. Должность Помощника Наказного Атамана была упразднена, а управление областью было образовано на основании общего учреждения губернского. В гражданском отношении область, не исключая и войсковой территории, была разделена на семь округов. Для военного же управления Войском в следующем (1870) году были учреждены должности атаманов отделов, причем изменен был и штат войсковых хозяйственных управлений.

Таким образом, в 70-х годах прошлого столетия войсковое управление Терского Войска сосредоточивалось под общим начальством Наказного Атамана (Начальника области) в войсковом штабе, войсковом хозяйственном правлении и двух управлениях отделов. В состав войскового хозяйственного правления, действовавшего под председательством Наказного Атамана, входили: старший член, два советника, ассессор, делопроизводители, бухгалтер с помощником, экзекутор, журналист и лес-

ной ревизор. Казачье население Терской области подчинялось одновременно двум властям: гражданской — в лице состоящих в ведении Министра Внутренних Дел областных и окружных учреждений и военной — в лице Атаманов отделов и войскового хозяйственного правления. Эта двойственность управления была уничтожена введением в 1888 году нового «Учреждения управления Кубанской и Терской областей», причем звание Войскового Наказного Атамана обоих Кавказских Войск было присвоено Начальнику Кавказского Края, высшее же управление областью и Войском было вверено Военному Министру, на правах Министра Внутренних Дел, по Главному Управлению Казачьих Войск. Местное управление областью, соединенное с административным заведыванием Войском, образовали Начальник области (он же Наказный Атаман) и областное правление. Войсковое хозяйственное правление было упразднено, и все дела по управлению войсковым хозяйством и благоустройством перешли в ведение областного правления.

В настоящее время в ведении областного правления состоят: войсковые запасные земли, леса, капиталы, доходы, расходы и разные войсковые имущества (здания, больницы, древесные питомники и т.д.). Областное правление стоит под надзором и высшим управлением Военного Министерства, которое рассматривает и утверждает сметы доходов и расходов, различные положения и правила, определяются войсковой обиход и устройство. Без разрешения Военного Министерства областное правление не имеет права делать никаких, даже самых ничтожных, расходов.

Земли войскового запаса расположены главным образом в Кизлярском (48 012 дес.) и Сунженском (44 421 дес.) отделах; в Моздокском таких земель 13 788 дес., а в Пятигорском всего 1982 дес. Большая часть их сдается в

аренду по контрактам и составляет оброчные статьи, а не сданные в аренду земли и войсковые леса эксплуатируются хозяйственным способом. В арендном содержании находится 55 005 дес., приносящих всего 36 803 руб. (т.е. в среднем по 67 коп. десятина); в хозяйственном заведывании 2282 дес. (28 коп.), под войсковыми лесами 33 536 дес. (72 коп.), под побережьями рыболовных вод в Кумском Култуке 2480 дес. и на острове Чечень 1700 дес., под Михайловскими минеральными водами состоит 179 дес. (8 руб. 25 коп.), под лесными полянами 250 дес. (2 р. 22 к.), под соляными источниками 2 дес. (26 коп.), под каменоломнями 150 дес., под нефтяными промыслами 75 дес. (3633 р. 52 к. десятина). По своей пригодности к сельскохозяйственной обработке земли войскового запаса стоят ниже среднего: большинство участков Кизлярского отдела изобилуют бесплодными солонцами, болотами, безводными сыпучими песками и т.п.

Произрастающие на территории Терского Казачьего Войска леса, оставшиеся за наделом (после наделения. — *Примеч. ред.*) станиц юртовым лесом и отводом некоторых участков офицерам Войска в собственность, образуют особое Войсковое Предгорное лесничество, пространством всего 33 536 д. собственно лесной площади. Затем приобретенный Войском в Кизлярском отделе участок «Паробоч» площадью в 4100 дес. включает в себя особую лесную дачу в 1614 дес. Независимо от этого на запасных войсковых участках в Кизлярском и частью в Сунженском отделах произрастает разбросанными клочками лес и кустарник, общей площадью около 600 десятин. Таким образом, вся поверхность войсковых лесов простирается почти до 35 750 десятин чисто лесной площади.

Войсковое Предгорное лесничество расположено в бассейне рек Камбилеевки, Сунжи, Ассы и Фортанги. Отпуск

леса из дач войскового лесничества производится не с торгов делянками, а согласно таксы, утвержденной Войсковым Наказным Атаманом Кавказских казачьих Войск. Порядок этот признан наиболее целесообразным как в финансовом отношении, так, особенно, ввиду того обстоятельства, что громадное большинство покупателей войскового леса составляют казаки ближайших к лесничеству станиц. Казаки эти, располагая недостаточными земельными юртовыми наделами (имеют дополнительные участки вдали от станиц) и совершенно истощивши свои юртовые леса, занимаются в усиленной степени лесным промыслом в сравнительно хорошо сохранившихся дачах войскового лесничества, из которых каждый приобретает по своим силам, имея таким образом постоянную возможность вблизи дома использовать свой досуг и силы своего рабочего скота. При продаже леса с торгов делянками громадное большинство казаков было бы стеснено в дальнейшем занятии лесным промыслом. Единственный недостаток этого способа тот, что при нем требуется больший штат стражи, чем при отпуске с торгов делянками, так как каждая заготовка, каждый отпуск по отдельному билету (а таковых ежегодно тысячи) должны быть проверены лесничим или, по его поручению, чинами лесной стражи; но с этим приходится мириться, как в интересах большей доходности от дач лесничества, так, в особенности, в интересах поддержания экономического благосостояния населения ближайших к дачам лесничества станиц. Помимо отпусков за деньги, из войскового лесничества производятся бесплатные отпуска лесных материалов на нужды станичных обществ, бедных лесом, как-то: на постройку хлебных магазинов, школ, мостов, станичных правлений и тому подобное, а также отдельным домохозяевам на обстройку после пожаров и других бедствий. В 1910 году таких бесплатных отпусков произведено на сумму 1216 р. 55 к.

Источниками доходов Терского Казачьего Войска в 1910 году, служили: денежное вознаграждение из Государственного Казначейства за отошедшие в казну питейные и торговые сборы 334 296 руб., аренда земель 43 720 руб. 50 коп., эксплуатация леса 27 628 руб. 52 к., пошлина за отдачу в арендное содержание месторождений нефти 2 069 646 руб. 31 коп., %% на войсковые капиталы 573 960 руб. 28 коп., денежные сборы с неслужащих казаков 234 руб. 95 коп. и прочие поступления 290 133 руб. 5 коп., а всего поступило 3 339 619 р. 61 коп., тогда как по утвержденной Военным Советом смете доходов в 1910 году ожидалось 3 158 943 руб., причем на мужскую душу войскового населения приходится всего войсковых доходов 29 р. 6 к.

За счет поименованных доходов в 1910 же году произведено было расходов в общем на 1 837 408 руб. 17 коп., в том числе: на военную часть 312 235 руб. 63 коп., на содержание областных и войсковых учреждений 106 398 руб. 99 коп., на содержание других гражданских учреждений 205 425 руб. 9 коп., на учебную часть 181 864 руб. 11 коп., на медицинскую часть 125 052 руб. 42 коп., на дороги, укрепление берегов и строительные надобности 141 386 руб. 63 коп., на ремонт и наем зданий 29 610 руб. 80 коп., на хозяйственно-операционные расходы 24 108 руб. 22 коп., в пособие казне 216 255 руб. 20 коп., ссуды, пенсии и пособия 466 687 руб. 93 коп., прочих расходов 78 533 р. 18 коп. На душу мужского пола войскового сословия приходится войсковых расходов 15 руб. 98 коп.

Вследствие постоянного превышения войсковых доходов над расходами войсковой капитал растет с каждым годом: в 1901 году он составлял 2 761 237 руб. 83 к., к 1 января 1905 года 4 761 983 р. 15 коп., к 1906 году 5 564 092 руб. 17 коп., к 1907 году 6 799 406 руб. 47 коп., к 1908 году

7 096 945 руб. 14 коп., к 1909 году 8 304 163 руб. 46 коп., к 1910 году 10 915 680 руб. 97 коп., к 1 января 1911 года 12 555 091 руб. 17 к., из которых наличными деньгами 425 889 руб. 21 коп., в процентных бумагах 10 487 686 руб. 37 коп. и в долгах 1 641 515 руб. 59 коп. Таким образом, на душу мужского пола войскового населения приходится 110 р. 80 коп. общего войскового капитала.

Кроме общего войскового капитала, в ведении областного правления состоит еще 14 капиталов специального назначения на общую сумму 64 574 руб. 80 коп. Наибольший из специальных войсковых капиталов — «Продовольственный» равен 12 877 руб. 62 коп.

VII. Грамотность и образование

Грамотность. Число учащихся. Войсковые учебные заведения и стипендии. Расход войсковых средств на образование

Состояние грамотности в Терском Войске видно из находящейся в приложении особой таблицы. Сравнивая данные этой таблицы с соответствующими сведениями о прочих частях Российской Империи, можно отметить то обстоятельство, что процент грамотных обоего пола (37,0) не только далеко выше среднего по Империи (21,1), но даже значительно превосходит и порайонный высший, равный 30,5 % (в Привисленском крае). По сравнению же с прочими казачьими Войсками Терское стоит все-таки четвертым от конца, уступая Войскам Оренбургскому (57 %), Астраханскому (50 %), Донскому (50 %), Сибирскому (44 %), Уральскому (41 %) и Уссурийскому (37 %).

Для развития грамотности среди казаков в каждой станице существуют станичные училища (одноклас-

сные, двухклассные и «городские»), подчиненные местной дирекции народных училищ, и церковно-приходские школы. Общее число детей войскового сословия, обучающихся в низших учебных заведениях, составляет 13 671, в том числе мальчиков 8987 и девочек 4684. На 1000 душ войскового населения приходится учащихся обоюго пола 60, мужского пола 78 и женского пола 41. В сравнении с прочим населением Терской области казаки стоят по образованию далеко выше, так как на 1000 душ невойскового населения приходится учащихся в низших учебных заведениях около 28 обоюго пола, около 34 мужского пола и 17,5 женского пола.

Что же касается до среднего образования, то здесь отношение меняется: в то время как на 1000 душ казачьего населения приходится получающих среднее образование обоюго пола около 4-х (в том числе мужского 5,5 и 2,1 женского), на 1000 душ невойскового сословия оказывается получающих среднее образование 6,4 (7,3 мужского и 5,4 женского), т.е. в полтора раза больше.

В высших учебных заведениях обучается лиц войскового сословия 50 мужского пола и женского 8, а всего 58, т.е. 0,025 % всего войскового населения, тогда как невойскового 493 мужского пола и 258 женского, а всего 751 учащийся, т.е. 0,079 % всего невойскового населения.

Военное образование получало всего 106 казаков, из которых было в военных академиях 3, в военных училищах 18 и в военно-ремесленных школах 60.

За исключением войсковой учительской семинарии, открытой в 1910 году, сельскохозяйственной школы близ станицы Прохладной и военно-ремесленной школы, Терское Казачье Войско своих учебных заведений не имеет. В ближайшем будущем предстоит открытие винодельческой школы в Паробочевском войсковом име-

нии. Пока же Войско приходит на помощь молодым людям войскового сословия, облегчая им получение образования путем выдачи единовременных пособий и предоставлением им войсковых стипендий в общем числе 426-ти: 19 в высших, 275 в средних и 132 в профессиональных учебных заведениях. Подробное распределение этих стипендий по отдельным учебным заведениям показано в находящейся в приложении особой таблице.

Для распределения стипендий Терского Казачьего Войска между кандидатами никаких специальных правил пока не существует, за исключением лишь того, что ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным 16 декабря 1909 года, положением Военного Совета предоставлено право областному правлению с утверждения Наказного Атамана, по своему усмотрению, смотря по потребности, переводить войсковые стипендии, имеющиеся для гражданских учебных заведений, из одного заведения в другое, без различия разрядов, но не выходя из суммы отпускаемого для сей надобности в каждом войске кредита. На имеющиеся в кадетских корпусах стипендии казачьих войск, по журналу Военного Совета от 1 июля 1910 года, положено: допускать детей казаков непривилегированного сословия (т.е. неофицерских детей и не детей «торговых казаков», откупавшихся от несения военной службы. — *Примеч. ред.*), но только в те кадетские корпуса, в которых стипендии эти имеются не в единственном числе. При этом распределение стипендий между детьми казаков привилегированных и непривилегированных сословий, а также и избрание малолетних для определения на означенные стипендии предоставляется Наказному Атаману.

На расходы по народному образованию Терское Войско тратит 312 909 руб., в том числе из станичных средств 131 045 руб. и из общевойскового капитала 185 864 руб.

На выдачу стипендий и на пособия станичным школам и другим учебным заведениям из общевойскового капитала в 1910—1911 учебном году было израсходовано 115 636 руб., распределение которых показано в находящейся в приложении особой таблице. Таким образом, в конечном итоге на душу войскового населения обоего пола приходится в среднем 1 руб. 36 коп. расходов на народное образование, из числа которых на долю войскового капитала падает 79 коп., а 57 коп. на долю станичных обществ.

Часть VI

ЦАРСКАЯ СЛУЖБА

Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье...

I. Высокое назначение воина

*Казак — воин. Защита Царя и Отечества от врагов.
Знамя. Присяга. Качества, необходимые каждому воину*

С искони уже так повелось, что главным промыслом казака, его любимым и дорогим занятием было дело ратное. «Какая кума, коль у кума не была, — какой казак, коль пороху не нюхал!», исстари ведется казачье присловье. В том и заключаются казачьи привилегии, права и преимущества, сказал еще сорок лет тому назад бывший тогда Военный Министр граф Д.А. Милютин, «что казаки стоят в первом ряду Государевых слуг, что на плечах их лежит такое государственное тягло, которое может нести только сильное духом и энергическое население». А сила казачьего духа давно известна и блестяще выдержала самые суровые испытания. Еще задолго до того, как в России была введена всеобщая воинская повинность, нам говорили (см. стр. 114) матеря: «...мы привыкли ви-

деть жертвы за любимого Царя», и мы уже «Триста лет Царям служили на своих лихих конях, много раз врагов разили, отличались в боях». В то время как на Руси и до сего времени боятся «красной шапки» — солдатского звания, казаки с испокон веков считали ратное дело самым честным, святым и привлекательным, и первой заботой своей ставили, чтобы «воинским промыслам помешки не было».

Казак есть постоянный и верный слуга Государя и Отечества, всегда готовый стать под полковые знамена на службу для защиты родного края и для беспощадной борьбы с врагами Русского Царя, внешними и внутренними. И эта постоянная готовность жертвовать всем за благо Государское, за честь и корону Царскую стяжала казачеству неувыдаемую славу и разнесла грозу казачьего имени далеко за пределы нашего отечества.

Каждое казачье Войско, каждый полк имеют свое знамя (штандарт). Знамя есть полковая (войсковая) святыня, защищать которую каждый казак должен до последней капли крови. На знамени изображается крест или икона — знак той Веры Православной, которой держится и крепнет Земля Русская, начальные буквы имени Государя (вензель) и государственный герб (двуглавый орел), — показывающие нам, за кого и за что казаки обязаны сражаться: за Веру, Царя и Отечество!

Знамя для полка и Войска подобно «тельнику», кресту, даваемому христианину при крещении. Как тельник не может быть оценен, продан, куплен или заменен другим, так и знамя не имеет цены, и полк, потерявший знамя, не только теряет свое честное имя, но и сам перестает существовать, а чины его распределяются по другим частям. Ближайшие же защитники знамени расстреливаются.

Поступая на Царскую службу, казак приносит присягу. Присяга есть торжественная и священная клятва

перед Богом служить верой и правдой Государю, Наследнику престола и Отечеству, хотя бы пришлось умереть за них. А что казаки всегда умели умирать за Царя, за Отечество и за славу свою казачью, тому примеров недолго искать, долго их только рассказывать. Мы уже выше видели такие небывалые, сказочные примеры казачьего мужества, удали и отваги, как Азовское взятие и сидение, оборона Ачинского городка, Сунженского острога и т.д. А что и в наши дни не умер еще былой казачий дух и не гнутся казаки, тому примером может служить хотя бы подвиг Уральской сотни есаула Серова в декабре 1864 года под Иканом.

Сотня есаула Серова была послана из Туркестана на усиление форта Перовского. Путь лежал по песчаной пустыне. Кругом бродили коканцы — лихие наездники, с которыми мы тогда воевали. Громадные полчища их хотели неожиданно напасть на Туркестан и отнять его у русских. Но 5 декабря они, под Иканом, наткнулись на сотню Серова, в которой были 2 офицера, 5 урядников и 98 казаков. На казаков выпала славная доля задержать коканцев до тех пор, пока успеют дать знать в Туркестан. Казаки устроили из мешков круглый завал, внутри положили лошадей, а сами залегли за ними. Горсть казаков приготовилась встретить несколько тысяч коканцев. Коканцы окружили со всех сторон Уральцев и стали наступать сначала тихо, а потом бросились вскачь. Казаки встретили их метким ружейным огнем и картечью из единственной пушки, бывшей с ними. Неприятель отошел, но сейчас же снова бросился на Уральцев. Опять дружный огонь Уральцев и выстрелы из пушки заставили коканцев отступить. Тогда коканцы привезли пушки и выстрелами из них перебили многих лошадей. Так в неравном бою продержались казаки долгую тревожную ночь. Нечего и говорить, — никто не спал. На другой день

вдали слышались выстрелы. Казаки надеялись, что это идет к ним помощь, но обманулись. Вечером начальник коканцев Алимкул прислал казакам записку. «Куда теперь уйдешь от меня?» писал он, «отряд, высланный из Туркестана, разбит и прогнан назад; от твоего отряда не останется ни одного! Сдайся и прими нашу веру, — никого не обижу!»... Но Уральцы присягали умирать за Веру и Государя, и они решили биться до конца. И Серов на записку Алимкула ответил метким огнем. К вечеру Уральцы заметили, что коканцы подвозят хворост и камыш, — они решили идти «подкатом», чтобы пули казачьи не могли их бить. Ночью Серов послал двух казаков, Борисова и киргиза Ахмета, подать весть о себе. На рассвете кокандцы приблизились к стану казаков и за арбами, которые пуля пробить не могла, смело подступали к сотне Серова. Подмоги все не было. Осталось одно — или сдаться, или умереть, — и Серов решил умереть за свою веру. К часу дня 37 Уральцев уже было убито. Четыре раза коканцы бросались в рукопашную, но казаки четыре раза отбивали их. Тогда Уральцы решились на отчаянную попытку — пробиться сквозь толпы коканцев к городу. Заклепав пушку, поломав ружья убитых товарищей, казаки с криком «ура!» выскочили из завалов и, отстреливаясь, бросились на оторопевших коканцев. Коканцы посадили пеших стрелков на крупы лошадей и подскакивали с ними к храбрецам. И едва кто-либо из Уральцев падал, коканцы кидались на его тело и отрезали голову, чтобы представить ее своему хану, как знак храбрости. Но Уральцы дорого заставляли платить за эту дерзость и расстреливали коканских смельчаков. Так три часа бились казаки и прошли за эти три часа лишь восемь верст. Наконец, уже к вечеру, они услышали выстрелы: то бежала наша пехота на выручку казаков. Коканцы отступили. Стали считать живых. Из двух офицеров один,

сотник Абрамовичев, оказался убит, другой — командир сотни — ранен. Из пяти урядников — четыре убито, а 1 ранен; из 98 казаков — 62 убито, 36 ранено. Некоторые имели по шести ран, а всего осталось в живых: командир сотни, урядник и 36 казаков. Все они получили знаки отличия Военного Ордена, а 4-я сотня Уральского казачьего № 2-й полка знаки отличия на папахи с надписью: «За дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года».

И чтобы не позорить славу свою казачью, добытую целыми реками крови, пролитой нашими отцами, дедами и прадедами, казак должен с честью носить свое казачье звание, гордясь той тяжелой и трудной работой, которая выпала ему на долю в деле государственном. Каждый казак должен быть исполнительным по отношению к начальнику, вежливым и предупредительным ко всем окружающим, храбрым в бою, лихим и расторопным в походе, сметливым, толковым и точным при исполнении возложенных на него поручений, заботливым о своем коне, памятуя, что конь казаку и оружие, и помощь, и друг-товарищ. А пуше всего должен казак беречь свою честь, не марая ее. Не долго замарать, — да не вычистишься. Береги, говорит пословица, платье с нову, а честь с молоду!

II. Служба казака

Порядок несения военной службы. Служильный состав. Приготовительный, строевой и запасный разряды. Сроки службы и порядок перечисления. Казачьи чины. Выставляемые Войском части и порядок комплектования. Льготные лагеря

Порядок несения военной службы во всех казачьих Войсках, кроме Уральского, почти совершенно одина-

ков. Все мужское казачье население считается подлежащим призыву на военную службу без различия состояния, причем казаки отбывают эту службу на собственных конях и с собственным снаряжением. Вооруженная сила каждого Войска состоит из служилого состава и ополчения. Служилый состав Войска назначается для исполнения лежащих на Войске военных обязанностей как в мирное, так и в военное время; войсковое же ополчение созывается лишь в чрезвычайных обстоятельствах военного времени.

Служилый состав разделяется на три разряда: пригособительный (от 20-ти до 21 года), строевой (от 21-го до 33-х лет) и запасный (от 33-х до 38-ми лет). Находясь в пригособительном разряде, казаки обзаводятся всем необходимым на службе снаряжением и обучаются началам военной службы (в принципе это — военная подготовка «допризывников», заключающаяся в основном в ежегодных «сборах» в лагеря для тренировок, военных учений и соревнований, и в регулярном военном обучении станичными инструкторами. — *Примеч. ред.*); строевой разряд назначается для комплектования выставляемых Войсками Строевых частей и команд; казаки запасного разряда назначаются для пополнения убыли в строевых частях в военное время и для формирования, в военное же время, особых частей и команд. Казаки служилого состава, не способные к службе, но способные к труду, со времени зачисления их в эту категорию до увольнения сверстников в отставку уплачивают особый сбор (не более 15 руб. в год) в доход станиц для снаряжения беднейших казаков на службу; уплата этого сбора может быть заменена четырехлетней службой в войсковых учреждениях.

Сроки состояния в каждом разряде считаются с 1 января. По достижении 21 года казаки выходят на действи-

тельную службу в первоочередные части или в соответствующие им команды, причем расчет для наряда на службу делается атаманами отделов на основании составляемых Войсковым Штабом ведомостей, о потребном к командированию в службу числе казаков, и представляемых станичными правлениями очередных списков. В мирное время казаки строевого разряда должны пробыть на действительной службе 4 года. Оставшиеся не командированными (за излишком, по болезни, слабости здоровья и т.п.) в первоочередные части казаки, перечисленные в строевой разряд, зачисляются в списки льготных (второочередных) частей. Казаки, пользующиеся правами по образованию (т.е. получившие или получающие высшее или среднее специальное образование. — *Примеч. ред.*), могут быть зачислены в строевой разряд и ранее 21-го года, причем срок действительной службы им сокращается.

Военные чины в казачьих Войсках вполне соответствуют общеармейским чинам. Нижние чины: казак — рядовой; урядник — унтер-офицер. Обер-офицерские чины: хорунжий — подпоручик, корнет; сотник — поручик; подъесаул — штабс-капитан, штабс-ротмистр, и есаул — капитан, ротмистр (штабс-капитан и капитан — пехотные чины, штабс-ротсистр и ротмистр — аналогичные кавалерийские чины Русской армии. — *Примеч. ред.*). Штаб-офицерские: войсковой старшина — подполковник; полковник — полковник. Генеральские чины у казаков те же, что и в армии.

Терское Войско выставляет на службу: в мирное время — 2 лейб-гвардии Терских сотни Собственного Его Величества Конвоя, 4 конных полка 6-ти сотенного состава первой очереди (1-й Кизляро-Гребенской генерала Ермолова полк, 1-й Горско-Моздокский генерала Круковского полк, 1-й Волгский полк и 1-й Сунженско-

Владикавказский генерала Слепцова полк), две конных батареи 4-х орудийного состава (1-я и 2-я Терские казачьи батареи) и 4 местных команды; в военное время: 2 лейб-гвардии Терских сотни Собственного Его Величества Конвоя, 12 конных казачьих полков, 2 конных казачьих батареи, 4 местных казачьих команды.

Полки и местные команды комплектуются из своих полковых округов, границы которых совпадают с пределами соответствующих отделов. Сотни Собственного Его Величества Конвоя и батареи комплектуются выбором людей со всего Войска. Сменные команды (эшелоны) в первоочередные полки формируются с таким расчетом, чтобы со сборных пунктов они выступали ежегодно 10 января. Из полков на льготу сменные команды казаков отправляются на 4-м году их службы: в полках Волгском, Кизляро-Гребенском и Сунженско-Владикавказском не позже 10 августа, а в Горско-Моздокском полку 10 декабря. Выступление команд на укомплектование батарей и обратно увольняемых на льготу производится ежегодно в январе месяце, а казаки, поступающее в местные команды, отправляются к местам службы (или обратно) без определенных сроков немедленно по зачислении их в эти команды (или на льготу).

За время нахождения в служилом составе, но не на действительной службе, казаки приговорительного и строевого разрядов призываются на 4 недели в году, для стросвых и тактических занятий в учебные лагеря, для которых отводятся из войсковых запасных земель необходимые участки. Казаки, оставшиеся по разным причинам не командированными в первоочередные части, собираются в лагерь три раза (на втором, третьем и четвертом году), а казаки второй очереди 2 раза (на втором и четвертом году состояния на льготе). Льготные артил-

леристы собираются за все время нахождения их на льготе два раза, каждый раз на 4 недели. Казаки третьей очереди могут быть вызываемы в учебный сбор только с особого разрешения Военного Министра, причем обязаны в таком случае являться на лошадях, годных для строевых занятий. Ближайшее определение сроков вызова в лагерь льготных казаков предоставляется усмотрению Наказного Атамана. В Терском Войске лагеря эти происходят весной в апреле — мае и осенью в августе — сентябре: на реке Камбилеевке близ Владикавказа — для Сунженского отдела, на реке Нефтянке близ Грозного — для Кизлярского отдела и близ станицы Прохладной — для Моздокского и Пятигорского отделов. Артиллеристы собираются в лагерь при 2-й батарее (в Моздоке) в октябре.

Помимо того, на атаманов отделов возлагается надзор за содержанием льготными казаками в исправности своего форменного оружия, а для установления действительного наблюдения за вооружением, людским и конским снаряжением и обмундированием казаков, Наказным Атаманом предоставляется собирать казаков приговорительного и строевого разрядов для проверки их строевого имущества два раза в год (обычно в феврале и октябре), каждый раз не более, как на одни сутки, причем расходы по производству этих осмотров относятся за счет войсковых сумм.

III. Денежное и натуральное довольствие

Источники положенных видов довольствия. Что полагается строевому казаку от казны и Войска? Что казак должен иметь за собственный счет? Ответственность за порчу имущества. Пособия при поступлении на службу

В Терском Войске все положенные виды довольствия производятся: строевым частям и командам, наряжаемым на полевую службу, — от казны; частям, находящимся на льготе, а также местным командам — из войсковых сумм. Имущество первоочередных и льготных частей (полков, батарей и команд), присвоенное каждой из них особыми табелями или постановлениями, заводится, переделывается или ремонтируется частью полностью за счет казны (обоз и обозные лошади, медные котелки, знаки отличия, подрывной и мастерской инструмент, медикаменты и санитарно-ветеринарные принадлежности и сигнальные трубы), а частью с возвратом казне полной стоимости из войсковых средств (огнестрельное оружие с принадлежностью и запасными частями, шанцевый инструмент, обозные топоры, погонные ремни к винтовкам, тулупы, и кеньги (зимняя обувь, подшитая мехом. — *Примеч. ред.*), сенокосные косы и т.п.). Комплектные и учебные огнестрельные припасы отпускаются казачьим частям от казны, но постройка мишеней и щитов для стрельбы, а также выдача наград за стрельбу льготным полкам и пригготовительному разряду производится за счет войсковых средств.

Каждый казак, состоя на действительной службе, получает: жалованье (рядовой 6 руб., приказный 7 руб. 20 коп. в год), ремонтные деньги (конный 21 руб. 45 коп., пеший 11 руб. в год), провиант натурой (в день хлеба 3 фун., или муки 2 ф. 25 $\frac{1}{2}$ золотников¹), или сухарей 2 фун.; крупы 32 зол., чая $\frac{1}{2}$ зол., сахара 6 зол.), мыло ($\frac{1}{2}$ ф. в месяц), фураж² на одну строевую лошадь

¹ Служащим урядникам и казакам 1-го Кизляро-Гребенского полка полагается еще добавочная дача муки, выдаваемая их семействам за время состояния казаков на службе вне домов.

² Фураж полагается на 30 дней в месяц, причем часть года (1—2 месяца) кони состоят на травяном довольствии.

(овса или ячменя 10 ф. 30 зол., сена 10 ф., соломы 4 ф. в день). Одеялами, постельным и исподним бельем, носовыми платками, утиральниками, мылом, портянками и деньгами на приклад, шитье и смазку сапог нижние чины всех строевых частей Терского Войска довольствуются на общих с нижними чинами регулярных войск основаниях, с отнесением, однако, расходов, вызываемых этой мерой, за счет Войска (в случае службы. — *Примеч. ред.*) в местных командах и войсковых учреждениях (Войска Терского. — *Примеч. ред.*). Таким образом, каждый Терский казак по приходе в часть получает: 1 одеяло, 1 тюфячную наволочку, 1 подушечную нижнюю наволочку, 3 носовых платка, 3 пары портянок, 2 полотенца. Затем ежегодно выдается: 1 верхняя подушечная наволочка, 1 простыня, 3 рубахи, 3 исподних брюк, 3 носовых платка, 3 пары портянок и 2 полотенца. Все эти вещи обращаются в собственность казака.

Кроме того, казак обязан приобрести за свой счет при поступлении на службу: коня, шашку и кинжал с поясом, седло с прибором и кожаными переметными сумами, уздечку с чумбуром, недоуздок, торбу и холщовые сумы для овса, вьючку, форменную черкеску и черкеску вседневную, форменный бешмет и бешмет вседневный, шаровары темного цвета и другие произвольного цвета, бурку, башлык, папаху парадную, папаху вседневную, 1 пару сапог (или чевяк), пару теплых портянок (или теплые носки), полушубок (или ватный бешмет), 2 пары теплых перчаток, 2 полотенца, 1 сумку с мелочью (бухчу, капшук), нагайку, патронташ, 2 пары подков, скребницу, щетку и треногу.

За порчу или промотание мундирных или аммуничных вещей, хотя бы и собственных, казак во время нахождения на службе подвергается наказанию по суду, как за порчу или промотание казенных вещей.

В помощь на покупку коня, каждый конный казак получает из войскового капитала сторублевое пособие, выдаваемые же казаку ремонтные деньги предназначаются на исправление и возобновление предметов снаряжения,

Кзаки, не бывшие в военных или юнкерских училищах, но сдавшие установленный для получения офицерского звания экзамен (как правило, это были урядники — что аналогично сержантскому составу современной армии — или казаки с высшим либо средним специальным образованием. — *Примеч. ред.*), при производстве в первый чин с назначением в первоочередные части получают пособие на обмундирование, в размере трехсот рублей и на приобретение коня с седлом 200 руб. То и другое пособие выдается из войсковых средств.

IV. Собственный Его Величества Конвой

Состав и комплектование Конвоя. Учреждение Черноморской гвардейской сотни. Дело 4 октября 1813 года. Пополнение Конвоя Линейцами. Переформирование 1861 года. Вручение Терскому эскадрону штандарта 8 октября 1868 года. Терцы в Кишиневе и под Ловчей. Столетний юбилей Конвоя (1911)

Кавказские казачьи Войска — Кубанское и Терское имеют высокую честь в числе строевых частей своих, выставлять на службу Царскую четырехсотенный Собственный Его Императорского Величества Конвой, две сотни которого (1-я и 2-я) комплектуются Кубанцами, а две сотни (3-я и 4-я) — Терцами, выбором людей из всего Войска.

Конвой назначается для службы при Священной Особе Монарха, находится на постоянной действитель-

ной службе, принадлежит к составу Императорской Главной Квартиры, состоит из штаба и 4-х сотен и пользуется правами Гвардии. Командир Конвоя назначается по личному усмотрению Государя Императора. Остальными офицерами Конвой комплектуется, по представлении командира Конвоя, посредством перевода таковых из строевых частей Кавказских казачьих Войск, в виде особой высшей награды и притом из принадлежащих к числу: а) природных казаков (были еще «приписные» казаки — приписанные в казачество по собственному желанию представители других сословий и народностей; их дети считались уже «природными» казаками. — *Примеч. ред.*), б) достойных во всех отношениях, в) окончивших курс в военных или юнкерских училищах, г) прослуживших на действительной службе в офицерских чинах не менее двух лет и д) пробывших после того прикомандированными (в чине не выше сотника) к Конвою для испытания не менее четырех месяцев. В Кубанские сотни могут быть переводимы только офицеры Кубанского Войска, а в Терские только Терского.

Мундир Собственного Его Величества Конвоя есть высокое и почетное отличие для Кавказского казака, а потому выбору в Конвой на службу могут удаиваться только отличнейшие во всех отношениях нижние чины, по преимуществу, оказавшие боевые отличия. Строевой состав сотен Конвоя комплектуется выбором казаков Кубанского и Терского казачьих Войск, для чего командир Конвоя раз в год командует в каждое Войско по одному офицеру; эти офицеры отводят в Войска эшелон отслужившихся казаков и затем остаются в Войсках на год для производства выбора подходящих казаков путем объезда станиц Войска. Нижние чины, предназначенные в Конвой, должны быть: вполне возмужалые, физически окрепшие, совершенно здоровые, видные, без

физических недостатков, ростом не ниже 2 арш. 7 вер., хорошей нравственности и отлично усвоившие требования службы. При зачислении в Конвой казак должен иметь в полной исправности: 1) черкеску, бешмет, шаровары произвольного цвета, башлык коричневый, бурку и черную папаху конвойного образца, три пары белья, сапоги, чевяки с ноговицами (ноговицы — кавказские кожаные гетры для верховой езды; употреблялись в комплекте с чевяками, без сапог. — *Примеч. ред.*) и бумажные чулки; 2) вполне годного к строевой службе коня (допускаются все масти, кроме серых и пегих), ростом 2 арш. 1 $\frac{1}{2}$ верш. — 2 арш. 2 $\frac{1}{2}$ верш.; 3) седло и весь конский убор кавказского, существующего в Конвое, образца и 4) исправную шашку с портупеей и кинжал с поясом. К 5 мая все выбранные нижние чины собираются по распоряжению Наказных Атаманов на сборные пункты: Кубанские в станицу Пашковскую, а Терские — в станицу Прохладную, откуда 20 мая выступают в Петербург.

Все нижние чины, поступившие в Конвой на службу, обязаны прослужить в нем установленные сроки и, во всяком случае, не менее двух лет со дня прихода в Конвой, после чего, по собственному желанию и удостоверению начальства, могут продолжать службу в Конвое или же увольняются в Войска.

За беспорочную службу в Собственном Его Величества Конвое учрежден особый знак с вензелевыми изображениями имен Императоров, при которых получающие этот знак имели счастье служить, со дня учреждения его 4 октября 1883 года. Знак (для офицеров — золотой, для нижних чинов — штампованный из белого металла) носится на левой стороне груди при всех формах обмундирования, хотя бы и других частей войск, а равно и в отставке. Право ношения знака предоставляется: а) командующему Императорской Главной Квартир-

рой при оставлении им этой должности, б) штаб и обер-офицерам, при выбытии их из Конвоя, и тем нижним чинам, которые, при отчислении на льготу, в запасный разряд и в отставку, будут заслуживать этого отличия.

Начало Собственному Его Величества Конвою было положено ровно сто лет тому назад, 18 мая 1811 года, когда Император Александр I Благословенный пожелал иметь при себе, в числе гвардии своей, конную сотню казаков от Войска Черноморского (вошедшего потом в состав Кубанского) из «лучших людей, под командой из их же Войска одного штаб-офицера и потребного числа офицеров из отличнейших людей». Едва только сотня эта была сформирована и прибыла в Петербург (12 февраля 1812 года), как уже двинута была на Западную границу в действующую армию — это был великий 1812 год, год «Отечественной Войны». Черноморцам, вошедшим в состав Лейб-Казачьего полка, пришлось много поработать как при отступлении к Москве, так и при преследовании французов до Парижа. Особенно счастливый боевой подвиг удалось им совершить 4 октября 1813 года, в битве под Лейпцигом, когда, сопровождая и охраняя Священную Особу Императора, они были посланы самим Государем в атаку во фланг французской кавалерии, сильно теснившей центр наших войск. Несмотря на страшно неудобную местность (путь пересекался топким ручьем), Конвой Государя с беззаветною удалью помчался вслед за лихим командиром — полковником Ефремовым, перебрался через ручей и вовремя подоспел на помощь теснимой части нашего расположения, нанеся внезапный и потому тем более страшный удар неприятелю. Успешная атака французов была остановлена, и их победа обратилась в поражение. За геройский подвиг полковник Ефремов получил крест св. Георгия 3-й степени, а командир Черноморского эскадрона пол-

ковник Бурсак — св. Георгия 4-й степени. Получили награждения и прочие чины эскадрона, которому за героическое дело были пожалованы Государем Георгиевский штандарт и серебряные трубы. Незабвенный с того времени для Черноморцев день 4 октября стал впоследствии днем годового праздника Собственного Его Величества Конвоя, а св. Иерофей, память которого в этот день празднуется, сделался его патроном и защитником.

В 1832 году состав Конвоя был пополнен сборной полусотней Линейских казаков, составленной из Сборного Линейного казачьего дивизиона, бывшего с графом Паскевичем-Эриванским в Царстве Польском (на усмирении восстания поляков против Российской Империи. — *Примеч. ред.*). Еще несколько ранее для конвойной службы при Государе был сформирован лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон, комплектовавшийся из знатных грузин и кавказских горцев. Таким образом, в 1833 году Конвой состоял уже из двух эскадронов Черноморцев, Линейцев, грузин и горцев.

Когда в 1861 году произошло разделение казачьих Войск Северного Кавказа на два Войска: Терское и Кубанское, то в Конвое уже было три казачьих эскадрона, каждый из которых комплектовался на $\frac{2}{3}$ из Кубанцев и на $\frac{1}{3}$ из Терцев. Такой порядок был скоро признан неудобным, и в 1867 году 7 октября последовало Высочайшее повеление о комплектовании впредь отдельно двух эскадронов от Кубанского и одного от Терского Войска. В том же году, 12 декабря, Терскому эскадрону был Всемилостивейше пожалован особый Георгиевский штандарт «за отличную боевую службу Терского казачьего Войска». Сформированный на новых началах лейб-гвардии Терский казачий эскадрон Собственного Его Величества Конвоя, под командой ротмистра И. Ив. Сафо-

нова выступил в половине мая из сборного лагеря под станицей Прохладной, а 15 августа благополучно прибыл в Петербург.

8 октября в 11 часов утра в Золотой зале Зимнего Дворца произошло торжество прибавки штандарта, а в Михайловском манеже состоялось освящение его и вручение эскадрону, причем эскадрон был осчастливлен следующими словами Императора: «Поздравляю вас с новым штандартом! Я лично имел случай убедиться в славной боевой службе Терского Войска на Кавказе, и, жалуя вам штандарт, я уверен в том, что вы будете служить всегда так же, как ваши Кавказские товарищи!» Высокий подъем духа, проявленный при этом торжественном событии Терцами, поэтически описан командиром эскадрона И. Ив. Сафоновым в написанной им по этому случаю песне «Полным сердцем торжествуя, Терцы весело поют», сделавшейся одной из любимейших песен Терских казаков (у нас напечатана на 1-й странице).

Прошло несколько лет, и разразившаяся война с Турцией 1877—1878 годов дала Терскому эскадрону возможность и случай доказать на деле, насколько оправдывают казаки высокое доверие Государя, оказанное эскадрону. 2-й Кубанский и Терский эскадроны были двинуты против Турок в составе Дунайской армии. 12 апреля 1877 года Государь произвел всем собранным на границе, в Кишиневе, войскам смотр, во время которого был объявлен манифест о войне. Государь поздравил войска с походом, а Конвою при этом сказал: «Благодарю вас за молодецкую службу при Мне! Поручаю вам Брата (Великого Князя Николая Николаевича)! Берегите его, а когда он пустит вас в дело, то, надеюсь, будете молодцами и не посрамите славу ваших отцов!» Командовавший тогда Терским эскадронам ротмистр П.Т. Кулебякин написал по этому

случаю еще более распространенную песню «С Богом Терцы», песню, сделавшуюся как бы войсковым гимном. 22 августа того же года Терский эскадрон заслужил свой Георгиевский штандарт и покрыл себя бессмертной славой геройской своей атакой на турецкую пехоту в бою под Ловчей (см. выше стр. 201—207).

19 мая 1911 года Государев Конвой праздновал столетний юбилей своего существования. Накануне этого дня, 17 мая, в Полукруглом зале Александровского дворца в Царском Селе совершена была в Высочайшем присутствии торжественная прибавка нового штандарта, Всемилостивейше пожалованного Конвою по случаю столетия Царской его службы, после чего Наследнику Цесаревичу как Августейшему Атаману всех казачьих Войск, Терской Депутацией были поднесены подарки от Терского Войска: конь с седлом и полным снаряжением и войсковой мундир. А в самый день торжества на площадке перед Большим Царскосельским дворцом состоялся Высочайший смотр Конвою и вручение нового штандарта и грамоты на него Командиру Конвоя свиты Его Величества генерал-майору князю Ю.И. Трубецкому. Чины Конвоя были приведены к присяге и прошли пред Его Величеством церемониальным маршем, причем за сотнями Конвоя следовали красивые линии офицеров и казаков в старинных формах Конвоя.

На параде присутствовал и Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич, Великий Князь Алексей Николаевич, и Августейшие Дочери Государя Императора Великие Княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, а также много приглашенных гостей и посторонней публики.

Во главе приглашенных явились старослуживые Конвойцы и депутации от Кавказских казачьих войск во гла-

ве с Наказными Атаманами. Депутация от Терского Войска состояла из четырех офицеров (Наказный Атаман Генерал-Лейтенант А.С. Михеев, Начальник Войскового Штаба Генерал-Майор Ф.Г. Чернозубов, Войсковой Старшина Э.А. Мистулов, Есаул И.А. Борисов) и шесть нижних чинов (отставной вахмистр ст. Георгиевской Бонифатий Серебряков, отставной урядник атаман ст. Галюгаевской Терентий Иванов, отставной урядник ст. Сунженской Хрисанф Калашников, отставной вахмистр атаман ст. Ардонской Лев Швыдков, 1-го Сунженско-Владикавказского генерала Слепцова полка вахмистр подхорунжий Сергей Зимоглядов, 2-й Терской батареи вахмистр подхорунжий Андрей Игольников, младший урядник 1-го Кизляро-Гребенского полка Артем Болдырев, 1-го Кизляро-Гребенского полка приказный Кузьмин).

После парада Государю Императору была поднесена пробная порция казачьего обеда, причем Его Величеству благоугодно было выпить за процветание Конвоя чарку вина и произнести следующие знаменательные слова:

«Сто лет Конвой честно и верно служил своим Царям и Родине как в походах, так и в мирное время. Предки Мои ценили, как и Я, беззаветную преданность Кубанских и Терских казаков Конвоя. Уверен, что и грядущие его поколения будут служить по примеру своих славных предков.

Благодарю прежде служивших и ныне находящихся в строю Конвоя за службу. За верную вашу службу, казаки, Мое сердечное спасибо!..

За дальнейшую славу Моего Конвоя, за здоровье прежде в нем служивших и за ваше здоровье, казаки!.. Ура!..»

Дружными кликами «ура» со стороны казаков были покрыты милостивые слова Государя, который затем

проследовал во внутренние покои дворца, где состоялся для офицеров Конвоя и особо приглашенных гостей завтрак в Высочайшем присутствии.

На другой день Конвой делал обед своим гостям в новом здании офицерского собрания Конвоя, пожалованном Конвою Государыней Императрицей Александрой Феодоровной. Перед обедом прибывшими депутациями от Терского и Кубанского войск, а также от полков Гвардии, были произнесены приветственные адреса и поднесены Конвою подарки. От Терского войска поднесена была большая чаша, украшенная серебряными грифонами (герб дома Романовых) и адрес следующего содержания: «При Грозном Царе Иоанне Васильевиче стали грудью на Тереке казаки Гребенские. Подходили затем триста лет войска Терское, Кизлярское да Волгское; полки Моздокский, Горский, Сунженский и Владикавказский.

Лилась кровь русская, росла Слава Казачья... Из Черномории потребовал себе БЛАГОСЛОВЕННЫЙ Царь-Батюшка охрану надежную, дружину верную. Подкрепили ее казаки Кубанские и Терские.

Оправдала себя Дружина Царская.

На большой вековой казачий праздник долга, чести и верности, как в древности, прибыла с Терека Зимовая Станица... За службу Царскую Конвою Государеву низко кланяется!»...

V. Конные полки и батареи Терского войска

Общие правила. Порядок службы конных полков. Управление полком. Стоянки Терских полков. Возникновение левой Кавказской казачьей артиллерии. Порядок службы в батареях. Стоянки Терских батарей

Стрелковые части и команды находятся в подчинении Наказному и Войсковому Наказному Атаманам, но во время нахождения на службе вне пределов водворения своих Войск, стрелковые казачьи части подчиняются стрелковому начальству военных округов и командующим войсками областей в установленном порядке, с тем однако, что Войсковой Наказный Атаман о всех распоряжениях, имеющих влияние на общий порядок службы стрелковых казачьих частей, расположенных вне округов водворения, входит в соглашение с главными начальниками соответствующих военных округов, которые в свою очередь по важнейшим вопросам, касающимся расположенных в пределах подведомственных им округов стрелковых казачьих частей, входят в предварительное соглашение с соответствующим Войсковым Наказным Атаманом.

Выставляемые Терским Войском полки формируются в четырех полковых округах, соответствующих отделам области, и разделяются на три очереди, из которых первая состоит на действительной службе, а вторая и третья на льготе. Во второочередных полках содержится в мирное время на службе только лишь штаб полка; излишние офицеры находятся в соответствующем 1-м полку, а нижние чины проживают в станицах, имея в постоянной боевой готовности коней, снаряжение и обмундирование. В третьих полках и командный состав и нижние чины в мирное время состоят только по спискам и проживают дома, имея в постоянной готовности обмундирование и снаряжение; от содержания в наличности строевого коня казаки третьей очереди освобождаются.

Управление и порядок несения строевой службы в конных казачьих полках тождественны с порядками, принятыми в регулярной кавалерии, с той только разницей, что в отношении внешнего вида казачьих частей, принимая во внимание заготовку предметов снаряжения и

обмундирования казаков собственным их попечением, от казаков не требуется такого же однообразия, какое существует в регулярных частях, и что в казачьих частях ни в каком случае не должно разбивать людей по сотням для подбора лошадей по мастям, для более строгого ранжира «или по каким бы то ни было другим причинам, обуславливающим внешний вид казачьей части».

Из первоочередных полков Терского Войска в настоящее время только лишь один 1-й Кизляро-Гребенской генерала Ермолова полк расположен в пределах области (штаб полка в городе Грозном), состоя в 3-й Кавказской казачьей дивизии. 1-й Горско-Моздокский генерала Круковского полк стоит на турецкой границе (местечко Ольты, Карской области) и входит в состав 1-й Кавказской казачьей дивизии. 1-й Сунженско-Владикавказский генерала Слепцова полк состоит во 2-й Кавказской казачьей дивизии и расположен на персидской границе (урочище Хан-Кенды, близ города Шуши, Елисаветпольской губернии). 1-й Волгский полк находится на австрийской границе (город Каменец-Подольск), в составе 2-й Сводной казачьей дивизии.

В 1808 году, по мысли командующего 19 и 20 артиллерийскими бригадами, генерал-лейтенанта Капцевича, для всех поселенных на Кавказской Линии казачьих частей были сформированы две казачьи конно-артиллерийские роты, в двенадцатиорудийном составе каждая, с присвоением им номеров 4-й и 5-й. Первые три номера были Донские (первые три номера были присвоены Донским артиллерийским ротам. — *Примеч. ред.*). При этом имелись в виду две выгоды: сбережение регулярной артиллерии от трудных и разъединенных движений по гористым местам и значительная дешевизна для казны по содержанию такого рода оружия для передовой казачьей службы. В этих последних видах казакам были выда-

ны от казны одни только орудия с принадлежностью и назначены к отпуску огнестрельные припасы, с некоторым единовременным пособием на первоначальное обзаведение; затем приобретение и содержание лошадей с упряжью, ремонтирование орудий и ящиков и другие хозяйственные потребности отнесены на собственный счет казаков. Комплектование рот офицерами и нижними чинами возложено также на казачьи части пропорционально числу служащих людей в каждой из них. На продовольствие артиллерийских лошадей казна отпускала деньги, поставлять же фураж в натуре должны были казачьи части, каждая свою долю.

В настоящее время в Терском войске две конных казачьих батареи — 1-я и 2-я. Обе они находятся в мирном составе постоянно на службе, и потребное для укомплектования их, в случае надобности, до штатов военного времени число людей находится на льготе. Командиры и офицеры батарей находятся на службе в батареях постоянно, а нижние чины сменяются, по мере выслуги срока действительной службы, молодыми казаками. Льготные чины артиллерии обязаны иметь в постоянной готовности обмундирование, вооружение, снаряжение и строевых лошадей.

Первая Терская батарея стоит в городе Ахалкалаках (уездном) Тифлисской губернии, а вторая в пределах области — в городе Моздоке.

VI. Местные команды, музыкантский хор и военно-ремесленная школа

Местные команды. Войсковой музыкальный хор. Оружейные мастерские. Войсковая военно-ремесленная школа. Войсковая седельно-шорно-обмундировальная мастерская

Местные казачьи команды назначаются для службы при войсковых учреждениях. Служба казаков в местных командах считается наравне со службой в строевых частях, и смена казаков производится ежегодно по расчету четырехлетнего срока службы.

Заведывание местными командами Терского Войска возлагается на офицеров, состоящих в распоряжении войскового начальства, с предоставлением этим офицерам прав сотенного командира. Переписка по делам местных команд ведется при канцеляриях соответствующих второочередных полков, на командующих которыми возлагается и высшее начальствование над командами.

Войсковой музыкантский хор Терского Казачьего Войска состоит в прикомандировании к Войсковому Штабу, начальник которого пользуется по отношению к хору правами полкового командира. Непосредственное заведывание хором возлагается (с правами командира сотни) на одного из офицеров, состоящих в распоряжении войскового начальства. Хор содержится по штату и комплектуется нижними чинами строевого разряда, с допуском также казаков приговорительного разряда и малолетков. Отслужившие свой обязательный срок музыканты могут оставаться на сверхсрочную службу на особых основаниях. В состав хора допускаются и вольнонаемные музыканты. Все чины хора служат пешими на тех же основаниях, как и вообще нестроевые в казачьих частях. Для обучения музыкантов и певчих (могущего быть образованным хором) состоят вольнонаемные, по договорам, капельмейстер и регент, подчиненные заведывающему хором. Внутренний порядок в хоре, служба его, а также и обязанности чинов определяются инструкцией, утверждаемой Наказным Атаманом.

При складах имуществ льготных войсковых частей состоят по одной штатной оружейной мастерской в каж-

дом из отделов. Эти мастерские находятся в ведении заведывающих оружием второочередных полков, командующим которыми мастерские подчиняются, под общим надзором Атаманов отделов.

Для распространения в войсковом населении ремесленных знаний, необходимых для изготовления предметов обмундирования и снаряжения выходящим на службу казакам, а также для приготовления строевым частям Войска знающих мастеров и подмастерьев, в городе Владикавказе существует Войсковая Военно-Ремесленная Школа на 60 учеников, составляющих в строевом отношении полусотню. Состоя в непосредственном заведывании начальника школы, школа подчиняется Наказному Атаману чрез Начальника Войскового Штаба. В ученики школы принимаются один раз в год казаки Терского Войска в возрасте от 16 до 19 лет (считая к 1 сентября), причем при определении в школу преимущество отдается менее состоятельным. Принятые в школу ученики содержатся в ней и снабжаются необходимым обмундированием, снаряжением и вооружением за счет Войска и на все время нахождения в школе освобождаются от личных денежных и натуральных повинностей.

Курс обучения в школе трехлетний (младший, старший и специальный классы) и разделяется на теоретический и практический. Теоретический курс, проходимый только в двух низших классах, составляют следующие предметы (в объеме полковых учебных команд): Закон Божий, чтение и письмо, арифметика, геометрия и черчение. Практический курс заключается в изучении одного из положенных в школе ремесел. Кроме того, ученики всех трех классов занимаются фронтowymi учениями, стрельбой в цель, хоровым пением, чтением (и рассказами) из казачьей истории и изучением сведений,

обязательных для каждого казака. На июль и август ученики школы могут быть увольняемы, по желанию, в отпуск с проездом за собственный счет, а не воспользовавшиеся этим правом остаются для практических занятий в школе.

Выпускные экзамены ученикам, кончившим курс специального класса, производится из предметов, преподававшихся во всех классах школы, особыми комиссиями, назначаемыми Наказным Атаманом, причем выпускаемые из школы ученики разделяются по своим успехам на три разряда. Первый разряд получает аттестат на звание мастера, второй на звание подмастерья, а третьему разряду выдается, взамен аттестата, свидетельство о прохождении курса. Выпущенные из школы ученики состоят на особом учете в управлениях Атаманов Отделов и командируются, в установленном порядке, на службу как в строевые части, так и в оружейные мастерские и в военно-ремесленную школу.

При Владикавказской военно-ремесленной школе Терского Войска учреждена в 1902 году мастерская с седельно-шорным и обмундировальным отделениями, подчиняющаяся Наказному Атаману чрез Войсковой Штаб. Мастерская эта имеет целью предоставить выходящим на службу молодым казакам возможность приобретать вполне форменные предметы казачьего и конского снаряжения по недорогой цене и хорошего качества; служить практическим целям обучения учеников войсковой военно-ремесленной школы и готовить для строевых частей Войска основательно обученных своему делу шорников, седельников и портных.

Работы в мастерской производятся положенными по штату мастеровыми и учениками военно-ремесленной школы, на начальника которой возлагается заведывание

мастерской. Сверх штатного числа учеников школы, к занятиям в мастерской допускаются, в качестве приходящих учеников, казаки из числа не состоящих на действительной службе. Число таких приходящих учеников определяется Наказным Атаманом, которому предоставляется утверждать инструкции и табели, устанавливающие внутренний распорядок мастерской, расписание занятий и снабжение ее инструментом. В случае мобилизации Войска, мастерская продолжает свою деятельность впредь до особого распоряжения Войскового Наказного Атамана.

VII. Выход из войскового сословия и зачисление в него

*Служба вне Войска и увольнение из войскового сословия.
Зачисление в войсковое сословие*

Лицам казачьего сословия предоставляется право поступления на службу вне своего войска (за исключением лиц, не отбывших службы в своем войске), перечисления в другие казачьи войска и совершенного выхода из войскового сословия, если только выход этот не ставит Войско в затруднение при исполнении лежащих на Войске военных обязанностей в мирное и военное время, и если выходящий удовлетворяет следующим условиям: 1) имеет не менее 17-ти лет от роду, 2) отказывается от участия в пользовании станичными землями, 3) уплатил все недоимки и повинности, 4) не состоит под следствием и судом, 5) обеспечил исправное снаряжение на службу нераздельно живущих с ним достигших 17-ти лет малолетних родственников, остающихся в войсковом сословии, 6) имеет согласие родителей, если живет с ними

нераздельно и не имеет офицерского или классного чина, 7) указал избранный род жизни или представил приемный приговор того общества, в которое намерен перейти.

Главы семейств могут перечисляться и выходить из сословия как лично, так и с нераздельно живущими с ними членами семейства, не достигшими 17-летнего возраста, причем казакам, уволенным вместе с главами семейств, предоставляется в возрасте 17—25 лет возвращаться в войсковое сословие в те же станичные общества, к которым они принадлежали ранее, не испрашивая на то согласия этих обществ. Выходить из войскового сословия дозволяется также казачкам незамужним и вдовам; жены лиц невойскового сословия перестают числиться в сословии.

Просьбы об увольнении из войскового сословия или о перечислении в другие казачьи войска подаются: офицерами и чиновниками — Наказному Атаману лично или по команде, а прочими лицами подлежащему Атаману Отдела, который представляет просьбу по принадлежности. Окончательное удовлетворение таких просьб офицеров и чиновников зависит от Военного Министра, а всех прочих лиц — от Наказного Атамана, который и делает своей властью соответствующее распоряжение, входя, если это понадобится, в непосредственные сношения с подлежащими войсковыми начальствами.

Разрешение на службу в посторонних Войску ведомствах, без исключения из сословия, зависит от Наказного Атамана, просьбы к которому офицерами и чиновниками направляются непосредственно или по команде, а прочими лицами чрез Атаманов Отделов.

В войсковое сословие зачисляются только такие лица, которые намерены водвориться в станицах и мо-

гут приносить пользу станичным обществам. Лица, желающие зачислиться в войсковое сословие, подают о том Наказному Атаману прошение, к которому прилагают приемный приговор станичного общества, куда намерены зачислиться, метрические свидетельства свое и членов семьи, послужные списки, аттестаты, указы об отставке, а принадлежащие к сельскому или городскому состоянию — увольнительные от обществ приговоры. Окончательное разрешение по просьбам офицеров и чиновников делается Военным Министром, а по прочим ходатайствам этого рода Наказным Атаманом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вопрос о составлении для Казачьих Войск особых учебников по войсковедению возник еще в 1903 году по поводу сделанного одним из Атаманов казачьих Войск в его личном всеподданнейшем отчете заявления о том, что при объезде им станиц Войска ему пришлось обнаружить, что «образование души и ума казачат разьяснением понятий о родине, о семье, о Царе, о Боге почти отсутствует; с детьми мало, а может быть и совсем не беседуют об этих важных основах, не вкореняют им понятий об обязанностях, о чувстве долга; уже не говоря о том, что и для самих этих учителей и учительниц более тесная сфера понятий о казачестве, о казачьем духе “terra incognita”». Против этого замечания тогдашний Военный Министр Генерал-Адъютант Куропаткин отметил: «Верное замечание. Надо создать особый казачий учебник, отдельный для каждого войска, где включены были бы все главнейшие по войску данные: исторические, географические, экономические и служебные». В том же году Войсковым Начальством было предложено автору составить такой учебник для Терского Войска. Между тем различные события внешнего и внутреннего характера (участие в Русско-Японской войне на Дальнем Востоке, и т.п.) поставили автора в необходимость задержать составление книги до 1911 года, летом которого книга наконец была закончена. При этом автор значительно расширил как программу, так и объем пред-

положенной книги, желая ей придать характер своего рода маленькой «казачьей энциклопедии», большинство статей которой было бы вполне доступно уму станичного школьника и рядового казака, а часть удовлетворила бы и более серьезным запросам станичного школьного учителя, строевого офицера и массы казачьей интеллигенции. Отдавая должную дань внимания казачьей песне, неизменной спутнице и украшению казачьего житья-бытья, автор нашел полезным включить в книгу, наряду с местными песнями, также и стихотворения Лермонтова, Пушкина, Майкова и др., подходящие к содержанию и тону книги. Весь материал распределен на шесть частей, каждая в семь глав, причем три первые части посвящены прошлому, а три последние настоящему.

Для облегчения желающим дальнейшего и более детального изучения затрагиваемых автором вопросов казачьей истории и жизни, имелось в виду приложить к книге и особый указатель библиографии предмета, однако этот указатель разросся до такой величины, что включение его оказалось несколько неудобным, поэтому автор решил издать библиографический указатель отдельной брошюрой, отложив это издание до более благоприятного времени.

В заключение автор считает нужным указать на то обстоятельство, что он далек от мысли считать свой труд совершенством, так как и новизна дела, и недостаточная общая разработка казачьей истории вообще, а Терского Войска в особенности, волей-неволей влекут за собой пробелы и промахи со стороны автора, который, вполне это сознавая, примет с благодарностью всякие замечания, указания, поправки и советы относительно формы и содержания книги и просит направлять их в город Владикавказ (Терской области).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хронология важнейших событий, касающихся Терского казачьего Войска

Годы

1380. Известие о казаках, приветствующих князя Дмитрия Донского.

1444. Рязанские казаки помогают рязанцам разбить татарского султана Мустафу, в битве на р. Листани.

1520. Падение Рязанского княжества. Вероятный уход рязанского казачества на поиски новых мест жительства (на Терек) и начало Гребенского войска.

1533—1584. Царь Иван Васильевич IV Грозный.

1552. Взятие Казани. Первая просьба Пятигорских Черкас о принятии их в Московское подданство.

1556. Присоединение Астрахани.

1559. Первая посылка царского войска на Терек.

1560. Поход воеводы Черемисинова на шамхала Тарковского.

1563. Постройка воеводой Плещеевым первого русского города на Тереке, в Кабарде (вероятно, в Нижнем Джулате, на правом берегу Терека).

1567. Воеводы Бабычев и Протасьев строят на Терек, «у усть-Сунчи реки», первую Терку.

1571. Первая Терка оставлена царскими войсками и занимается вольным казачеством, явившимся на Терек «с Волги».

1577. Стольник Мурашкин громит волжское казачество, отдельные части которого разбегаются по «запольным» рекам, в том числе и на Терек.

1577. Воевода Новосильцев строит вторую Терку на месте первой. С того же года считается старшинство Терского войска.

1582. Покорение Ермаком Сибирского царства.

1584—1598. Царь Феодор Иванович.

1584. Терка опять брошена. В ней поселяются снова вольные казаки. Вольные же казаки находятся на службе в Грузии у царя Симона.

1588. Воевода Бурцев строит в низовьях Терека третью Терку. Учреждение постоянного Терского воеводства.

1589. Первое построение на Сунже «острога».

1591. Поход князя Засекина на шамхала Тарковского. С ним 1000 волгских казаков.

1592. Постройка острога на Кой-су Сулак.

1593. Первое столкновение Терцев с Турками; поход Терских казаков под Темрюк вызывает жалобы Турецкого Султана на чинимые Терцами «обиды».

1594. Поход воеводы князя Хворостинина на шамхала Тарковского.

1598—1605. Царь Борис Годунов.

1604. Поход воевод Бутурлина и Плещеева против шамхала Тарковского.

1605. Упразднение острогов на Кой-су, Ак-таше и Сунже.

1605—1606. Царь Димитрий Самозванец I.

1606. Бунт Терских казаков. 4000 Терцев уходят с Терека на Волгу ставить царем на Москве своего самозванца Илейку Муромца (Коровина).

1606—1610. Царь Василий Шуйский.

1610—1613. Междуцарствие.

1613—1645. Царь Михаил Феодорович Романов.

1614. Терские казаки действуют под Астраханью против бунтовщика Заруцкого.

1618. Гребенские казаки сопровождают ученых геологов Самуила Фрича и Иогана Геральда во время их поездки в горы.

1633. Гребенцы и Терцы с царскими войсками громят «Казыевы улусы» (Малый Ногай).

1645—1676. Царь Алексей Михайлович.

1646. Князь Муцал Сунчалеевич Черкасский с Кабардинцами и Терскими казаками на Дону, в помощи Донцам против Азовцев и Крымцев.

1651. Вновь на Сунже строится острог. Его занимают стрельцы и Гребенцы.

1653. Сунженский острог выдерживает жестокое нападение и осаду со стороны кумык и дагестанцев. Казакам объявляется царская благодарность за мужество, но острог приказано вновь не строить.

1668—1670. Бунт Стеньки Разина и походы его в Персию.

1671. Терские казаки с князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским принимают участие в усмирении разинцев, буйствующих в Астрахани.

1676—1682. Царь Феодор Алексеевич.

1677. Гребенцы и Терцы участвуют в боях под Чигириным

1680. На Куме образуются поселения раскольников с Дона. Вскоре они переходят на Аграхань, во владения шамхала Тарковского.

1682—1689. Цари Иван и Петр Алексеевичи.

1688. Кубанский сераскир Кази-Гирей громит Терские казачьи городки.

1689—1725. Царь (а потом Император) Петр I Алексеевич Великий.

1691. Аграханские казаки-раскольники уходят на Кубань.

1695. Гребенцы и Терцы участвуют в Азовском походе.

1707. Кубанский сераскир Эштек-Каип-Султан громит Терских казаков и сжигает их город (Гюйген-Кала).

1711—1712. Граф Апраксин переселяет Гребенцов на левый берег Терека. Своими угодами на правом берегу реки казаки все-таки пользуются до 1799 года.

1717. 500 Гребенцов и несколько Терцев участвуют в несчастном походе князя Бековича Черкасского в Хиву.

1720. Гребенские казаки поступают в ведение военной коллегии.

1722. Петр Великий на Кавказе. Взятие Дербента. Постройка крепости св. Креста, Аграханского ретранше-мента и других укреплений на Сулаке.

1724. Устройство Сулакской линии и Аграханского казачьего войска, в состав которого входят Терские казаки и 1000 семей Донцов.

1725—1727. Императрица Екатерина Алексеевна I.

1727—1730. Император Петр II Алексеевич.

1730—1740. Императрица Анна Иоанновна.

1732. Учреждение нового Волгского войска на Волге между Царицыным и Камышиным, из Донских и иных доброхотных выходцев.

1733. Усиление Волгского войска Донцами с Царицынской линии (1057 семей).

1733. Крымская двадцатитысячная армия, двинутая под начальством Фети-Гирей-Султана через Северный Кавказ против Персии, остановлена русскими войсками на выходе из гор между рекой Белой и деревней Горячей. 11 июня принц Гессен-Гомбургский разбил татар и отогнал их в Чечню, откуда они через горы перешли в Закавказье.

1734. Волгское войско получает уставную грамоту, по которой Волгцам даются обычные казачьи привилегии (самоуправление, самосуд, выборная старшина).

1735—1736. По договору с Персией Сулакская линия уничтожается. Вместо крепости св. Креста возводится Кизлярская. Аграханские казаки переселяются на Терек, где получают имя Терского Семейного, выше Кизляра, и Терского Кизлярского войск.

1736. Гребенцы с атаманами Аукой и Петровым участвуют в Кубанском походе калмыцкого хана Дондук-Омбо (взят город Темрюк).

1740. Из-за спора о двуперстном крестном сложении Гребенцы начинают откалываться от православной церкви.

1741—1761. Императрица Елисавета Петровна.

1745. Терско-Семейное войско присоединено к Гребенскому.

1755. Терско-Семейное войско вновь получает прежнюю самостоятельность.

1761—1762. Император Петр III Феодорович.

1762—1796. Императрица Екатерина II Алексеевна Великая.

1763. В урочище Уыздогу, на левом берегу Терека, закладывается форпост.

1763. Чеченцы поселяются на Старом Гребенском юрте, на правом берегу Терека, на арендном праве, по договору Довлет-Гирея Гребенчуковского с Червленскими казаками.

1765. Обращение Моздокского форпоста в сильную крепость Моздок. Раздраженные кабардинцы, соединившись с черкесами, нападают на Терскую линию и Кизляр.

1765. Главное течение Терека устремляется в образовавшуюся между Кизляром и Бороздинским городком «прорву».

1767. Терское казачество посылает в Москву депутатов для участия в работах по составлению нового Уложе-

ния. От Гребенцов едут Биянин и Андреев, от Терского Семейного войска — Татаринцев.

1769—1770. Перевод половины Волгского войска на Терек для образования Моздокского казачьего поселенного полка.

1769. Терские казаки участвуют в действиях против Кабардинцев (бой у р. Эшкакона) и в Закубанском походе генерала Модема (Моздокцы, Гребенцы и Терцы).

1770. По требованию генерала Модема, «подчинившиеся» России «мирные» чеченцы выселяются из гор и начинают занимать земли по Сунже и на правом берегу Терека на бывших казачьих землях (нынешний Надтеречный участок).

1771. Главная масса калмык (28 000 кибиток) во главе с ханом Убашей откочевывают от Маныча в пределы Китая. Между Манычем и Волгой остается до 13 000 кибиток, рассеянных по разным концам степи.

1771. На освободившиеся по уходе калмык степные пространства русское правительство переселяет отложившихся от Турции Буджакских (Едисанских) ногаев.

1771—1772. Емельян Пугачев на Тереке. Он записывается сначала казаком в Дубовской, а потом в Каргалинский городок. Казаки «заручаются» избрать его Войсковым Атаманом, но не желавший уступить своего места атаман Татаринцев схватывает Пугачева, в кандалах отправляет его в Моздокскую тюрьму, откуда Пугачев бежит с помощью казаков.

1773—1774. Пугачевский бунт.

1774. Нашествие Девлет-Гирея в Кабарду, откуда он посылает на Терскую линию калгу Шабал-Гирея с девяти тысячным отрядом. Геройская оборона казаками и казачками Наура 10—11 июня.

1776—1778. Образование Волгского казачьего полка переселением на Линию остальной части Волгского войска.

1777. Основание Георгиевска и заложение Моздокско-Азовской линии. 200 кибиток крещенных калмык присоединяются к Моздокскому полку.

1784. Основание Владикавказской крепости.

1785. Гребенцы с атаманом Сехиным и Терцы с Бековичем отражают Шейх-Мансура от Кизляра.

1785. Учреждение Кавказского Наместничества из Астраханской и Кавказской губернии. Главный город Екатериноград (ныне станица) на Тереке.

1788. Терцы (Гребенцы и др.) под Анапой с Текелли.

1790. Терцы (Гребенцы и др.) под Анапой с Бибиковым.

1791. Терцы под Анапой с Гудовичем.

1792. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань.

1796. Участие Терцев в Персидском походе графа Валериана Зубова.

1796—1801. Император Павел I.

1799. Указ о сравнении казачьих чинов с армейскими.

1801—1825. Император Александр I Благословенный.

1802. Начало постоянной службы линейских казаков в Закавказье.

1804. Линейцы с есаулами Сурковым и Егоровым отличаются под Эриванью.

1806. Чума на Линии.

1809. Присоединение ингушей к России и начало выселения их из гор на плоскость.

1810. Дело Червленского старшины Максима Фролова с чеченцами, 2 апреля.

1811. Сформирование гвардейской сотни из казаков Черноморского войска, послужившей ядром для образования Собственного Его Величества Конвоя.

1812. Основание Пятигорска.

1814. Чума на Линии.

1816—1827. Генерал А.П. Ермолов на Кавказе.

1817. Усиление Назрановского укрепления и сооружение Преградного Стана.

1818. Постройка крепости Грозной.

1819. Постройка крепости Внезапной.

1819. Ермолов заменяет у Гребенцов и Терцев выборных Войсковых Атаманов «Командирами Войска» по назначению.

1819—1830. Первый Командир Гребенского войска полковник К.П. Ефимович.

1822. Кавказская губерния переименована в область, управление которой вверено Командующему войсками Линии.

1824. Образование Горского казачьего полка.

1825—1855. Император Николай I.

1826—1829. Линейцы участвуют в войне с Персией, а затем с Турцией. Подвиги их 19 июня (с делибашами). 21 июня под Карсом (есаул Зубков), 15 авг. 1828 года под Ахалцихом (опять Зубков) и 20 июня 1829 года в бою у Милли-Дюза (Венеровский и Атаршиков), 27 сентября под Бейбуртом (сотник Чуксеев), и др.

1831. Образование Варшавского дивизиона. Сформирование в Малороссии казачьих полков для борьбы с Польским восстанием.

1832. Дело Гребенцов со скопищем Кази-Муллы близ Шавдан-Юрта (гибель полковника Волженского) 19 августа.

1832. Из войск, поселенных по Линии, образовано Кавказское Линейное казачье войско, причем войска Гребенское, Терское Семейное и Терское Кизлярское переименованы в Гребенской, Терский и Кизлярский казачьи полки.

1832—1837. Первый Наказный Атаман Кавказского Линейного казачьего войска — генерал-лейтенант Петр Семенович Верзилин.

1832. Команда отборных казаков Варшавского дивизиона причисляется к Собственному Его Величества Конвою.

1836. Терский и Кизлярский полки соединены в один Семейный Кизлярский полк.

1837—1849. Наказный Атаман Линейцев — генерал-лейтенант Степан Степанович Николаев.

1837—1838. Образование на Верхне-Терской линии Владикавказского казачьего полка из двух Малороссийских полков, сформированных в 1831 году.

1841. Дело командира Гребенского полка майора Венеровского с партией чеченцев в Щедринском лесу, 9 января.

1842. Владикавказский полк причислен к Линейному Войску.

1845. Учреждение Сунженского казачьего полка и начало деятельности генерал-майора Н.П. Слепцова, устроителя Сунженской линии.

1845. Кавказскому Линейному Войску Высочайше даровано особое «Положение», по примеру войск Донского и Черноморского (14 февраля).

1845. Даргинский поход графа М.Е. Воронцова («Сухарная экспедиция»).

1846. Геройское дело горсти Гребенцов с подполковником Сусловым и войсковым старшиной Камковым под Ак-Булат-Юртом против скопища горцев, 24 мая («Сусловское дело»).

1847—1848. Появление среди Терского казачества так называемых «шаповалов», т. е. переселенных на линию из малорусских губерний казаков и крестьян, приписываемых к Терскому казачеству. Большинство их обращено было на численное увеличение Гребенского полка, в станицах которого и поселено. Вследствие отказа Червленцев принять в свою среду «шаповалов», из них в червленском юрте было образовано совершенно отдельное поселение — станица Николаевская.

1849. Участие Сводного Линейного казачьего дивизиона с кн. Паскевичем в Венгерской кампании.

1849—1852. Наказный Атаман Линейцев — генерал-майор Феликс Антонович Круковский.

1851. Смерть лихого генерал-майора Н. П. Слепцова в бою под Гехами, 10 декабря.

1852—1854. Наказный Атаман Линейцев — генерал-майор князь Теорий Романович Эрстов.

1853—1856. Восточная Союзническая война («Севастопольская кампания»). Баш-Кадыкларское дело 19 ноября 1853 года (полковники Камков и Евсеев с линейцами). Бой у Кюрюк-Дора 24 июля 1854 года (полковники Камков и Скобелев с линейцами). Лихое дело Линейцев у Пеняка 30 августа 1855 года.

1855—1861. Наказный Атаман Линейцев — генерал-лейтенант Николай Александрович Рудзевич.

1855—1881. Император Александр II Освободитель.

1856. Донцам, Черноморцам и Линейцам срок службы сокращен с 30 до 25-ти лет, из которых полевой службы 22 года и 3 года внутренней.

1859. Падение Гуниба и пленение Шамиля. Покорение Восточного Кавказа.

1860. Кавказская Линия разделена на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию.

1861. Кавказское Линейное казачье войско разделено на две части: расположенная в Терской области получает имя Терского казачьего войска, а остальная соединяется с Черноморским в одно Кубанское Войско.

1861—1865. Первый Наказный Атаман Терского войска — генерал-майор Христофор Егорович Попандопулло.

1864. Окончательное покорение Западного Кавказа.

1864. Сокращение для Кавказских казаков срока службы до 22 лет (15 полевой и 7 лет внутренней службы).

1865. Образование Терской и Кубанской постоянной милиции.

1865—1875. Наказный Атаман Терского войска — генерал-адъютант генерал-лейтенант Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Звание Наказного Атамана соединено с должностью Начальника Области.

1869. Издано Положение о поземельном устройстве в казачьих войсках (21 апреля).

1869. Полное преобразование Кубанской и Терской областей (30 декабря). При этом 12 казачьих станиц Кубанского войска и 1 Терского отходят к Ставропольской губернии и перечисляются в гражданское состояние.

1870. Издано Положение о преобразовании (с 1 января 1871 года) Кубанского и Терского казачьих войск: из полков Кизлярского и Гребенского образован полк Кизляро-Гребенской, а из Горского и Моздокского — Горско-Моздокский. Фактически преобразована Терская область.

— Издано Положение об общественном управлении в казачьих войсках.

— Изданы Правила о подсудности по преступлениям лиц войскового сословия всех казачьих войск.

— Издано Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов Донского, Кубанского и Терского войск.

1870. На казачьи войска распространено действие дисциплинарного Устава.

1872. Распространение на все казачьи войска, кроме Донского и Уральского, Положения о пошлинах за право торговли и промыслов (1 января).

1873. Участие Терцев в Хивинском походе в составе войск Мангышлакского отряда (по сотне Кизляро-Гребенцов, Владикавказцев и Сунженцев).

1875. Издание Устава строевой казачьей службы.

1875—1883. Наказный Атаман Терского казачьего войска — генерал адъютант генерал-лейтенант Александр Павлович Свистунов.

1877—1878. Участие 8 конных полков, гвардейского эскадрона и конной батареи Терского казачьего войска в войне с Турцией «За освобождение Славян», а 7 полков и конной батареи против восставших горцев Чечни и Дагестана. Славные дела Терцев у Самовида 3—4 июля, у Плевны 8 и 18 июля и 30 августа, под Ловчей 22 августа, у Бегли Ахмета 17 мая, Аравартана 3 июня, Даяра 9 июня, Суботана 6 июля, под Ягнами 20 сентября, у Хаджи-Халиля 2 октября, у Базарджика 2 же октября, на Аладжинских высотах 3 октября, у Деве-Бойну 23 октября, при взятии Карса 6 ноября 1877 года.

1878. В Кавказской армии упразднена должность Походного Атамана казачьих полков.

1879. Две сотни (2 и 4) 1-го Волгского полка участвуют в Ахал-Текинской экспедиции и при штурме Геок-Тене.

1879. 1-му Кизляро-Гребенскому полку дан шефом Великий Герцог Мекленбург-Шверинский.

1881—1894. Император Александр III, Царь Миротворец.

1882. Распространение Устава о воинской повинности Донского войска на Кубанское и Терское войска и издание для них Положения о военной службе. Сунженский и Владикавказский полки сведены в один.

1883—1887. Наказный Атаман Терского казачьего войска — генерал-майор Евгений Корнильевич Юрковский.

1884. Введение в казачьих войсках чина подьесаула и упразднение чина майора.

1885. Присвоение Командующему войсками Кавказского военного округа и Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе прав и звания Войскового Наказного Атамана Кавказских казачьих Войск. Первый Войсковой Наказный Атаман — генерал-адъютант генерал от кавалерии князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков.

1885. Участие 1-го Кизляро-Гребенского полка в походе на Кушку, к Афганской границе.

1887—1889. Наказный Атаман Терского войска — генерал-лейтенант Алексей Михайлович Смекалов.

1888. Преобразование управления Терской и Кубанской областями с упразднением Войскового Хозяйственного Правления и с передачей дел гражданского управления из ведения министерства Внутренних Дел в ведение Военного министерства.

1889. Первоочередные полки Терского войска приводятся в шестисотенный состав.

1889—1900. Наказный Атаман Терского Войска — генерал-лейтенант Семен Васильевич Каханов.

1890. Приводятся в шестисотенный состав и второчередные Терские полки.

1890. Окончательно упразднена должность Походного Атамана казачьих полков.

1891. Издано новое Положение об общественном управлении станиц казачьих войск (3 июня).

1892. Введение нового Положения в войсках Донском, Астраханском, Оренбургском, Терском, Кубанском, Сибирском и Семиреченском.

1894— Вступление на престол ныне благополучно царствующего Императора Николая II.

1898. Выделение Моздокского отдела из состава Пятигорского.

1900—1905. Наказный Атаман Терского Войска — генерал-лейтенант Сергей Евлампиевич Толстов.

1901. В память пятидесятилетия со дня смерти славного устроителя Сунженской линии генерал-майора Н.П. Слепцова Высочайше повелено 1-му Сунженско-Владикавказскому полку именоваться впредь 1-м Сунженско-Владикавказским генерала Слепцова полком (10 декабря).

1902. Жалование офицерам первоочередных частей Кубанского, Терского, Сибирского, Семиреченского и Астраханского войск принято полностью за счет казны (относительно Донцов, Оренбургцев и Уральцев это произошло в 1884 году).

1903. Полкам 1-му Кизляро-Гребенскому и 1-му Горско-Моздокскому Высочайше повелено именоваться полком генерала Ермолова и полком генерала Круковского (26 августа).

1904—1905. Русско-Японская война. От Терского войска в войне участвуют 1-й Кизляро-Гребенской генерала Ермолова и 1-й Сунженско-Владикавказский генерала Слепцова полки и 2-я Терская казачья батарея.

1905—1908. Наказный Атаман Терского Войска — генерал-лейтенант Алексей Михайлович Колюбакин.

1908. Наказный Атаман Терского Войска — генерал-лейтенант Александр Степанович Михеев.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
Часть I	
КАЗАЧЕСТВО	6
I. Значение слова «Казак»	
<i>Происхождение слова. Его первоначальное общее значение.</i>	
<i>Особые значения: казаки-батраки и казаки-воины.</i>	
<i>Казаки татарские и русские</i>	6
II. Начало казачества	
<i>Борьба Руси со степью. Богатыри Святорусские.</i>	
<i>Татарское иго. «Дикое поле» и его обитатели.</i>	
<i>Появление казаков. Их служба государству</i>	13
III. Казаки восточные — городовые и вольные	
<i>Различие между городовыми и вольными казаками.</i>	
<i>Казачье общественное устройство. Войсковой круг.</i>	
<i>Его права и деятельность. Казаки и Московское правительство</i>	
<i>XVI—XVII веков. Вору ли казаки? Идея казачества</i>	24
IV. Казаки Западные — Днепровские	
<i>Образование Днепровского казачества.</i>	
<i>Основание Запорожской Сечи. Реестровые казаки.</i>	
<i>Охочекомонные полки. Постепенное развитие Малорусского</i>	
<i>казачества. Отношение его к государственной власти.</i>	
<i>Отличительные черты Западного казачества</i>	43
V. Казачьи походы	
<i>Казаки и басурмане. Походы Гетмана Богдана 1576—1578 годов.</i>	

<i>Азовское сидение 1641 года. Морские набеги Донцов и Запорожцев. Казаки на Каспии</i>	52
VI. Историческое значение казачества.	
Оборона границ и расширение пределов	
<i>Казаки — передовые бойцы и разведчики.</i>	
<i>Покорение Сибири. Открытие новых земель на Дальнем Востоке. Казаки на Амуре. Первые дела с Китаем.</i>	
<i>Твердость казачья в деле защиты границ</i>	65
VI. Историческое значение казачества. Присоединение Малороссии	
<i>Католичество и православие в Западной Руси. Уния.</i>	
<i>Выступление казачества. Гетман Наливайко.</i>	
<i>Новые бедствия Малороссии. Тарасова ночь.</i>	
<i>Жестокость поляков при казни народных вождей.</i>	
<i>Богдан Хмельницкий. Переяславская Рада</i>	72
VI. Историческое значение казачества.	
Деятельность казаков в лихолетья	
<i>Смутное время. Участие казаков в прекращении смуты и в избрании первого Государя из Дома Романовых.</i>	
<i>Нашествие французов в 1812 году.</i>	
<i>Смуты недавнего времени</i>	81
VII. Казачьи войска	
<i>Из бывших вольных: Донское, Уральское, Терское, Кубанское.</i>	
<i>Из бывших городовых: Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское,</i>	
<i>Амурское и Уссурийское</i>	91
Часть II	
КАЗАКИ НА ТЕРЕКЕ	96
I. Гребенское войско	
<i>Первые казачьи поселения на Тереке.</i>	
<i>Отношения новоселов к туземцам.</i>	
<i>Семейный и общественный быт Гребенцов.</i>	

Первые труды и подвиги. Переход Гребенцов на левый берег Терека. Дальнейшая судьба Гребенского Войска 96

II. Низовые Терские казаки (Войска Терское, Терское Семейное и Кизлярское)

Возникновение Терского Войска. Царские города на Тереке. Борьба с Дагестаном и Персией. Донские раскольники на Куме и Аграхани. Аграханское Войско. Построение Кизляра и дальнейшая судьба низового Терского Войска 103

III. Кавказская линия

Начало Кавказской линии. Кубанское наместничество. Кабардинский вопрос. Крепости и селения по линии. Моздокский полк. Волгский и Хоперский полки. Черноморцы и Кубанцы 112

IV. Геройская оборона Наурской станицы в 1774 году 118

V. Казачье житье-бытье на Терской линии

Укрепления по линии. Станицы и их устройство. «Кордон», «Фигуры», «Летучки» и «Цидулы». Условия хозяйственного быта. Тревоги. Строевые части. Участие в походах. Жалованье и другие виды довольствия. Повинности. Отзыв Ермолова о линейцах. 122

VI. Передовая (Терско-Сунженская) линия

Горский полк. Военно-Грузинская дорога. Образование Владикавказского полка. Сунженская линия. Генерал-майор Н.П. Слепцов. Окончательное заселение Сунжи 131

VII. Окончательное покорение Кавказа

Ермолов на Линии. Его план покорения Кавказа. Мюридизм. Кази-Мулла. Шамиль. Борьба с Шамилем. Экспедиции. Время Воронцова. Падение Гуниба и плен Шамиля. Покорение Западного Кавказа. Участие казаков в Кавказской Войне 136

Часть III

ТЕРЦЫ НА ВОЙНЕ

- (Участие Терских казаков во внешних войнах России) 145
- Задачи и подготовка похода. Переход к Хиве.*
Гибель отряда. Рассказ участника похода
гребенца Демушкина. Хивинский поход 1873 года.
Терские казаки за Каспием в 1879 и 1885 годах 145
- II. Первые турецкие и персидские войны
- Первые встречи Терцев с турками. Терцы под Азовом.*
Анапские походы Текелли и Гудовича. Поход Зубова в Персию.
Начало постоянной службы Терцев в Закавказье.
Первые подвиги 152
- III. Русско-турецкая война 1828—1829 годов
- Повод к войне. Первые стычки.*
Линейцы под Карсом и Ахалцихом.
Взятие Гакки-паши. Подвиг 12-ти Линейцев
на Эрзерум-Бейбуртской дороге.
Образование Варшавского дивизиона 159
- IV. Восточная война 1853—1856 годов
 (Севастопольская кампания)
- Начало войны. Ахалцих. Баш-Кадыкларское дело*
19 ноября 1853 года. Бой у Кюрюк-Дора
24 июля 1854 года. Обложение Карса.
Лихое дело Линейцев у Пеняка 30 августа 1855 года.
Падение Карса и Парижский мир 164
- V. Русско-турецкая война (За освобождение славян)
- Повод к войне. Распределение русских войск.*
Участие Терцев в войне. Славные дела Гребенцов, Моздокцев,
Волгцев и Владикавказцев. Восстание в Чечне и Дагестане.
Приказ Наказного Атамана 170
- VI. Дело под Ловчей 22 августа 1877 года
- Ловча. Подвиг Мордвинова. Боевая обстановка*

*под Ловчей. План наступления. Начало боя. Взятие Ловчи.
Преследование. Трофеи боя* 176

VII. Русско-Японская война 1904—1905 годов

*Начало войны. Стремление казаков на войну.
Мобилизация и выступление. Прибытие в конный
отряд генерала П.И. Мищенко. Участие в майском набеге на
Факумынь-Синминтин. Разведка Санвайзы 21 мая.
Бой под Ляоянвопынем 3 июня. Штурм Санвайзы 18 июня.
Сунженцы с генералом Мищенко во Владивостоке* 183

Часть IV

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

 191

I. Территория Терской области

*Границы ее и площадь. Устройство поверхности: горы,
долины и степи. Войсковая территория* 191

II. Орошение и климат

*Характер рек Терской области. Терек и его притоки.
Кура и Кума. Озера. Атмосферные осадки.
Климат Терской области. Климатические станции* 195

III. Почва; растительный и животный мир

*Дельта Терека. Горные склоны и ущелья.
Предгорные равнины. Степная полоса.
Животный мир области* 199

IV. Минеральные богатства

*Минеральные воды Терской области.
Курорты Пятигорья, Серноводск, Гребенские Горячие Воды.
Источники меньшего значения. Руды и другие
полезные ископаемые области: нефть, серебро,
свинец, цинк, строительный камень и др.* 203

V. Население

*Племенной состав населения Терской области.
Плотность его. Историческое прошлое области*

<i>и связь его с ее этнографией. Осетины. Татарское владычество.</i>	
<i>Болкары. Кабардинцы. Чеченцы и ингуши.</i>	
<i>Кумыки. Горские евреи. Караногайцы.</i>	
<i>Распределение по вероисповеданиям</i>	210

VI. Административное деление области

<i>Округа и отделы. Порядок управления.</i>	
<i>Областная администрация. Войсковое управление</i>	220

VII. Пути и средства сообщения

<i>Водные пути сообщения. Характер рек Терской области.</i>	
<i>Железные, шоссейные и грунтовые дороги области.</i>	
<i>Особенное значение для края дорожного вопроса</i>	
<i>и современное его положение</i>	224

Часть V

ТЕРЦЫ ДОМА

<i>(Домашний и общественный быт казака)</i>	228
---	-----

I. Землепользование Терских казаков

<i>Земельные владения Терского Войска.</i>	
<i>Офицерские участки и земли войскового запаса.</i>	
<i>Станичные наделы. Распределение наделной земли по паям.</i>	
<i>Система хозяйства и землепользования</i>	228

II. Сельское хозяйство

<i>Хлебопашество. Огородничество. Садоводство.</i>	
<i>Виноградарство и виноделие.</i>	
<i>Сенокосение. Пчеловодство</i>	233

III. Рыболовство и скотоводство

<i>Речное рыболовство. Морские воды.</i>	
<i>Рыболовство в море. Скотоводство. Коневодство</i>	237

IV. Промышленность и торговля

<i>Виноделие. Горный промысел.</i>	
<i>Лесной промысел. Ремесла. Фабрики и заводы.</i>	
<i>Отхожие промыслы. Торговля</i>	244

V. Общественные дела, капиталы и повинности	
<i>Управление станичными делами. Станичный атаман.</i>	
<i>Станичный сход. Станичное правление.</i>	
<i>Станичное судопроизводство. Станичные доходы и расходы.</i>	
<i>Специальные капиталы. Денежные повинности</i> <i>(земские и мирские). Натуральные повинности</i>	248
VI. Войсковое хозяйство	
<i>Постепенное изменение устройства войскового управления.</i>	
<i>Современное управление войсковым хозяйством.</i>	
<i>Войсковые запасные земли. Войсковые леса.</i>	
<i>Войсковые доходы, расходы и капиталы</i>	255
VII. Грамотность и образование	
<i>Грамотность. Число учащихся.</i>	
<i>Войсковые учебные заведения и стипендии.</i>	
<i>Расход войсковых средств на образование</i>	261
Часть VI	
ЦАРСКАЯ СЛУЖБА	265
I. Высокое назначение воина	
<i>Казак — воин. Защита Царя и Отечества от врагов. Знамя.</i>	
<i>Присяга. Качества, необходимые каждому воину</i>	265
II. Служба казака	
<i>Порядок несения военной службы. Служильный состав.</i>	
<i>Приготовительный, строевой и запасный разряды.</i>	
<i>Сроки службы и порядок перечисления. Казачьи чины.</i>	
<i>Выставляемые Войском части и порядок комплектования.</i>	
<i>Льготные лагеря</i>	269
III. Денежное и натуральное довольствие	
<i>Источники положенных видов довольствия.</i>	
<i>Что полагается строевому казаку от казны и Войска?</i>	
<i>Что казак должен иметь за собственный счет?</i>	
<i>Ответственность за порчу имущества.</i>	

	<i>Пособия при поступлении на службу</i>	273
IV. Собственный Его Величества Конвой		
	<i>Состав и комплектование Конвоя.</i>	
	<i>Учреждение Черноморской гвардейской сотни.</i>	
	<i>Дело 4 октября 1813 года. Пополнение Конвоя Линеицами.</i>	
	<i>Переформирование 1861 года. Вручение Терскому эскадрону</i>	
	<i>штандарта 8 октября 1868 года. Терцы в Кишиневе</i>	
	<i>и под Ловчей. Столетний юбилей Конвоя (1911)</i>	276
V. Конные полки и батареи Терского войска		
	<i>Общие правила. Порядок службы конных полков.</i>	
	<i>Управление полком. Стоянки Терских полков.</i>	
	<i>Возникновение полевой Кавказской казачьей артиллерии.</i>	
	<i>Порядок службы в батареях. Стоянки Терских батарей</i>	284
VI. Местные команды, музыкантский хор		
и военно-ремесленная школа		
	<i>Местные команды. Войсковой музыкальный хор.</i>	
	<i>Оружейные мастерские.</i>	
	<i>Войсковая военно-ремесленная школа. Войсковая</i>	
	<i>седельно-шорно-обмундировавшая мастерская</i>	287
VII. Выход из войскового сословия и зачисление в него		
	<i>Служба вне Войска и увольнение из войскового сословия.</i>	
	<i>Зачисление в войсковое сословие</i>	291
ПОСЛЕСЛОВИЕ	294
ПРИЛОЖЕНИЕ	296

Научно-популярное издание
История казачества

Караулов Михаил Александрович

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *Б.В. Петухов*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Дизайн обложки *Г.Н. Фадеев*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 30.01.2008. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 5693.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-40-74.
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 188-00-73
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (495) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,

2-й Рошинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labirint-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург;

пр. Обуховской обороны, д. 105.

Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.

Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород,

ул. Геологов, д. 1.

Тел.: (831 2) 63-97-78

E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск,

ул. Арбузова, 1/1.

Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33

www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Плюс», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Первое упоминание о терских казаках относится к XVI веку. Их отдаленными предками были гребенские казаки, поселившиеся на реке Сунже в конце XV — первой половине XVI века, и присоединившиеся к ним в XVI веке переселенцы с Дона. Официальной датой основания Терского Казачьего Войска считался 1577 год, когда гребенцы успешно оборонялись от крымских татар в Терском городке близ устья реки Сунжи.

Книга атамана Терского Казачьего Войска, генерал-майора Михаила Александровича Караулова, впервые изданная в 1912 году под названием «Терское казачество в прошлом и настоящем», рассказывает об истории терского казачества и ратных подвигах русского воинства во славу Отечества.

58 р.

ISBN 978-5-9533-3093-0

9 785953 330930

